АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ОТДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ТЕХНОЛОГИЙ

Ф. С. Фазылова

НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ

(II ПОЛОВИНА XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

БАШКОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ
БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Уфа

Гилем

2017

УДК 82(470.57)–1:37.034
ББК 83.3(2Рос= Баш)
Ф16

Издание осуществлено при содействии Фонда поддержки научных исследований АН РБ

Ответственный редактор:
доктор филологических наук, академик АН РБ Г. Б. Хусаинов

Рецензенты:
Г. Р. Хусаинова, кандидат филологических наук
Ф. Ш. Сибагатов, кандидат филологических наук

Фазылова, Ф. С.

Ф16 Нравственно-этические проблемы в современной башкирской поэзии (II половина XX – начало XXI века). – Уфа : Башк. энцикл., 2017. – 144 с.

ISBN 978-5-88185-374-7

В книге на фоне нравственно-этических проблем анализируются произведения башкирской поэзии 70 – 90-х гг. XX – начала XXI вв., выявляются способы их художественного воплощения в творчестве известных писателей.

Предназначена литературоведам, аспирантам, студентам, учителям общеобразовательных школ и широкому кругу читателей.

УДК 82(470.57)–1:37.034
ББК 83.3(2Рос= Баш)

ISBN 978-5-88185-374-7

© Фазылова Ф. С., 2017
© «Башкирская энциклопедия», 2017

ВВЕДЕНИЕ

Представления о добре и зле, чести и достоинстве, смысле жизни, счастье, долге насквозь пронизывают мировую литературу и все ее жанры, в том числе и поэзию. «Нравственность – это плод передающегося из века в век накопленного опыта человечества»[1].

Нравственно-этические понятия, актуальные во все времена, не потеряли своей значимости и в современной литературе, в частности поэзии. Это наглядно видно на примере литературы 70–90-х гг. XX – начала XXI вв.

Обращение писателей, поэтов и литературоведов к нравственным проблемам данного периода не случайно, это явление закономерное. Оно связано, прежде всего, с художественной концепцией человека – центральной темой в литературе, а также с факторами и обстоятельствами развития общества.

О злободневности исследуемой темы свидетельствуют дискуссии, которые интенсивно велись на страницах периодической печати. Например, горячие споры возникли вокруг проблемы «Нравственность: личность и литература» («Литературная газета». 1978. 12, 19 июля; 9, 23 августа).

В выступлениях Ю. Андреева («Современник: дело и слово»), В. Камянова («Уравнение без неизвестных»), В. Шугаева («Для удобства любимого героя»), Вл. Коробова («Что за словом?»), Н. Высоцкой («Выйти за пределы») как раз речь идет о проблемах нравственного становления личности, о том, как литература участвует в воспитании лучших качеств человека – его принципиальности, честности, сознательного отношения к общественному долгу.

Нравственно-этические проблемы рассматриваемого периода удачно разрешены с художественной точки зрения в творчестве русских, национальных, в том числе башкирских писателей, а именно: В. Шукшина, Ф. Абрамова, Ч. Айтматова, В. Астафьева, А. Адамовича, В. Белова, В. Распутина, В. Быкова, С. Залыгина,

[1] *Ахмедьянов К. А.* Прекрасное и героическое в поэзии. Уфа, 1982. С. 47. (на башк. яз.)

А. Вознесенского, Н. Рубцова, В. Казанцева, В. Цыбина, Л. Мартынова, И. Шкляревского, С. Викулова, В. Федорова, Ю. Кузнецова, В. Шефнера, И. Друцэ, Н. Думбадзе, Х. Ашинова, И. Машбаша, И. Юзеева, Р. Файзуллина, Г. Афзала, М. Карима, Н. Наджми, Х. Гиляжева, Н. Мусина, А. Абдуллина, Р. Гарипова, Р. Сафина, А. Игебаева, Р. Бикбаева, К. Аралбая и т. д.

В отечественном литературоведении нравственно-этические проблемы освещались в научных трудах известных русских ученых-литературоведов и критиков: В. Я. Барласа, Л. Я. Гаранина, Д. А. Гранина, А. Г. Бочарова, В. И. Гусева, Ф. С. Кузнецова, А. Ф. Лапченко, С. А. Липина, Г. И. Ломидзе, Л. М. Сипко и др.[2] Основное внимание в исследованиях уделено проблеме взаимоотношения личности и общества, концепции человека, вопросам нравственно-этического формирования личности. Изучению морально-этических проблем посвящен ряд диссертационных работ последних лет, где вопросы этой проблематики рассматривались на различном национальном и жанровом материале[3].

Нравственно-этический аспект в башкирском литературоведении, в особенности поэзии, впервые был исследован К. А. Ах-

[2] *Барлас В. Я.* Глазами поэзии: Об открытиях искусства и современных поэтах. М., 1986; *Гаранин Л. Я.* Поиск духовного единства: Характер ценностных ориентаций в современной советской литературе. Минск, 1990; *Гранин Д. А.* В конце семидесятых: Литература наших дней. Л., 1980; *Бочаров А. Г.* Бесконечность поиска. М., 1982; *Гусев В. И.* Художественное и нравственное. Письма о литературе. М., 1988; *Он же.* Высокая любовь. М., 1980; *Кузнецов Ф. С.* За все в ответе. Нравственные искания в современной прозе и методология критики. М., 1984; *Лапченко А. Ф.* Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х годов. Л., 1985; *Липин С. А.* Человек глазами природы. М., 1985; *Ломидзе Г. И.* Нравственные истоки подвига. М., 1977; *Сипко Л. М.* Человек и природа в русской поэзии 60–70-х годов. Киев, 1987.

[3] *Махинина Н. Г.* Проблема нравственных ценностей в творчестве Юрия Казакова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1997; *Романенко В. П.* Человек и природа гор в художественной литературе Северного Кавказа, эволюция взглядов и нравственный аспект проблемы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2008; *Хуако С. А.* Нравственно-этическая проблематика и художественные искания адыгейской прозы 60–70-х гг. XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 1996; *Шарипова А. С.* Морально-этическая концепция в драматургии Юнуса Аминова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007.

медьяновым. Его научные работы в этой области были обобщены на литературно-теоретическом семинаре и впоследствии вошли в посмертную книгу «Прекрасное и героическое в поэзии» (Уфа, 1982; сост. С. Сафуанов, Р. Ахмедьянова).

В своих трудах, анализируя живой литературный процесс, известный ученый-литературовед показывает, что в центре художественной литературы находится человек и отображение борьбы за обогащение его духовного мира.

К. А. Ахмедьянов определил круг вопросов, стоящих перед обществом, на примере конкретных литературных фактов сформулировал первостепенные задачи и цели башкирских литераторов.

Указанные проблемы в башкирском литературоведении затрагивались в монографических исследованиях Р. Б. Ахмадиева, Ф. С. Ахметовой, Р. Н. Баимова, Р. Т. Бикбаева, М. Ф. Гайнуллина, Г. Н. Гареевой, Т. А. Кильмухаметова, З. А. Нургалина, А. Х. Хабирова, Г. Б. Хусаинова[4].

Однако до сих пор в башкирском литературоведении, в частности поэзии, отсутствуют специальные исследования по этой теме. Отдельные аспекты данной проблемы затрагивались в трудах Р. Т. Бикбаева, А. Х. Хабирова, Г. Б. Хусаинова и других исследователей.

Таким образом, актуальность настоящего монографического исследования обусловлена недостаточной разработанностью нравственно-этических проблем в башкирском литературоведении и необходимостью их разностороннего и углубленного изучения на примере башкирской поэзии указанного периода.

---

[4] *Ахмадиев Р. Б.* Жанрово-стилевые поиски в современной башкирской драматургии (70–80-е гг.). Уфа, 1995. (на башк. яз.); *Ахметова Ф. С.* Творчество Рафаэля Сафина. Уфа, 1999; *Баимов Р.Н.* Поискам нет конца. М., 1980; *Бикбаев Р. Т.* Время. Поэт. Народ. М., 1986; *Он же.* Эволюция современной башкирской поэзии. М., 1991; *Он же.* Слово поэта – совесть поэта. Уфа, 1997; *Гайнуллин М. Ф.* Время. Конфликт. Характер. Уфа, 1974; *Он же.* Пути развития башкирской драматургии. Уфа, 1985. (на башк. яз.); *Гареева Г. Н.* Зеркало времени: Духовный мир героя. Уфа, 2003. (на башк. яз.); *Кильмухаметов Т. А.* Драматургия и драматурги: Исследования, статьи. Уфа, 1986. (на башк. яз.); *Нургалин З. А.* Герой и современность. Уфа, 1975. (на башк. яз.); *Хабиров А. Х.* В стране поэзии. Уфа, 2006. (на башк. яз.); *Хусаинов Г. Б.* Поэты: Творческие портреты. Уфа, 1981. (на башк. яз.)

Объектом настоящего исследования являются стихотворения ведущих поэтов Башкортостана, а именно Мустая Карима, Назара Наджми, Мусы Гали, Рами Гарипова, Рашита Назарова, Рафаэля Сафина, Абдулхака Игебаева, Равиля Шаммаса, Равиля Бикбаева, Хасана Назара, Анисы Тагировой, Кадима Аралбая[5] и др., вошедшие в золотой фонд национальной поэзии Башкортостана. В целях сравнительно-сопоставительного анализа привлекались также произведения писателей восточно-славянских, тюркских и других народов.

Нами также привлекались научные труды в области этики и философии общетеоретического и конкретно-исторического характера. Это работы Аристотеля, Г. Гегеля, А. И. Герцена, И. Канта; А. А. Гусейнова, Д. Ж. Валеева, И. В. Стеблевой, З. Я. Рахматуллиной[6] и др.

Основной целью книги является выявление закономерностей и особенностей художественного отражения нравственно-этических поисков в башкирской поэзии 70–90-х гг. XX – начала XXI вв.

Поставленная цель обусловливает решение следующих задач:

– проследить общее отражение морально-нравственной проблемы в башкирской поэзии, а также показать ее историческую эволюцию;

[5] *Карим М.* Четыре времени любви. Уфа, 1978. (на башк. яз.); *Наджми Н.* Сочинения. Т. 1. Уфа, 1977. (на башк. яз.); *Гали М.* Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. Уфа, 1973. (на башк. яз.); *Гарипов Р.* Песня подснежника. Уфа, 1981. (на башк. яз.); *Назаров Р.* Несу вам сердце свое. Уфа, 1991. (на башк. яз.); *Сафин Р.* Белая музыка. Уфа, 1977. (на башк. яз.); *Игебаев А.* Даже камни тоскуют. Уфа, 1972. (на башк. яз.); *Шаммас Р.* Поющие капельки. Уфа, 1984. (на башк. яз.); *Бикбаев Р.* Край цветущий. Уфа, 1982. (на башк. яз.); *Назаров Х.* Вознесение на небеса. Уфа, 2000. (на башк. яз.); *Тагирова А.* Тропинка матери. Уфа, 1988. (на башк. яз.); *Аралбаев К.* Белая юрта. Уфа, 1982. (на башк. яз.)

[6] *Аристотель.* Об искусстве поэзии. М., 1957; *Гегель В. Ф.* Энциклопедия философских наук. М., 1975; *Герцен А. И.* Об искусстве. Художественные произведения и отрывки из статей, писем и дневников. М., 1954; *Кант И.* Собр. соч. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965; *Гусейнов А. А.* Великие моралисты. М., 1995; *Валеев Д. Ж.* Нравственная культура башкирского народа: Прошлое и настоящее. Уфа, 1989; *Стеблева И. В.* Поэзия тюрков VI–VIII веков. М., 1965; *Рахматуллина З. Я.* Этикет как ценность культуры. Уфа, 2004.

– выявить способы художественного воплощения данной проблемы в башкирской поэзии указанного периода; определить ее идейно-эстетическое и морально-нравственное значение;

– исследовать особенности поэтики стихотворных произведений и оценить художественное мастерство башкирских писателей исследуемого периода. Читателю остается лишь судить, смогли ли мы достичь поставленной цели.

ГЛАВА I

ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ

Нравственно-этические проблемы являются краеугольным камнем бытия людей – с древних времен до сегодняшних дней. Наиболее ярко они отразились в Коране, Библии, а также в древневосточных и средневековых литературных источниках.

В переводе с французского слово «этикет» означает «ярлык, этикетка». «В далеком XVII на одном из пышных и изысканных приемов у короля Людовика XIV присутствующим вручили карточки с перечнем требуемых от них правил поведения»[7].

В «Толковом словаре башкирского языка» арабскому слову «ҡағиҙә» («правило») дается следующее пояснение: основная мысль, отражающая закономерности между различными явлениями и их соотнесенность относительно друг друга.

Интересные сведения из области нравственно-этических правил содержатся в работах Б. Х. Багажникова «Этикет адыгов» (Нальчик, 1978), В. Овчинникова «Сакура и дуб» (Москва, 1987) и т. д.

Понятие «этикет» по смыслу близко к слову «этика». Как утверждает ученый-философ Абдусалам Гусейнов, «термин “этика” – древнегреческого происхождения. Он берет начало от слова “этос” (ethos), означавшего в далекие времена местопребывание – человеческое жилище, звериное логово, птичье гнездо. Позднее данное слово приобретает новый смысл – устойчивая природа какого-либо явления, в том числе характер, внутренний нрав живых существ»[8].

Впервые термин «этика» встречается в трактатах древнегреческого ученого и философа Аристотеля (384–322 гг. до н. э.): «Ни-

[7] *Рахматуллина З. Я.* Этикет как ценность культуры. С. 7.

[8] *Гусейнов А. А.* Великие моралисты. С. 3.

комахова этика», «Большая этика», «Эвдемова этика». У римлян бытовало слово «мораль» (mores) – обычаи, нравы. Через латинский язык эти слова-синонимы проникли в другие языки мира.

В русском языке существуют слова «нрав», «нравственный», «нравственность» (Поликарпов, «Русский словарь». 1704; Нордстет, «Русский словарь». 1780; «Академический словарь». 1793).

У мусульманских народов для обозначения этого понятия используются слова «әдәп» и «әхлаҡ»: например, у башкир – *әҙәп-әхлаҡ*, у татар – *әдәп-әхлак*, у азербайджанцев – *әхлаг*, таджиков – *ахлок*.

Слово «*әхлаҡ*» («нрав») – арабского происхождения. Оно проникло в тюркские языки, в т.ч. в башкирский язык вместе с исламом. В домусульманский период у башкир вместо понятия «*әхлаҡ*» употреблялось слово «*якшылыҡ*» («доброта»)[9]. Об этом свидетельствует Орхоно-Енисейская надпись в честь Культегин-Кагана: «Угар алыгда яг кылтым»[10], то есть «перед ними совершал добро».

Слово «*әҙәп*» («нрав») тоже восходит к арабскому языку, буквально оно означает «*ғәҙәт*» (свод правил).

Сегодня понятия «этика», «мораль», «нравственность» активно употребляются не только для обозначения явлений, имеющих отношение к жизни общества, но и относительно к науке, искусству, в том числе и к литературоведению.

Понятие «мораль» имеет различные определения в современной научной литературе. Во-первых, оно связывается с правилами поведения. Во-вторых, рассматривается как требования, предъявляемые обществом по отношению к личности. В-третьих, считается, что мораль – это внутренняя совесть человека, кодекс чести. В-четвертых, самым главным показателем морального облика человека принято считать способность личности совершать добро. Конечно, каждая из упомянутых точек зрения относительно природы морали в определенной степени справедлива. Обобщив их, можно сделать следующий вывод: «Нравственность, или мораль, как самая важная форма общественного сознания, – это социальная сила, подтверждающая единство человека и общества, человека

[9] *Валеев Д. Ж.* Нравственная культура башкирского народа. С. 51.

[10] *Стеблева И. В.* Поэзия тюрков VI–VIII веков. М., 1965. С. 80.

и природы, подтверждающая и организующая единство человека и личности, человека и общества, человека и природы»[11].

Видимо, не случайно у древних арабов понятие «*әҙип*» («писатель», «литератор») произошло от слова «*әҙәп*» («нравственность», «воспитанность»), а «*әҙәбиәт*» («искусство слова») означает не только «литература», но и «свод нравственности». Как отмечает академик Гайса Хусаинов, «Многое объясняется тем, что в основе слова "*әҙәбиәт*" лежит обобщенное понятие *әҙәп*. Писателя часто называют словом "*әҙип*". Это слово обозначает воспитатель-педагог, обучающий человека благонравию, хорошим манерам, правилам морали, широко образованный человек. Важно, чтобы "*әҙип*" (педагог) и сам был благонравным и воспитанным человеком. Его имя (воспитатель) и сущность должны быть едины, а слова не должны расходиться с делами, только в этом случае он может считаться настоящим воспитателем, истинным писателем»[12].

Если литератор-творец чистосердечен и искренен, он сможет воспитать у своего читателя такие же нравственные качества. А. Герцен определял литературу как «эстетическую школу нравственности, художественно отражающую духовное, поведенческое состояние общества»[13].

Нравственно-этические каноны общества нашли воплощение в традиционных жанрах башкирского народного творчества. Они занимают центральное место в таких эпических памятниках, как «Урал-батыр», «Акбузат», «Кузкурпэс и Маянсылу», часто упоминаются в пословицах и поговорках.

Большое место занимают морально-этические проблемы в древнетюркских литературных памятниках, в частности, дастанах, созданных в средневековую эпоху: «Кисса-и-Юсуф» Кул Гали, «Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббатнаме» Хорезми, «Джумджума султан» Х. Катиба, «Гулистан бит-тюрки» С. Сараи.

Вопросы нравственности нашли отражение в творчестве сказителей-мастеров слова (Хабрау, Асан-Кайгы, Казтуган, Шалгыз), сэсэнов (Кубагуш, Карас, Баик, Буранбай-Яркей, Ишмуха-

[11] *Валеев Д. Ж.* Луч, озаряющий душу человека // Дочь Башкирии. 1989. № 2. С. 18. (на башк. яз.)

[12] *Хусаинов Г. Б.* Секреты творчества. Уфа, 1995. С. 19. (на башк. яз.)

[13] *Герцен А. И.* Об искусстве. С. 59.

мет, Габит)[14], а также в таких древних и средневековых историко-литературных произведениях, как шежере, таварихи, тарихнамэ[15].

Этические мотивы доминируют в творчестве национального героя башкирского народа, поэта-импровизатора Салавата Юлаева (1754–1800). В них воплощен образ лирического героя, который беззаветно любит свою Родину, родной народ и природу.

«Родимая сторона – золотая колыбель». В основе меткой народной пословицы лежит глубокий смысл. Если вдуматься – что может быть ближе человеку, чем его родина. Ведь она каждому дорога и мила. Примером тому служит произведение С. Юлаева «Тыуған илем» («Родная сторона»):

Минең тыуған ҡырҙарым,
Балдай татлы һыуҙарым,
Яландарым, урманым,
Күккә ашҡан Уралым, –
Минең изге төйәгем,
Һеҙҙе һөйә йөрәгем.

Күгәреп күккә үрелгән
Ҡарлы башын Уралдың,
Күҙҙең яуын алырҙай,
Матурлығын ҡырҙарҙың
Мәңге мактар инем мин,
Мәңге данлар инем мин[16].

Милая моя земля,
Реки сладкие, поля,
Березняк и чернотал,
В небо вздыбленный Урал,
Я одну мечту таю:
Родину воспеть мою.

Головой под небо встал
Великан седой Урал,
Этот сказочный простор,
Приковал навек мой взор,
Вечно б я хвалил тебя!
Вечно воспевал тебя!..[17]
(Перевод Б. Турганова)

БАШҠОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ • БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

На первый взгляд, в стихотворении изображен обычный природный объект. Между тем, как много в этой простоте глубокого значения, различных оттенков! Душа лирического героя полна восхищения красотой родного края, чувства гордости за него. Поэт «посредством прославления природы родимой земли Урала проявляет свою искренность, гражданственность, патриотические чувства,

[14] *Антология* башкирской литературы. В 2 т. Т. 1. Уфа, 1999. С. 220–232. (на башк. яз.)

[15] *История* башкирской литературы. В 6 т. Т. 1. Уфа, 1990. (на башк. яз.)

[16] *Юлаев Салават:* Стихи, песни и рапорты батыра. Уфа, 1994. С. 46. (на башк. яз.)

[17] *Юлаев Салават*. Стихотворения. Уфа, 2000. С. 48.

философские воззрения»[18]. В стихотворении отражено единство человека и природы. Здесь лирический герой обладает такими прекрасными качествами, как ответственность, уважение к земле своих предков, стремление ее охранять. Такие поэтические образцы из творческого наследия С. Юлаева, как «Мой Урал», «Соловей», «В юрте», также пронизаны вышеназванными мотивами.

Поклонение божественной красоте, чистота души, такие нравственные черты, как человечность, доброта отражены и в любовной лирике поэта. Весьма примечательно в этом отношении его стихотворение «Зөләйха» («Зулейха»):

Зөләйха, һин ергә ингән хур ҡыҙы, Күҙҙәреңдә балҡый Зөһрә йондоҙо.	Зулейха, ты – как ясного неба привет, В твоих черных очах звезд немеркнущих свет.
Күҙҙәрең, гүйә, төндәге күк йөҙө, Яҡтыра шул күҙҙәреңдә ай үҙе. Ер хуры һин йәки ожмах шәүләһе, Һындарың, гүйә, фәрештә кәүҙәһе.	Твои очи темней самых темных ночей, В них сияние тысяч и тысяч лучей. Воплощение рая – твоя красота, Ты, как гурия рая, светла и чиста.
Мин, бахыр, һине, Зөләйха, ныҡ һөйәм, Әйтә алмайса һүҙҙәремде, баш эйәм[19].	Зулейха, несказанно люблю я тебя, Растерял все слова, погибаю, любя.[20] (Перевод Б. Турганова)

Литературовед Гиниятулла Кунафин определяет жанр этого произведения как «песня-прославление»[21]. Вначале кажется, что стихотворение построено, как принято в восточной классической поэзии, на прославлении красоты девушки. В этом смысле произведение С. Юлаева в некоторой степени созвучно со стихотворением видного поэта Туркмении Кеминэ (Маммедвели; ок. 1770–1840). Обратим внимание на следующие строки:

Но тебя не достанет моя рука –
Неподатливей нет на земле цветка.
Жжет меня наяву и во сне тоска,
Ты – мой свет, ты – жилища моих зрачков.

[18] *Идельбаев М. Х.* Национальный герой, поэт, публицист // Юлаев Салават: Стихи, песни и рапорты батыра. С. 19.

[19] *Юлаев Салават:* Стихи, песни и рапорты батыра. С. 45. (на башк. яз)

[20] *Юлаев Салават.* Стихотворения. С. 44.

[21] *Кунафин Г. С.* Духовное сияние времен. Уфа, 2006. С. 119. (на башк. яз.)

Ты – подруга Ширин, ты – Лейли равна,
Днем взгляну или ночью, твой лик – луна.
Всех в девичьем кругу он заметить готов.
Перед ликом твоим и луна темна[22].
(«Я красавицу вам опишу, друзья...».
Перевод А. Тарковского)

Как видим, поэты подобно искусному художнику воссоздают смелый образ с помощью волшебных ярких красок. Поэтому перед глазами читателя возникает живой образ прекрасной девушки, способный его заинтересовать. Даже во времена всевластия канонов шариата С. Юлаев не побоялся прославлять чувство любви к женщине, свое к ней уважение, сострадание, воспевать ее духовную красоту. А для этого в те времена требовалась исключительно большая смелость!

Чувство святой любви С. Юлаева проявляется в его отношении к родным и близким. Стихотворение «Кәҙерлеләй ғаиләм, һөйгән йәрҙәр...» («Семья дорогая, родные мои...») – тому яркий пример.

Кәҙерлеләй ғаиләм, һөйгән йәрҙәр,
Изге генә тыуған илкәйем.
Һеҙҙе шулай ташлап китерменме,
Түгеләлер күҙҙән йәшкәйем[23].

Семья дорогая, родные мои,
Широкие дали родимые,
Неужто покинуть мне вас суждено?
Мне слезы свои удержать не дано[24].
(Перевод Г. Шафикова)

Понятия «“Родина” и “семья”, воспетые в произведении, неразрывно существуют и в сознании поэта. Его мысли и чувства совершенно свободны от личных переживаний. Поэт, принимая близко к сердцу горести и печали, выпавшие на долю родной земли и народа, ощущает себя ее неразделимой частицей»[25]. В лирических образцах С. Юлаева «По бездорожью тропы пробивая...», «Косы-накосники твоих волос...» красной нитью проходят указанные мысли и настроения.

В творчестве С. Юлаева обнаруживается еще один нравственный уровень – прославление героизма и мужественности. Лирический

[22] *Кеминэ (Маммедвели).* Стихотворения. М., 1968. С. 48–49.
[23] *Юлаев Салават:* Стихи, песни и рапорты батыра. С. 49.
[24] *Юлаев Салават.* Стихотворения. С. 53.
[25] *Идельбаев М. Х.* Национальный герой, поэт, публицист. С. 30.

герой, до этого восхищавшийся родной природой и испытывавший гордость, поклонявшийся красоте, неожиданно превращается в смельчака с несгибаемым духом. Он, поэт-сэсэн, призывает мужчин и юношей не теряться при виде врага, а наоборот, яростно броситься на него, подобно льву («Стрела», «Битва», «Джигиту», «Парящий в небе дербник...»). Например, в песне-кубаире «Бүгәсәүгә ҡушылып, ир-батырға ҡуш булып...» («Присоединившись к Пугачеву...») мужчина, всем сердцем любящий свой народ, страну и решившийся защищать их от врагов, сравнивается с героем-смельчаком. Словно в подтверждение поговорки «Один – в поле не воин» Салават призывает завоевать духовную свободу в совместной борьбе против врага, с верой и надеждой всматривается в грядущее:

Бүгәсәүгә ҡушылып,
Ир-батырға ҡуш булып,
Казактарға иш булып,
Шул теләкте яулайыҡ,
Шул иректе яулайыҡ![26]

Присоединившись к Пугачеву,
Чтобы умножить силы батыров,
Чтобы быть сотоварищами казакам,
Будем бороться за это желание,
Будем бороться за эту свободу[27].
(Перевод А. Сулейманова)

Таким образом, лирический герой С. Юлаева воодушевляет нас такими нравственными качествами, как гуманность, мужество, смелость, упорство.

Превосходство духовных ценностей над материальным миром характерно и для творчества поэтов-суфиев (Ахмет Ясави, Сулейман Бакыргани, Махмут Гали, Умми Камал, Мавля Кулуй)[28]. Особый интерес представляют наставления Мавля Кулуя. В них преобладают жизненные мотивы и замысловатые высказывания в народном стиле, главным образом, суждения о красоте окружающего мира, о счастье жить на земле, о совершенстве человека, о добре и зле; о взаимоотношениях родителей и детей («Наставления», «Оставь заботы мира, возлюби терпенье...», «Прими, Мавля Кулуй, за правило смиренье...», «Как зима, придет к тебе старость...» и т. д.).

[26] *Сулейманов А. М.* Салават Юлаев – сэсен-импровизатор // Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева. Уфа, 2004. С. 330.

[27] Там же.

[28] *История* башкирской литературы. В 6 т. Т. 1. С. 227–259. (на башк. яз.); *Антология* башкирской литературы. В 2 т. Т. 1. С. 417–420.

Морально-этические проблемы отразились в творчестве жившего на рубеже XVIII–XIX вв. поэта Габдрахима Усмана (1752–1836) – «Тюркские баиты о превосходстве знания», «Святые наставления, очищающие мысли», а также видного представителя поэзии I половины XIX века Хибатуллы Салихова (1794–1867) – «Рисалят о курении», «Подарок детям»[29].

Нравственные вопросы довольно смело для того времени поставлены в произведениях Шамсетдина Заки (1826–1865) – «Одной низкой душе», «Нужен глаз», «Будет – не будет», «Словно не может быть у кого-то пять свойств», а также в творчестве поэта II половины XIX века Гали Сокороя (1826–1889) – «Прославление Казани», «Свет лампы»[30].

В последующем нравственно-этические проблемы нашли яркое отражение в стихотворениях поэтов-просветителей Мифтахетдина Акмуллы (1831–1895) и Мухаметсалима Уметбаева (1841–1907).

Древние говорили: «Знание – сокровищница». С давних пор обладание знаниями, склонность к ремеслам, мастерство почитались в народе как самые ценные качества. Мудро гласят народные пословицы: «Обладающий знаниями будет почитаться», «Знающий не умрет, незнающий не будет весел», «Знание – птица, а разум – крылья». Уместно вспомнить народную сказку «Аминбак», татарскую сказку «Дело мастера боится». В них описывается, как главные герои избавляются от большого несчастья благодаря тому, что владеют ремеслами.

В творчестве знаменитого поэта и мыслителя Мифтахетдина Акмуллы, который в свое время явился миру «подобно яркой звезде посреди черноты ночи»[31], можно встретить следующие образцы нравственного совершенства: «Башкиры мои, надо учиться!», «Пробуждение», «Назидания», «Наставления», «Воспитанность» и т. д.

В произведении «Башҡорттарым, уҡыу кәрәк!» («Башкиры мои, надо учиться!») поэт с высоким призывом обращается к родному народу:

---

[29] *Антология* башкирской литературы. Т. 1. С. 439–442.

[30] *История* башкирской литературы. Т. 2. С. 89–91; *Сокорой Г.* Свет лампы. Уфа, 1995. С. 11–12. (на башк. яз.)

[31] *Вильданов А. Х.* Акмулла – певец света и разума // Акмулла. Стихотворения. Уфа, 1981. С. 7. (на башк. яз.)

Башҡорттарым, укыу кәрәк,
уҡыу кәрәк!
Арабыҙҙа наҙандар күп,
уҡыу һирәк.
Аңғыра айыуҙан Уралдағы
ҡурҡҡандай,
Эй, туғандар, наҙанлыҡтан
ҡурҡыу кәрәк![32]

Башкиры, всем нам нужно
просвещенье!
Невежд немало, редкость –
обученье.
Страшней медведя-шатуна
незнанье –
Усилим, братья, к знанию
влеченье![33]
(Перевод М. Гафурова)

Акмулла приходит к важному выводу, что единственная дорога, ведущая человека к светлой, счастливой жизни – обладание знаниями. Ученье, ремесло для него – «источник счастья и богатства», «батыр, который сильнее льва». Он посредством меткой фразы «Те, кто учится наукам, будут бороздить и небо, и океан», выражает большую уверенность в завтрашнем дне, надежду. Неоднократно подтверждает народную поговорку: «Ученость, стремление к писательству – благо, а невежество – зло».

Лирический герой Акмуллы выступает как воспитатель-педагог. Он одержим желанием очистить духовный мир личности от всего несовершенного, облагородить его. Поэт связывает свои надежды с личностью, обладающей отмеченными выше качествами, главное для него – воспитание морали. Например, в большом произведении «Нәсихәттәр» («Назидания») поэт оценивает гуманность личности сквозь призму таких высоких категорий, как вера, ум, терпеливость, преданность, искренность. Автор подчеркивает, что если человек внутри полон зла, не будет никакого прока от того, что он будет обладать знаниями. Он желает, чтобы души людей были чисты, красивы, честны, благородны:

Иң әүүәл кәрәк паклау эстең керен,
Эстә тулып ятмаһын һаҫыҡ эрен,
Аһ, дәриға! Эс таҙарһын, эс таҙарһын!

В жизни, первое, совесть нужна,
совестливость.
Совестливость как божья дается нам
милость.
Мало молвить с усердством:

[32] *Акмулла.* Стихотворения. С. 41.
[33] *Антология* поэзии Башкортостана: Голоса веков. Уфа, 2007. С. 107.

Булмаһа, файҙа бирмәҫ ҡоро белем[34]. «Прости меня, Боже!» –
Молча совесть блюсти в себе –
много дороже[35].
(Перевод Г. Шафикова)

Произведения Акмуллы «Гордыня», «Желание», «Дружба», «Счастье», «Совет» также пронизаны воспитательными мотивами.

В общем, говоря словами литературоведа А. Вильданова, «о чем бы М. Акмулла ни писал, в центре его внимания всегда остается одно – вопросы нравственности, обучения и культуры»[36]. Главная притягательная сила его поэзии основана на народности, простоте и искренности. «Понятие “ихлас” (искренность) является формой слова “халас” и означает “быть свободным, поступать по-своему разумению”. Искренним лицам не присущи такие искусственные черты, как приспособленчество к тем или иным условиям, подхалимаж перед начальством, угодничество. Поэтому они, несмотря ни на какие причины, поступают так, как велит им совесть»[37]. В свое время Акмулла боролся с угодничеством, подхалимством. Он приветствовал прямоту человека, его остроумие и человечность.

То, что просветитель-поэт смог прийти к таким смелым мыслям в условиях преследования, запрета рукописей, изгнания – само по себе уже является нравственным подвигом! Такое под силу только лишь истинным творцам-созидателям, к числу которых и принадлежал Акмулла.

Призывы следовать тропою сознательности, учения и просвещения получили своеобразное преломление в творчестве М. Уметбаева.

Күңел төн түгелдер,
хәрәкәттән һүрелмәҫ,
Был гөлдөң бөрөһө асылмайынса.

Моя душа никогда не останется
нераскрытым бутоном,
Пока не перестанет течь кровь
в моих жилах.

[34] *Акмулла.* Стихотворения. С. 83–84.

[35] *Антология* поэзии Башкортостана: Голоса веков. С. 107.

[36] *Вильданов А. Х.* Акмулла – певец света и разума // Акмулла. Стихотворения. С. 14–15.

[37] *Шарипова З. Я.* Литературоведение и современность. Уфа, 2001. С. 255.

Минең күңелем был гөлдәй
бөрө булмаç,
Йөрәк ҡаным һыҙылып тынмайынса.
Йөҙ мең яҙҙар күрһәм дә төңөлмәç,
Был наҙанлыҡтың сиктәрен
күрмәйенсә[38]—

Моя душа никогда не отвыкнет
от бренной жизни,
Пока не увижу конца невежеству[39] —
(Перевод Г. Кунафина)

так пишет поэт в произведении «Күңелем гөлдәй бөрө булмаç» («Душа — не темная ночь...»). Разоблачая невежество, глупость, он призывает жить в союзе со знаниями и разумом. «Самое трудное для человека, пожалуй, изучить себя. Однако учиться наукам все же необходимо», — пишет М. Уметбаев в своей статье «Просвещение». Конечно, каждому приходится потрудиться, чтобы овладеть знаниями или ремеслом. Добывание знаний сродни рытью колодца при помощи иголки. М. Уметбаев считает, что благовоспитанность и просвещенность личности в любом случае проистекают из его стараний и таланта. Он подчеркивает, что в процессе овладения такими прекрасными качествами велика роль семьи и школы. Поэт также призывает тех, кто обладает знаниями, авторитетом, верно служить своей стране, своему народу, быть уважительными и предупредительными людьми, а не только заботиться лишь о себе («Завещание и назидание»).

Не стоит ученому человеку жить, поклоняясь фальшивым авторитетам; необходимо, чтобы труд, в который вложены собственные силы, приносил удовлетворение и результаты. Только в этом случае человек удостоится большого уважения. Приведенные выше глубокие мысли и суждения М. Уметбаева воплотились в его произведении «Нәсихәт» («Назидание»), где они отражены при помощи красочных поэтических сравнений, образных восприятий:

Эй һин, мулла — ғилем эйәһе,
Ҡатып ҡалма ҡыш һәм яҙы.

Эй, ты, мулла, считавший себя
ученым,
Не будь развратным божьим сыном.

[38] *Уметбаев М.* Стихи и посвящения. Уфа, 2001. С. 31. (на башк. яз.)

[39] *Вильданов А. Х., Кунафин Г. С.* Башкирские просветители-демократы XIX века. М., 1981. С. 167.

Насарлыктың булма эйәһе,
Була күр ирҙәрҙән[40].

Стань благодатным, скромным человеком[41].
(Перевод Г. Кунафина)

Поэт в то же время сурово порицает тех, кто не умеет применять полученные знания на практике:

Ғәжәп хайран булам ҡайһы бер иргә,
Алып белем, ғәмәлде бирһә елгә...[42]

Я очень удивляюсь тем мужчинам,
Которые, получив немного образования,
Пускают его на ветер по пустыням...[43]
(Перевод Г. Кунафина)

Писатель не скрывает своего восхищения образованными личностями. Он их уважает и почитает, считая их большой силой, способной повести народ вперед. В этом отношении следует отметить его произведения «Моему учителю Мирсалиху сыну Мирсалима, генералу Бикчурину», «Господину Гатаулле-ахуну Баязитову».

Вопросы семьи и воспитания находятся в центре творчества М. Уметбаева. По его мнению, нравственный уровень человека главным образом формируется воспитанием в семье. Поскольку он исходит из устоявшихся народных воззрений, что «если молодое деревце в юности не согнуть, вряд ли оно поддастся в старости» или «судьба дерева схожа с ребенком, сам воспитай, а не отдавай в аренду». Поэт подчеркивает, что родители должны стать твердой опорой, помощниками для своего ребенка («Завещание и назидание»). Он предостерегает ребенка, чтобы тот не вступил на шаткий, скользкий путь. Убеждает быть послушным, скромным и вежливым («Памятник»).

Моральный облик личности, ее духовный мир находят отражение в образцах любовной лирики М. Уметбаева. «В них поэт сумел показать, что любовь как и сама жизнь, – сложное явление,

[40] *Уметбаев М.* Стихи и посвящения. С. 39.

[41] *Вильданов А. Х., Кунафин Г. С.* Башкирские просветители-демократы XIX века. С. 170.

[42] *Уметбаев М.* Указ. соч. С. 39.

[43] *Вильданов А. Х., Кунафин Г. С.* Указ. соч. С. 167.

что она украшает жизнь человека не только своими радостями, но и своим драматизмом»[44]. Писатель оценивает это высокое святое чувство с философской позиции. По его мнению, любовные переживания связаны не только с эмоциями радости и счастья, но и горькими мучительными раздумьями-сомнениями. Проиллюстрируем это на примере произведения «Бер ҡалала гүзәл күрҙем» («Встретил я одну красавицу...»). В нем говорится о том, что однажды оказавшись в городе, молодой парень влюбляется в красивую, обаятельную девушку. Он днем и ночью думает о своей возлюбленной, душа его рвется к ней. Наконец, они встречаются. Сцена встречи парня и девушки передается очень правдиво, естественно. Автор избегает искусственности в описании этой картины. Драматические душевные переживания лирического героя держат читателя в постоянном напряжении. События, описываемые в стихотворении, неожиданно принимают другой оборот. Вдруг девушка признается в своих чувствах, обратившись к молодому человеку:

Ай-һай, егет, бик вафаһыҙ булмағыҙ һеҙ,
Япраҡ кеүек һарғайғанды күрһәгеҙ һеҙ,
Ауырыуы башым сәбәбен белһәгеҙ һеҙ,
Аяҡтарым баҫалмай бөгөлөр имде[45].

Ай-хай, джигит, не будь столь не сдержан.
Когда бы видел ты, как сохну, подобно палому листу,
Когда бы знал ты, отчего болит моя голова,
Когда бы знал ты – отчего так ноют ноги.
(Подстрочный перевод)

Образы двух влюбленных, испытывающих такой сильный накал страстей, напоминают персонажей произведения «Сказания о царе Нугамане ибн Гумера и их сыновей Шарркана и Давлемакана» Кудыяфакана и Канмэкэн. Там джигит и молодая девушка испытывают друг к другу такую любовь, что не могут жить порознь.

Таким образом, М. Уметбаев в своем стихотворении «Встретил я одну красавицу...» сумел смело изобразить психологический план духовного мира героя, поэтому мы можем о нем сказать, что

[44] Там же. С. 177.
[45] *Уметбаев М.* Указ. соч. С. 42.

это подлинно новаторское для своего времени произведение. В других стихах этой же тематики поэта («Любовь», «Другу», «Тоска», «Письмо о тоске») нравственное совершенство лирического героя передано при помощи запоминающихся сравнений. Высокие чувства описываются им терминами таких прекрасных духовных качеств, как человечность, терпение, преданность, дружба. Это видно из следующих строк:

Яҙ көнөндә кәкүк саҡыра микән
Аҕиҙел буйы бейек тирәктә.
Бер күргә һеҙҙе мин зар булдым,
Мәхрүм, зарлы булып йыраҡта[46].
(«Һағыныу»)

Весной кукушка ранняя кукует
Над Агиделью, в гибком тальнике.
Не от нее ль несу я вековую
Тоску свою от дома вдалеке?[47]
(«Тоска». Перевод Г. Шафикова)

В целом, можно сказать, что морально-этические проблемы получили своеобразное новаторское решение в творчестве М. Уметбаева.

В творчестве поэтов начала XX века также присутствуют мотивы значимых общечеловеческих духовных ценностей. Как известно, «в башкирской поэзии этого времени наблюдается противоречивый, но все же быстрый рост. Этому способствовали большие исторические события, революционное движение народа. Разработка в эти периоды нравственно-этических проблем осуществляется двояко: во-первых, в духе традиций просветительства; во-вторых, эти вопросы развиваются в творчестве писателей в форме протеста против реакции или жестокости»[48]. Чтобы пояснить это, обратимся к некоторым наблюдениям. Начнем со знаний и просвещения, которые считаются составляющими нравственного совершенства.

Балалар! Заманыбыҙ ниндәй хозур,
Мәғрифәттән ялтырайҙыр һәр
ерҙә нур...[49]

Эй, дети, ученье нужно, ученье,
Обладать ученьем – это ремесло...
(Подстрочный перевод)

[46] Там же. С. 49.

[47] *Антология* поэзии Башкортостана: Голоса веков. С. 111.

[48] *История* башкирской литературы. В 6 т. Т. 2. С. 340.

[49] *Башкирская* литература: Начало XX века. Кн. 1: Поэзия. Уфа, 1983. С. 148. (на башк. яз.)

В этих поэтических строках из произведения «Йәш балаларға хитап» («Книга для молодежи») Сафуана Якшигулова слышится призыв лирического героя к подростку ценить свое время и стремиться равняться передовым нациям. Поэт особо подчеркивает ту мысль, что в основе счастья человека лежит просвещение. Такими идеями пронизано и стихотворение «Давайте, дети, учиться!» известного казахского поэта-просветителя Ибрая Алтынсарина (1841–1889).

Дитя, когда учиться станешь ты,
То знание средь полной темноты
Светлее ламп осветит путь тебе,
И станут явью все твои мечты[50].
(Перевод П. Шубина)

По народным представлениям, образованные люди достойны уважения и почета, а лень и невежество ведут к нравственной убогости. Эти важные положения получают развитие в произведении Шайхуллы Тульвинского «Юноше». В нем поэт с помощью сильных лирических образов и иносказательности показывает, что трудолюбие, старательность ведут к счастливой жизни и благополучию, а невежество – к позору и нищете.

Призывы к овладению знаниями нашли отражение в творчестве Шафика Аминева-Тамьяни. Например, в произведении «Почитание» автор подчеркивает, что учеба просвещает человека, открывает ему глаза на мир и помогает стать счастливым. Он призывает молодое поколение к учению и наукам, возвеличивает образованных людей, едко смеется над неучами. Ш. Аминев сурово критикует невежд, сравнивая их с замерзшим деревом или металлом. Автор уверен: чтоб избавиться от вредных привычек, надо приобщиться к знаниям, просвещению.

Мотивы против невежд, необразованности ощутимо звучат в стихотворении Мажита Гафури «Ғилем» («Знание»):

Ғилемдең ҡәҙерен бел, эйә булһаң,
Һәр нәмә ҡиммәт була, аҫыл булһа.

Образованье – зеркало, в котором –
Вся жизнь твоя, всех помыслов полет.

[50] *Антология* казахской литературы. М., 1940. С. 276.

Ғилемдең өҫтөнә һөнәр кәрәк,
Емештең файҙаһы аҙ, йәшел булһа[51].

Оно тебя по жизненным просторам
Дорогой знаний к свету приведет[52].
(Перевод Н. Милованова)

Поэт призывает отречься от привычек и обычаев, мешающих народу приобщиться к знаниям; считает, что молодые – будущие представители нации должны быть передовыми и в то же время воспитанными людьми. «Воспитание нужно ребенку сызмала, если упустить время, ветка дерева уже не согнется», «Железо нужно ковать, пока оно горячо, так можно добиться успеха», – говорит поэт («Знание»).

Рассмотрим далее, как в творчестве поэтов освещалась такая составная нравственного совершенства, как любовь. По словам литературоведа Вафы Ахмадиева, «в начале XX века, особенно в годы реакции и нового революционного подъема, доминирование в поэзии любовной темы было вовсе не случайным явлением. С одной стороны, обращение к этому чувству являлось результатом стремления личности современника к гармоническому развитию, во-вторых, в этот период любовные чувства и переживания вырываются на свободу, избавившись от пут обычаев и религий, принижавших их»[53].

В произведении М. Гафури «Түгелгән йәш» («Пролитые слезы») изображается период влюбленности лирического героя, дни, когда он, полный божественного пламени, ощущал себя в то же время «совершенно отрешенным от земной суеты». В представлении поэта любовь – это краеугольный камень всего святого и доброго, божественная сила, способная преобразовать мир:

Мөхәббәт менән тулған саф күңел аһ итһә, һыҙланһа,
Ысын ихлас менән аҡҡан йәш, өмөт баҡсаһына тамһа,

Үҫер гөлдәр, ярыр япраҡ, бара торғас, атыр сәскә,
Был сәскә ысын ант иткән йыһанда мәңге шиңмәҫкә.

Әгәр ҙә мөхәббәт бәндәләргә ысын урынлашһа,
Хәҡиҡәткә ирешеү өсөн үҙенә яҡшы юл асһа –

[51] *Гафури М.* Сочинения. В 6 т. Т. 1. Уфа, 1954. С. 7. (на башк. яз.)
[52] *Гафури М.* Избранное. Уфа, 2008. С. 294.
[53] *Башкирская* литература. Начало XX века. Кн. 1. Поэзия. С. 23.

Еңә алмаҫ быны һис башҡа ҡеүәт, сөнки был көслө,
Булыр шунда кешеләр һәммәһе нәҡ бер туған төҫлө[54].

Навсегда запомни, друг прекрасный,
Пролитые слезы не напрасны.

Будь стократ безжалостно обманут, –
Если в сад надежды слезы канут,

То взойдут из горести сердечной
Те цветы, что пламенеют вечно.

Если сердце для любви открыто
И дорога правды не забыта,

Сбудется мечта о чудном чуде –
Братьями родными станут люди[55].
(Перевод М. Петровых)

Однако лирический герой, стремящийся сделать жизнь народа светлой и счастливой, не уходит лишь в свои интимные переживания. Он ищет пути достижения справедливости и равенства между людьми.

В стихотворении Ямалетдина Юмаева «Бер матурға» («Одной красавице») описание сильного чувства и любовных переживаний дается через образные мысли-размышления возлюбленной в своем чувстве к ней:

Һөйгәнемде белмәнең, мин һәм һиңә белдермәнем,
Әйтмәнем күкрәктә тулған булһа ла күп серҙәрем.
Белмә лә, әйтмәм дә барыһын – тын ғына яныһын йөрәк,
Һин дә шул янған йөрәктең уттарын өр һәм көйрәт![56]

Свою любовь я скрыл, ты не узнал о ней,
Тайнами полна была душа, но я молчал.
Не знай о них: пусть теплится душа,
Дыханием своим ты оживляй ее огонь.
(Подстрочный перевод)

[54] Там же. С. 84.
[55] *Гафури М.* Избранное. М., 1980. С. 100.
[56] *Башкирская* литература. Начало XX века. Кн. 1. С. 200.

Любовь изображается поэтами «не только как естественное чувство, а благостная стихия, которая способна хотя бы ненадолго оторвать лирического героя от действительности, угнетающей его, и дать ему душевный покой»[57].

Образ лирического героя, поклоняющегося своему чувству, обуреваемого то мечтами, то мучительными сомнениями, находит яркое выражение в произведениях «Портрет», «Сожженные письма» (Я. Юмаев), «Молодость» (Г. Худояров), «Тоскую по тебе», «Люблю», «Вспоминаю о тебе», «Молодость» (К. Карипов), «Для тебя» (Б. Мирзанов).

Особое место в любовной лирике этого периода занимает творчество Шайхзады Бабича. В его произведениях присутствуют мотивы не только восхищения, радости, но и тоски, беспокойства и боли («Красавица», «Грациозный стан», «Сажида», «Весенняя песня», «Беззубая девушка»). Например, в стихотворении «Матур һындар» («Грациозный стан») автор искренне говорит о своем восхищении женщиной. Он приравнивает представительниц прекрасного пола к божественным созданиям и самому Богу:

Ике тәнре: әүүәле алла, Два божества: одно – аллах,
икенсе – кыз, другое – девушка,
Тимәһәгеҙ, биллəһи, каферһындар![58] Если это не признаете,
вы – гяуры.
(Перевод Р. Бикбаева)

Лирический герой Ш. Бабича смело восстает против всего искусственного, фальшивого и ненастоящего. В этой связи интересно произведение «Беззубая девушка», написанное в сатирическом духе. Гуляя в городском саду, молодой парень встречает девушку. Он обращается к ней, желая поговорить. Однако девушка не отвечает ему. Оказывается, у нее нет передних зубов.

В общем, Ш. Бабич «изобразил любовь во всей ее жизненности – естественности и сложности, торжествующей и трагической»[59].

Довольно большое место в лирике этого периода занимают следующие мотивы нравственной тематики: счастье, дружба, совесть,

[57] Там же. С. 23.

[58] *Бабич Ш.* Избранные произведения. Уфа, 1985. С. 119. (на башк. яз.)

[59] *История* башкирской литературы. В 6 т. Т. 2. С. 480.

раскаяние, сожаление, верность. К прекрасным образцам указанной тематики относятся «В поисках счастья» М. Гафури, «Другу», «Честь», «Преданность» Я. Юмаева, «Раскаяние», «Почитание» Г. Исянбирдина, «Совесть и страсть» Ш. Бабича.

Отражение морально-нравственных норм отчетливо прослеживается в башкирской поэзии 30-х годов, а это «период бурный и противоречивый в истории нашей страны. В процессе строительства были победы и поражения, и успехи, и провалы, ошибки, даже трагедии»[60].

В исследуемое время литература, в том числе поэзия, активно участвует в воспевании новой общественной морали. Одним их ярких поэтов выступает Галимов Салям. В его произведении «Дитя» лирический герой на примере молодой семьи увлекательно рассказывает о зарождении новой жизни, становлении новых отношений между людьми, о формировании личности нового человека. В поэме проводится идея о том, что крепкая и счастливая семья является одним из важных факторов благополучия личности, коллектива и общества.

Главные герои поэмы – Сайдел и Зайнап постепенно постигают суровую правду жизни, ее сложности. Они учатся бороться с мещанством, обывательщиной, обретают новый характер, новые духовно-нравственные черты.

Проблема взаимоотношений личности и общества также интересно решается писателем в его поэме «Жизнь». В ней юноша с большим сердцем совершает героический поступок – спасая жизнь пассажиров, бросается под поезд. Подразумевая, что на такой подвиг способен самый обыкновенный, рядовой советский человек, автор специально не называет ни его имени, ни профессии.

Героизм, мужество, отвага... Эти нравственные качества, которые издавна воспевались в народе, нашли яркое воплощение в поэзии периода Великой Отечественной войны, когда «литература народов мира, в том числе и башкирская литература, не осталась лишь искусством слова, способным поставить самые сложные и судьбоносные проблемы времени, неразрывно связанных с жизнью народа, а стала боевой литературой...»[61].

---

[60] *Башкирская* литература. Уфа, 1996. С. 106. (на башк. яз.)

[61] Там же. С. 18.

Что такое подвиг? Это «героический, самоотверженный поступок, важное по своему значению действие, совершаемое в трудных условиях» – такое толкование дает этому слову «Словарь русского языка» В. Даля[62].

По мнению писателя, публициста Григория Медынского, «Подвиг, как и все другое в жизни человека, не совершается сразу, сам собой. Он подготовляется всем предшествующим развитием человеческой личности – широтой ее интересов, чистотой помыслов...»[63].

Видный литературовед, критик Георгий Ломидзе пишет: «Главное в подвиге, мне кажется, его цель, смысл, его нравственная доминанта... подвиг и цель – нерасторжимы»[64].

Нельзя не согласиться с Г. Ломидзе. Способность к подвигу или неспособность зависит от нравственного уровня личности. Внутреннее стремление человека, его цель – большая сила, обусловливающая его способность к подвигу.

С первого дня суровых военных будней поэты страны, в том числе и башкирские писатели, своими стихами включаются в борьбу против фашистских захватчиков.

Например, Рашит Нигмати пишет пламенное стихотворение «Тыуған илем өсөн!» («За Родину!»), где содержится призыв к соотечественникам обрушиться на врага:

Иптәштәр!
Намыҫ, азатлыҡ һәм бәхет өсөн
Ватан саҡыра беҙҙе көрәшкә.
– Ватан өсөн!
– Тыуған тупраҡ өсөн!
Алға! Еңеүҙәргә, иптәштәр![65]

Товарищи!
Бороться за счастье,
за честь и свободу
Родина нас зовет.
– За Родину!
– За землю родную!
– За Победу!
Вперед, товарищи, вперед!
(Подстрочный перевод)

Активно призывает народы страны на борьбу с врагом, вдохновляя их на победу, народный поэт Чувашии Николай Шелеби (1881–1945; «Я призываю!»):

[62] *Даль В. И.* Толковый словарь. Т. 2. М.-СПб., 1881. С. 32.
[63] *Медынский Г. Г.* Разговор всерьез. М., 1977. С. 32.
[64] *Ломидзе Г. И.* Нравственные истоки подвига. С. 19.
[65] *Нигмати Р.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. Уфа, 1982. С. 101. (на башк. яз.)

Вставайте,
Народы великой страны!
Вставайте,
Отчизны свободной сыны![66]
(Перевод Н. Непомнящего)

Сильной ненавистью и презрением к врагу пронизано стихотворение Ханифа Карима «Асыу йыры» («Песня гнева»):

Ер тетрәтер халҡым нәфрәте
Пуля булып тетһен дошманды,
Ҡылыс булып киҫһен, тураҡлаһын,
Танк булып иҙһен дошманды![67]

Народа гнев весь мир потряс,
Он – посвист пуль над головой.
Он – беспощаден, как клинок,
Он – танков двинувшийся строй[68].
(Перевод Т. Стрешневой)

Чувством горячей любви к Родине, готовностью защитить ее от врага, ненавистью к фашистам пронизаны также стихотворения «За Родину!», «Вперед, к победам!», «Отомсти, патриот!» Р. Нигмати; «Ответь ты мне», «Человек долга» С. Кудаша; «Песня ненависти» Х. Карима; «Поднимайся, Урал!» Г. Амири; «За оружие, товарищи!» Б. Бикбая и т. д.

Мотивы ненависти к фашистам, воспевания личностей, не щадящих себя в огне войны, не жалея сил защищающих Родину, получают продолжение и в творчестве поэтов-фронтовиков («Трубка», «Цветы, растущие на камне», «Декабрьская песня», «Ульмясбай» М. Карима; «Советскому воину», «Раздумья в окопах», «Жизнь и надежда» Н. Наджми; «Раненый солдат», «В госпитале» М. Гали; «Из Волынской тетради», «Он не вернулся» Х. Гиляжева, «Письмо», «Родина нас не забудет», «Клятва партизана» М. Харисова, «Клятва» Р. Саттарова и др.). Так, лирический герой стихотворения «Связист» Бадруша Мукамая перед нами предстает героем-смельчаком, боровшимся с врагом до последнего дыхания – он обеспечил связь ценой собственной жизни и соединил куски оборванного провода, сомкнув их губами!

[66] *Шелеби Н.* Я призываю! // Чувашская песня. Чебоксары, 1955. С. 51–53.
[67] *Карим Х.* Бессмертная любовь. Уфа, 1943. С. 48. (на башк. яз.)
[68] *Карим Х.* Песни радости. Уфа, 1949. С. 36.

Һуғышты егет, үҙ посын
Ташлап китмәне.
Связь уның ауыҙы аша
Яҡшы эшләне...[69]

В разгаре боя связь оборвалась.
Был короток приказ:
– Наладить связь!
И побежал вдоль кабеля боец...[70]
(Перевод Д. Даминова)

Этот образ смелого солдата напоминает раненого связиста Путилова в поэме таджикского поэта Мумина Каноата (1932) «Голоса Сталинграда». Он также обледеневшими губами соединил провод связи:

Путилов падает на снег
упав,
Но успевает он
Концы холодных проводов
зажать
В мертвеющих зубах[71].

Такие качества бойца, как чистота помыслов, ожидание победы, мужество, терпение, свойственны и лирическому герою Мустая Карима. В стихотворении «Тәҙрәлә ас та..» («Распахни окно...») автор сравнивает силу духа солдата с бурей, с блеском молнии:

Дауыл... дауыл! Ул бит минең –
Тере хәбәрем.
Яҡты йәшен, яҡын йәшен –
Минең сәләмем.

Тучи собираются в лазури,
Ты не бойся, веселей гляди.
Распахни окно навстречу буре,
Молнии крылатые следи.

Мин һулармын, ерҙә дауыл
Тынмаһа әгәр,
Мин янырмын һуңғы йәшен
Һүнгәнгә ҡәҙәр![72]

Громы прокатились по округе
В проблесках стихийного огня.
Ты не бойся, вспоминай о друге,
Расскажи всем близким про меня...[73]
(Перевод М. Дудина)

В стихотворении «Онотмаһын мине Тыуған ил» («Родина нас не забудет») Малиха Хариса лирический герой выражает гордость

[69] *Бадруш М.* Джигит с Урала. Уфа, 1943. С. 9. (на башк. яз.)
[70] *Антология* поэзии Башкортостана: Голоса веков. С. 154.
[71] *Каноат М.* Голоса Сталинграда // «Юность». 1973. №5. С. 6.
[72] *Карим М.* Сочинения. Т. 1. Уфа, 2009. С. 62.
[73] *Карим М.* Избранное. Уфа, 1955. С. 90.

тем, что посвятил свою жизнь освобождению родины от ненавистного врага.

Эй, ғүмерҙең һуңғы сәғәте,
Һин миңә лә шулай
Күкрәп кил, –
Батырҙарын иҫкә алғанда
Онотмаһын мине лә Тыуған ил[74].

Мы умереть за Родину готовы,
Коль отстучит судьбы последний
час –
Но будет вечно славить добрым словом
Страна родная, вспоминая нас[75].
(Перевод А. Филиппова)

Настоящий воин-борец, даже будучи скован оковами по рукам и ногам, все равно не сдается, а продолжает бороться. Поэт Рахим Саттар (Абдрахим Сулейманович Абделсаттаров) был именно таким человеком. Его произведения, написанные в неволе, пронизаны чувством верности Родине, народу, своей клятве, жгучей ненависти к захватчикам. Например, в стихотворении «Клятва» он говорит: «Руки в оковах, закрыт на замок, однако дух мой свободен и бодр» – этим он подчеркивает свой непокорный врагу свободный дух, преданность и верность своей светлой клятве.

В лирике военных лет специфическое звучание приобретает тема любви. Здесь любовь предстает как святое чувство, сила, способная подвигнуть человека на подвиг, вдохновить его на новые свершения. Письма, написанные к солдату любимой девушкой, пронизаны горячей к нему любовью. Таковы стихотворения «Письма твоей невесты» (Р. Нигмати), «Платочек» (Б. Бикбай), «Любовь и ненависть», «Ты не пиши, родная, грустных строк...», «Среди цветков» (Х. Карим), «Тоскует солдат по любимой» (М. Карим), «Любовь» (К. Даян), «Со мной» (М. Харис), «Платочек с цветком хны» (Х. Гиляжев), «К тебе мои письма» (А. Вали) и др.

Духовно-нравственный облик народов нашей страны, их героизм, мужество, дружба народов, единство фронта и тыла нашли широкое освещение в произведениях «Убей, сын мой, фашиста!», «Баллада о герое», «Украина» Р. Нигмати, «Украина» М. Карима, «Я люблю жизнь» Х. Карима, «О славном друге», «Воспомина-

[74] *Харисов М.* Влюбилась в молодость душа. Уфа, 1981. С. 48. (на башк. яз.)

[75] *Поэты* Башкирии. Антология. В 2 т. Т. 1. Уфа, 1980. С. 279.

ние», «Единство, дружба» С. Кулибаева, «Песня об Украине» Г. Рамазанова, «Родина», «Минск» К. Даяна и др.

В общем и целом, литература всех народов нашей страны, в том числе и башкирская поэзия, в период Великой Отечественной войны вдохновляла соотечественников на мужество и героизм, поддерживала в них веру в победу, отражала самоотверженный труд народа в тылу, идейно-моральную прочность советского общества.

Таким образом, башкирская поэзия на всех этапах своего развития в духе времени отражала морально-нравственные искания человека, выполняя, таким образом, свою идейно-эстетическую функцию.

ГЛАВА II

НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ 70–90-Х ГГ. XX – НАЧАЛА XXI В.

2.1. Высшие нравственные ценности в творчестве поэтов

Поэт и время. Эти два философских понятия существуют в поэзии на протяжении веков. Их совершенно невозможно рассматривать порознь, так как каждому периоду присущи свои творцы, свои поэты. Каждый из них имеет свою яркую индивидуальность. Известно, что «если поэт ограничится лишь ролью “раба” своего времени или будет приспосабливаться к эпохе, он не сможет возвыситься до авторитета истинного творца. Он, во всех отношениях, обязан пропустить через свое сердце, отразив в поэтических образцах пульс своего времени, образ жизни своего народа, своего этноса, его мысли и чувства. Вся жизнь народа, его судьба – основа творчества истинного поэта»[76].

Какого бы мы ни взяли поэта, будь то Пушкин, Лермонтов, Шекспир – в его творчестве мы ясно видим отражение той эпохи, в которую он жил. Удивительное дело: писатели обладают сильной способностью воспринимать тот временной отрезок эпохи, в который они творят, они могут уходить в прошлое и переноситься в будущее.

Способность того или иного художника к своеобразному художественному отражению образа времени зависит от его таланта и искренности.

Что касается искренности, то эта категория достаточно часто фигурирует в современной поэзии (искренний поэт, искренне написанное произведение, искренние мысли и т. д.).

[76] *Гиляжев Х.* Совесть // Агидель. 1993. № 2. С. 89. (на башк. яз.)

Некоторые критики, не отличая искренность от неискренности, иногда даже любят преувеличивать относительно искренности в творчестве того или иного поэта.

Поэт Хасан Назар уверен, что искренность дается творческому человеку от природы. С этим нельзя не согласиться. Действительно, искренность – примета таланта.

Если у поэта нет такого свойства, он не может создать искреннее произведение. Искренность поэта, наверное, следует понимать как прямоту суждений, смелость, решительность, верность своему народу и стране, неприятие ханжества, двуличия. Точно так же невозможно рассматривать творчество поэта в отрыве от его времени, нельзя поэта абстрагировать от общества.

По замечанию известного индийского писателя Амритлас Нагара, «писатель и общество, подобно капле и океану, неразделимы»[77]. Да, «поэт – некий общественный деятель, который способен рассуждать о жизни и грустить о ее несовершенствах. Профессия писателя – одна из благородных, призванных воспитывать в людях самые высокие морально-нравственные качества: стремление к красоте, к добру, честной жизни, выполнению своего долга»[78]. Уместно здесь привести слова русского писателя Юрия Бондарева: «Писатель должен быть современником всех эпох, народов и всего человечества, но болеть болью своей эпохи, своего общества, и в этом – высшая нравственность»[79].

Следовательно, миссия отражения в своем творчестве наиболее значимых событий эпохи – честь и обязанность современного писателя.

***

70–90-е гг. XX в. – беспокойное время, приметами которого стали «крутые» повороты, потрясения в обществе. «Застой, продолжавшийся в течение долгих лет, привел страну к последней грани. Его дремотное влияние проникло во все области жизни. Однако литература времен застоя не была сплошь бездарной, бессодержательной, существовавшей лишь аплодируя всему. Да,

[77] *Общественные* науки за рубежом. 1976. Серия 7. № 2. М., 1976. С. 50.

[78] *Хусаинов Г. Б.* Секреты творчества. С. 19.

[79] *Бондарев Ю.* О нравственности в литературе // Лит. Россия. 1977. 20 мая. С. 12.

немало было беспечных, бездумных рукоплесканий и одобрительных возгласов. И все же литература не потеряла чести»[80].

Одно из самых важных качеств поэзии этих лет – привлечение внимания к духовно-нравственным поискам эпохи (человека). Это объясняется в конечном счете привязанностью их к концепции личности.

Слово «концепция» – латинского происхождения, оно обозначает «система рассуждений, связанных друг с другом». Что касается концепции личности, то имеются в виду ее духовный мир, ее нравственное содержание.

Как традиционные нравственно-этические проблемы преломляются в современной поэзии? Как освещается в них идея борьбы за духовную чистоту человека и его морально-нравственное совершенство? Ответ на этот вопрос можно найти из наблюдений, приводимых ниже.

В конце 60-х – начале 70-х гг. XX века «вопросы морали и нравственности, находясь в центре изображения, тесно переплетались с мотивами стремления к духовной гармонии, резкой критики беспечности и старого образа жизни.

Сложные процессы выработки новой психологии, противоречивые изменения породили в произведениях пафос борьбы против фальши и приспособленчества в обществе, мотивы неприятия устаревших взглядов»[81].

Туйҙым да мин ялған, яуыздарҙан	Устал я от лжецов, злодеев,
Бар донъяһын тиңләп өрәккә,	Весь мир стал призрачен, обманчив.
Бер көлдөм дә ер тетрәтеп,	Я рассмеялся – недра содрогнулись –
Хәнйәр тыҡтым йөрәккә.	Вонзил в сердце я себе кинжал.
Әйтерһең дә, мин үҙемә түгел,	Но не себя – я лживый мир убил.
Ә донъяға һалдым ҡулымды.	И, словно задушив всю ложь его,
Әйтерһең дә, бар ялғанды быуып,	Для правды проложил я тропу –
Дөрөҫлөккә һалдым юлымды[82] –	

(Подстрочный перевод)

[80] *Бикбаев Р. Т.* Эволюция современной башкирской поэзии. С. 7.

[81] *История* башкирской литературы. В 6 т. Т. 6. Уфа, 1996. С. 97. (на башк. яз).

[82] *Гарипов Р.* Избранные произведения. Уфа, 1992. С. 345. (на башк. яз.)

пишет Рами Гарипов в своем стихотворении «Туйҙым да мин ялған, яуыздарҙан...» («Устал я от лжецов, злодеев...»). Лирический герой автора – борец за справедливость – изображается как человек несгибаемого духа. Он выступает против лжи, угодничества. Приспособленчество, подхалимство – его кровные враги. Герой как бы выскабливает фальшивые краски жизни своими стихами, как кинжалом. Он стремится избавить человечество от всего лживого, наносного и высоко взметнуть «огненный» стяг правды.

Разоблачению мещанства и безнравственности посвящено стихотворение Равиля Бикбаева «Буря». Если лирический герой Р. Гарипова, намереваясь изничтожить грязь и фальшь на земле, готов был взяться за кинжал, то лирический герой Р. Бикбаева превращается в бурю, чтобы объявить беспощадную войну злу, пережиткам прошлого, равнодушию.

Такая противоречивость, несправедливость в жизни, вызывающая чувство сильной ненависти, отражена и в произведении Ангама Атнабаева «Родился я украсить жизнь». Здесь лирический герой поэта со всей силой своего духа собирается очистить мир от гадости-нечисти и навечно наполнить его красотой и добром.

Выступления против лжи, несправедливости, против тех, кто хотел жить со старыми взглядами, а также проявлений мещанства преобладают в произведениях «Берега остаются» М. Карима, «Говорили мне не раз родные...» Г. Рамазанова, «Передовая линия» Р. Гарипова, «По старинке», «Никогда» Р. Сафина, «Здравствуйте, мечты молодости моей» М. Каримова и др.

В творчестве башкирских писателей центральное место занимают такие нравственные принципы, как честь и совесть.

Понятие «честь» упоминается в трактатах древнегреческих философов (Демокрит, Платон), историков (Гегель, Фейербах).

Такие категории, как честь, моральная вина и ответственность, тесно связаны между собой. По мнению американского психолога К. Изарда, «вина возникает при неправильном действии... Обычно люди чувствуют вину, когда осознают, что нарушили правило и переступили границы своих убеждений»[83]. Что

[83] *Изард К.* Эмоции человека. М., 1980. С. 372.

касается совести, то она является «основным показателем нравственной культуры личности»[84].

Итак, честь и совесть – основополагающие для человечества категории. Между прочим, жить с достоинством, с честью – во многом зависит от самого человека. Однако, как показывает опыт, в повседневной жизни честным и принципиальным людям в обществе приходится нелегко. Потому что они никогда не идут на поводу обстоятельств. Даже тогда, когда из сердца сочится кровь и боль, совестливый человек остается верен своей чести. Лирический герой стихотворения Рафаэля Сафина «Намыҫ» («Совесть») также размышляет об этом. Как зрелый человек, он понимает по-своему честь и жизненные обстоятельства:

Үтте ләме ни һуң, әй, был ғүмер,
Ни икәнен белмәй хәйләнең?

Прошла ли ты уже,
Эта жизнь,
Не зная хитрости?

Данный риторический вопрос дает возможность поэту затем подробнее высказать свое мнение по этому поводу:

«Хәйләһеҙ бит донъя
Файҙаһыҙ», – тип
Әйтә килде һаман ҡорҙашым.
Шул намыҫ тип күпме
Дошман йыйҙым,
Күпме хафа күрҙе был башым?![85]

«Мир наш без хитрости
Бесполезен», –
Часто повторял ровесник мой.
Из-за этой чести сколько
Набрал врагов,
Выпало на долю сколько бед?!
(Подстрочный перевод)

Лирический герой, не знающий хитрости и коварства, кажется, рожден для того, чтобы облагораживать и сделать светлым наш мир. Все беды и невзгоды жизни он пропускает через призму своего сердца. Стремление исправить все отрицательные стороны нашей жизни – обычное душевное состояние лирического героя. Строки из стихотворения «Все еще сижу, латая раны сердца» наглядно показывают его верность чести и достоинству.

[84] *Валеев Д. Ж.* Введение в этику. О нравственном потенциале культуры. Уфа, 1998. С. 19.

[85] *Сафин Р.* Танец в огне. Уфа, 1998. С. 27–28.

Преклонение такому этическому понятию, как «честь», присуще и для творчества С. Кудаша («Сохранили»), М. Карима («Наши отношения с честью таинственны...»), Ш. Биккула («Честь»), Р. Мифтахова («Чистая совесть»), А. Игебаева («Совесть»), М. Каримова («Говорят, меняйся») и др. Жизненное кредо лирических героев их произведений также совпадает. Авторы призывают человека жить для себя и во имя общества с чистой совестью выступают против духовной деградации. Этим они художественно иллюстрируют народную мудрость: «Честный человек – счастливый человек».

Некоторые поэты искренне рассуждают об испытанных некогда ими муках совести, раскаянии: «Весь грех я на себя беру...» (Т. Юсупов), «Сожаления» (Р. Сафин), «Ошибся я...» (Р. Бикбаев), «Раскаяние» (К. Аралбай). Например, в стихотворении М. Карима «Отступился я в жизни...» лирический герой хорошо понимает, что в жизни трудно избежать ошибок и противоречий. Исправлять ошибки, конечно, вдвойне трудно. Только признаешь свои старые ошибки, а впереди уже маячат новые. В этом случае человеку приходят на помощь терпение и выдержка. Поэт призывает соблюдать эти нравственные заповеди.

В стихотворении Абдулхака Игебаева «Үкенестәрем» («Сожаления») лирический герой также выражает беспокойство, тревогу по поводу ошибок, совершенных в прошлом.

Аҙ булманы минең һөйөнөстәрем, Үкенестәрем әммә күберәк;	Хоть видел я радостей немало, Но скорби, сожалений – много больше.
Үкенестәрем иҫкә төшкән һайын, Һулҡ-һулҡ итеп әрней был йөрәк.	И каждый раз, как вспомню я о них; Всхлипывает и рыдает сердце.
Йөрәк әрнетерлек минуттарым Йылдар буйы оҙатып барырмы? Яҙмышымдың зәңгәр томанында Әллә улар аҙашып ҡалырмы?[86]	И что ж? Так и будут рядом идти Минуты, когда изнывает сердце? Иль отстанут, заблудившись В синем тумане моей судьбы? (Подстрочный перевод)

[86] *Игебаев А.* Цветами осыплю твой путь. Уфа, 1984. С. 23. (на башк. яз.)

В произведениях «Не упаду я» (Р. Мифтахов), «Ошибки» (С. Алибай), «Оступился я» (И. Киньябулатов) также речь идет о том, что для того, чтобы меньше ошибаться и переживать по этому поводу, следует чаще смотреть не на небо, а себе под ноги, т. е. быть более реалистичными, а не витать в облаках.

В современной поэзии размышления личности о стремлении достойно жить, о цели жизни, о своем предназначении часто оказываются связанными с проблемой счастья.

Понятие «счастье» с древних пор трактовалось по-разному. Вот что пишет о нем древнегреческий философ Аристотель: «Счастье состоит в том, чтобы жить хорошо, а хорошо жить — значит жить добродетельно. В этом цель, счастье и высшее благо»[87]. По мнению французского писателя Франсуа де Ларошфуко «счастье и несчастье человека в такой же степени зависят от его нрава, как от судьбы»[88].

Содержание этого нравственного понятия многие ученые связывают с чувством удовлетворенности человека своей жизнью и миром. Например, польский ученый, философ В. Татаркевич заявляет о том, что счастье — это «полное и длительное удовлетворение жизнью в целом»[89]. Другой исследователь, английский психолог Майкл Аргайл, пишет, что «счастье можно рассматривать как осознание своей удовлетворенности жизнью или как частоту и интенсивность позитивных эмоций»[90].

Бәхет, тип һөйләү еңел ул,	Легко говорить: счастье, счастье!
Бәхетле булыу ауыр.	Быть счастливым — гораздо трудней.
Тормош бит — берсә аҡ сәскә,	Иной раз жизнь — белые цветы,
Берсә — ҡап-ҡара дауыл[91] —	В другой раз — черная буря —
	(Подстрочный перевод)

пишет Риф Мифтахов в одном своем стихотворении о счастье. Конечно, в жизни случается всякое. Она противоречива, полна препятствий. Сколько же нужно человеку сил, чтобы преодолеть

[87] *Аристотель.* Сочинения. В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 303.

[88] *Ларошфуко Франсуа де.* Максимы и моральные размышления. М., 1959. С. 14.

[89] *Татаркевич В.* О счастье и совершенстве человека. М., 1981. С. 42.

[90] *Аргайл М.* Психология счастья. М., 1990. С. 42.

[91] *Мифтахов Р.* Простое чудо. Уфа, 1982. С. 44–45. (на башк. яз.)

эти трудности, утвердиться в жизни! Ведь завоевать счастье нелегко. Его нужно искать и наконец найти.

Стихотворение Р. Мифтахова по своему содержанию и мыслям, выраженным в них, перекликается с произведением народной поэтессы Латвии Мирдзы Кемпе (наст. фамилия – Найковская; 1907–1974) «Счастье»:

Мне счастья легкого не надо,
Я не хочу его такого.
Мне смех беспечный – не отрада,
Жду счастья трудного, другого.

Оно всегда сурово, смело,
Не ищет трусам оправданья.
В труде, в бореньях жизни целой
Его находят и в страданье.
.....
Пускай не легким, а суровым
Путем оно дается людям,
Лишь с ним, казавшимся тяжелым,
Мы сердце новое добудем[92].
(Перевод Вс. Рождественского)

В современной поэзии лирический герой понимает счастье по-своему. Например, для одних счастье – в труде (Ш. Биккул, А. Атнабаев, Т. Юсупов, Р. Мифтахов, С. Алибай, Р. Ахмадиев), для других – в единении со страной, народом (А. Ахметкужин, И. Киньябулатов, Б. Баимов); для кого-то – в любви, в дружбе (М. Гали, А. Валеев, Р. Шагалиев, Г. Якупова, А. Ахмадин), в связи с родной землей (Р. Назаров, Р. Гарипов, Р. Сафин, А. Тагирова, Р. Хайри), а также в трудностях, лишениях (М. Хисматуллина, К. Киньябулатова); в семье (Т. Ганиева, Р. Хисаметдинова, Ф. Тугузбаева, З. Ахмедьянова, Д. Талхина, Т. Давлетбердина) и т. д. Например, в стихотворении Катибы Киньябулатовой «Мин бәхетле» («Я счастлива») лирическая героиня искренне делится своими переживаниями:

Көлгән кеше генә бәхетле, тип
Әйтерһегеҙ әле, моғайын.

Тот счастлив, кто смеется, говорят...
Что ж, я не спорю, это так, возможно...

[92] *Антология* латышской поэзии. В 2 т. Т. 2. М.–Л., 1959. С. 262–263.

Ә бит минең иң бәхетле сағым –
Тын ҡалғанда яңғыҙ, моңайып.
Тын ҡалғанда.
Тулҡын-тулҡын булып,
Диңгеҙ кеүек, күңелем тулғанда.
Иҫкә алып яҡты йөҙөгөҙҙө,
Һеҙ, тип, һеҙ, тип, уйға талғанда
Мин бәхетле[93].

Но почему-то счастлив мой бывает взгляд
В час одинокой грусти бестревожной.
Когда грущу в тиши, когда огонь угас,
Душа переливается, как море:
Я вспоминаю доброту сердец и глаз,
Я думаю, друзья мои, о вас –
Я счастлива,
и – прочь, любое горе![94]
(Перевод Ю. Андрианова)

«Я в жизни – самая счастливая, на свете все успела испытать», – говорит поэтесса Минигуль Хисматуллина («Я счастлива»). Она призывает быть удовлетворенными жизнью, не пасовать перед трудностями, запастись терпением.

В стихотворении Р. Хисаметдиновой «Счастливый дом» лирическая героиня искренне восхищается при виде представителей прекрасной большой дружной семьи. Хозяева дома, звенящего радостью и счастьем, трудолюбивые, работящие, чистосердечные, гостеприимные люди.

Лирическая героиня стихотворения «Бәхет һүрәте» («Рисунок счастья») Ф. Тугузбаевой также от всего сердца восхищается счастьем многодетной семьи, согласием внутри этой семьи.

Ҡулдарыма буяу, ҡәләм алһам,
Илһам килеп, булып йөръәтем,
Бәхет, тиеп мин төшөрөр инем
Ошо ғаиләнең һүрәтен[95].

Если в руках у меня краска, карандаш,
И меня проявляется вдохновение
и страсть.
Я нарисую рисунок счастья –
Эту радостную семью.
(Подстрочный перевод)

«Самое большое счастье для человека, когда он может сделать других счастливыми», – говорит писатель Гайса Хусаинов в одной из своих миниатюр.

В произведении Р. Бикбаева «Дни, проведенные с тобой..» лирический герой счастлив тем, что он может видеть радость и счастье на лицах других людей. Он говорит: «Следовательно, умение достав-

[93] *Киньябулатова К.* Дыхание матери. Уфа, 1980. С. 106. (на башк. яз.)
[94] *Киньябулатова К.* Дыхание матери. Уфа, 1985. С. 40.
[95] *Тугузбаева Ф.* Даю тебе свое благословение. Уфа, 1994. С. 72. (на башк. яз.)

лять людям радость, поделившись своим счастьем – самое большое счастье для человека».

Нравственные качества личности также определяются через понятия «достоинство» и «слава».

Высокое положение, слава – кратковременны, человечность – самая высшая ценность на земле. Жить в гармонии с тем прекрасным миром, который тебя окружает – и есть смысл жизни. Эта идея красной нитью проходит через произведение Р. Сафина «Тауға ҡарап» («Глядя в гору»).

Тауҙар ихлас – һөйөп ҡаршы ала,
Килһәң дә һин әллә ҡайҙарҙан.
Кешелеклелеккә беҙ – бәндәләр
Өйрәнербеҙ, бәлки, тауҙарҙан...[96]

Горы искренни – встречают любя,
Приходи ты хоть с каких краев,
Мы, люди, человечности
Научимся, может, у гор.
(Подстрочный перевод)

Р. Сафин призывает быть человечным, добрым. Такими нравственными качествами обладает и лирический герой русского поэта Михаила Дудина («Поднимающемуся в горы»). Оба писателя вкладывают аналогичное содержание в свои стихотворения. Их девиз, обращенный к людям, звучит примерно так: «Если ты добился в жизни успеха, большого авторитета, учись вести себя соответственно этому, не забывая об умеренности!»

Как говорят в народе, «Слава приходит и уходит, если не сумеешь ее достойно пронести через свою жизнь». В сатирическом стихотворении Р. Гарипова «Привычка» в обобщенном виде изображается образ начальника-чинуши, добившегося власти и положения, не считающегося с другими и действующего только из своих эгоистических соображений. Наступает день, когда его освобождают от должности. Однако он долго не может избавиться от своей «привычки», глубоко проникшей в его душу.

Мотив человечности и уважения к обществу звучит также в стихотворениях З. Биишевой («Слава»), М. Карима («Утаю свои звания...»), Н. Наджми («Гора и речка»), М. Сиражи («Взбираясь на гору»), М. Уразаева («Повышение»), А. Тагировой («Слава»), Э. Сасанбаевой («Высокое звание») и др.

[96] *Сафин Р.* Танец в огне. С. 29.

В творчестве писателей много внимания уделяется вопросам семьи и нравственного воспитания детей.

Вежливое и почтительное обращение к людям старшего поколения, к родителям, к родственникам – лучшая черта воспитанности. В этом отношении примечательно обращение Урал-батыра к народу перед смертью:

Олоно оло итегеҙ –
Кәңәш алып йөрөгөҙ.
Кесене кесе итегеҙ –
Кәңәш биреп йөрөгөҙ[97].

Старших умейте почитать,
Прислушивайтесь к их совету,
И любите младших при этом,
Сами совет им готовые дать[98].
(Перевод Г. Шафикова)

Как гласит народная мудрость, «Тот, кто не следует словам отцов, постоянно набивает себе шишки». Конечно, успех не сопутствует тем, кто не считается с мнением близких людей, не следует их советам. Вспомним Шульгена из «Урал-батыра». Он ослушается отцовского наказа, поддавшись на уговоры Юхи-змеи, вкушает кровь из ракушки и погибает.

Прежде всего, нравственное воспитание сводится к почитанию отца и матери, следованию их советам и рекомендациям, стремлению получить от них одобрение-благословение на будущие действия.

Мотивы почтения родителей и старших особенно четко прослеживаются в произведениях Р. Сафина («Советы отца», «Уходят сыновья», «Сегодня вновь до ранних петушиных голосов...» и т. д). Например, в стихотворении «Китә улдар» («Уходят сыновья») сквозит любовь и одновременно боль лирического героя-отца:

Офоҡтарҙа киске шәфәҡ яна.
Төнгә ҡаршы китеп бара улым.
Атайыңа әйтмәй сығып киттең,
Бер әйләнеп кенә ҡара, улым![99]

На горизонте горит вечерняя заря,
Под вечер уходит сын мой,
Не предупреждая отца,
Ушел,
Оглянись хотя бы раз, сын мой!
(Подстрочный перевод)

[97] *Башкирское* народное творчество. Эпос. Уфа, 1972. Кн. 1. С. 128. (на башк. яз.)

[98] *Урал-батыр:* Башкирский народный эпос. Уфа, 1986. С. 146.

[99] *Сафин Р.* Танец в огне. С. 44.

Автор олицетворяет собирательный образ отцов. Его слова обращены не только кому-либо конкретно, а нынешнему молодому поколению в целом:

Бер әйләнеп кенә ҡарағыҙсы,
Эй, замандың ҡырыҫ уландары!
Һеҙҙең өсөн дәһә атайҙарҙың
Бар сәскәне, бөтә урғандары[100].

Оглянитесь хотя бы раз,
Суровые сыновья наших дней.
Все урожаи отцов
Посеяны и собраны ради вас.
(Подстрочный перевод)

Опасность таится в неправильном поведении детей. Что ждать от ребенка, поносящего своего отца грязными словами? Если бы он умел просить прощения, возможно, отцовское сердце и растаяло бы. В стихотворении «Оят хатта, оят кешеләрҙән» («Ни стыда, ни совести») Р. Сафин связывает невоспитанность ребенка с отсутствием религиозности, веры. Он обращается к детям времени, попавшим в сети безверия, стремясь спасти их от будущих несчастий:

Әҙәм ҡотора иман юҡлыктан,
Тамағың туҡ, өҫтөң бөтөн булыр,
Ҡурҡсы, бала, иманһыҙлыктан!
Ҡурҡсы, бала, иманһыҙлыктан![101]

Человек бесится с жиру,
Теряя разум и совесть.
О дитя!
Не будь циничным,
Быть бессовестным остерегайся!
(Подстрочный перевод)

В стихотворении А. Игебаева «Алданған өмөт» («Угасшая надежда») правдиво изображается упрямый ребенок, не уважающий своих родителей, не считающийся с ними. Мать неожиданно получает письмо от любимого сына, живущего теперь далеко от нее. Она воодушевляется, испытывая радость. Однако мать недолго радуется. Письмо оказывается полным строк, написанных им, руководствуясь своими личными интересами, сын не интересуется состоянием ее здоровья.

Надежды женщины, тоскующей по своему сыну и желавшей услышать от него ласковые слова – свидетельства его сыновней

[100] Там же.

[101] *Сафин Р.* Ни стыда, ни совести // Ахметова Ф. Творчество Рафаэля Сафина. Уфа, 1999. С. 28. (на башк. яз.)

любви к ней – оказываются разбитыми. Последние строки произведения завершаются горькими, обидными словами:

Ҡайғы түгел, ғәрлек хистәре
Ҡарт әсәнең күңелен бошорған,
Бит берҙән-бер ғәзиз улҡайы
Нянька итеп уны саҡырған[102].

Не от горя даже, но от чувства стыда
Болит сердце у старой матери:
Любимый единственный сын
Нанял ее нянькой.
(Подстрочный перевод)

В стихотворении Анисы Тагировой «Мать» встречаемся с эпизодом, в котором показаны отношения матери и ребенка. Соседи постоянно навещают женщину, попавшую в больницу. Наконец, сообщают об этом ее единственному сыну, проживающему в другом городе. Однако он не приезжает, проявив безжалостность и бессердечие. Мать – терпеливая женщина, хотя у нее болит душа, она не в обиде на сына. Неожиданный эпизод выявляет чувство ее безграничной любви к сыну. Вот она, обессиленная, встает с кровати. «Сын мой болен – я навещу его, не дай бог, опоздаю!» – говорит она встревоженно. Сердце матери всегда готово простить жестокого, бессовестного ребенка, подвергнуть себя опасности ради него. Известная пословица выражает главную мысль произведения: «Душа матери – в ее ребенке, а душа ребенка – в степи».

В произведениях писателей часто слышатся призывы к молодому поколению быть воспитанными, скромными, а также наставления и советы.

В стихотворении Рифа Мифтахова «Улыма әйтелгән теләк» («Пожелание сыну») отец призывает сына несмотря ни на какие тяжести и препятствия беречь свою честь и совесть, поступать по-человечески:

Замандың ике аты бар:
Рәхәтлек менән ҡыйынлыҡ.
Ҡайһыһына атланһаң да
Выжданың юлдаш булһын[103].

У времени «два скакуна» –
Трудность и легкость.
Всегда спутником твоим
Пусть станет совесть.
(Подстрочный перевод)

[102] *Игебаев А.* Избранные произведения. Уфа, 1994. С. 81. (на башк. яз.)
[103] *Мифтахов Р.* Добрый молодец. Уфа, 1986. С. 28. (на башк. яз.)

Произведение Р. Мифтахова напоминает стихотворение «Завещание» каракалпакского народного поэта Ибрагима Юсупова (1929–2008). В отличие от Р. Мифтахова, лирический герой И. Юсупова убеждает сына быть честным, отзывчивым, заботливым человеком:

Ты только человеком будь!
Расти, сынок, расти большой,
Будь чист и сердцем и душой,
Чтобы никто сказать не мог:
«У человека сын – щенок!»[104]
(Перевод Р. Казаковой)

В стихотворении Тимера Юсупова «Завещание» отец также наставляет сына, давая ему искренние советы. Автор велит сыну не забывать родного языка, своей родины, если ему придется уехать в чужие края. Он призывает его передавать эту «эстафету» из поколения в поколение. В произведении Тамары Искандаровой «Сыновья мои, послушайте...» мать обращается к детям с таким наказом: «Сыновья мои, помните: вера и дух – ваши жизненные устои».

Проблема взаимоотношения отцов и детей удачно разрешена с художественной точки зрения в произведениях З. Биишевой («Завет отца»), М. Карима («Ильгизу»), Р. Гарипова («Сыну»), Т. Юсупова («Сыну»), К. Алибаева («Берегите матерей...»), З. Кутлугильдиной («Мама»), Ф. Тугузбаевой («Счастье матери»), Р. Хисаметдиновой («Благословение матери») и др.

Писатели в своих произведениях также призывают людей, в основном молодое поколение, дорожить дружбой, остерегаться друзей-лицемеров, готовых в любой момент предать («В кругу друзей...» М. Карима, «Другу» Н. Наджми, «Новые друзья» Р. Гарипова, «Донесли», «Однокурсникам» Р. Сафина, «Друзьям» А. Игебаева, «Не забывай своих друзей...» А. Атнабаева, «Ты запомни навечно слова, о джигит...» Ф. Гумерова, «Дружба» Ф. Сулеймановой и т. д.).

Конечно, иногда бывает трудно отличить истинного друга от врага. Как говорил древнегреческий поэт Феогнид, «милых товарищей много найдешь за питьем и едою, важное дело начнешь – где они? Нет никого...»[105] Подтверждением этому является

[104] *Юсупов И.* Глаза ящерицы. М., 1983. С. 35.

[105] *Поэзия* народов мира: От древнейших времен до рубежа XIX–XX вв. М., 1986. С. 33.

стихотворение Акмуллы «Искреннего друга найти нелегко». В нем поэт заявляет о том, что «друг не должен быть внешне красивым, а внутренне – безобразным».

Однако среди близкого окружения много верных и преданных друзей. Поэты всегда готовы прославлять дружбу с ними. Их лирические герои утверждают, что только искренний и честный друг считается настоящим. Ибо дружба, основанная на искренности, является долговечной. Вот как Муса Сиражи выражает свое отношение к таким людям в стихотворении «Ысын дуҫтар онотолмай» («Настоящие друзья»):

Ауыр саҡта ҡулын һуҙған дуҫтар
Йөрәктәрҙән сыҡмай, онотолмай.
Иҫке дуҫтар ҡылған изге эшкә
Йылдар саңы ҡунмай, тап ҡунмай[106].

Из сердца не уйдут, всегда со мною
Друзья, что руку протянули мне
В тяжелую минуту. Пыль годов
На доброе их дело не осядет.
(Подстрочный перевод)

Народная мудрость гласит: «Друзья познаются в беде». Лирический герой из стихотворения Ирека Киньябулатова «Я спешу к вам» также размышляет об этом. Он приходит к важному выводу: недостаточно делить с друзьями одни лишь радости, нужно быть с ними и в тяжелые дни испытаний и бед.

В своем творчестве башкирские поэты говорят о необходимости борьбы с пороками общества; например, пьянство – один из бичей общества, приводящих человека к катастрофе, духовной деградации, затуманивающим его разум.

Водка в народе зовется дьявольским напитком, зеленым змием. «В мифологии есть слово “лярва”. В нашем понимании оно соответствует нечистой силе. Когда человек пьет водку, лярва вселяется в человека, занимая место души. Она берет энергию из его груди, питаясь запахом вина. Когда душа ищет удовольствия, лярва просит выпивки из груди человека. После того, как она выпьет, человек уже не может управлять своей душой, у него не хватает силы духа»[107].

[106] *Сиражи М.* Настоящие друзья // Агидель. 1980. № 10. С. 71. (на башк. яз.)

[107] *Чихинбаева Г.* Бездуховность // Башкортостан. 2007. 25 окт. С. 4. (на башк. яз.)

В образцах устно-поэтического творчества народа – в пословицах и поговорках, мунажатах – часто упоминается о губительном напитке, способном иссушить «дерево» нации до самых корней. Например, «Все беды – от пьянства, которые губят внутренности человека», «Пьяный лишится и добра, и рассудка», «Пьяному море по колено».

В свое время М. Гафури написал следующие строки, обличающие пьянство:

Шикһеҙ ағыу, тиңһеҙ оло дошман,
Сикһеҙ йәмһеҙлектең ояһы,
Аҡылды алып, ахмаҡ яһай торған
Бөтә хурлыҡтарҙың юл башы.
Уның тырнаҡтары ингән өйҙә
Мәңге бата бәхет ҡояшы...[108]
(«Иҫерткес»)

Злейший враг, являющийся ядом,
Он – причина и начало бед.
Он – отрава. С ним бесславье рядом.
Он ума и счастья гасит свет...
Там, где он ухватится когтями,
Солнце счастья гаснет навсегда...[109]
(«Алкоголь». Перевод К. Папкова)

Также поучительны слова народного поэта Башкортостана М. Карима об этой болезненной язве общества: «Мы привыкли считать пьянство большим социальным злом. Но сегодня оно перестало быть только им. Оно стало общенародной экологической катастрофой. Это как потоп или всепожирающий пожар»[110].

Поэзия выступила против «зеленого змия» не просто сухими словами осуждения и гладкими речами, а объявила пьянству беспощадную поэтическую борьбу.

Стихотворение «Хвалебная песня водке» Салавата Рахматуллина начинается риторическим вопросом: «Эй, пропойца, откуда ты родом?..»

Поэт таким образом выражает свое негодование к тому «неизвестному лицу», кто придумал вредное зелье, которое, передаваясь из поколения в поколение, способно покалечить жизнь человеку. У его лирического героя болит душа от того, что проклятый напиток может довести народ и страну до духовного опустошения, обесцветить краски окружающей жизни и ее красоту.

---

[108] *Гафури М.* Сочинения. В 6 т. Т. 3. Уфа, 1955. С. 154. (на башк. яз.)

[109] *Гафури М.* Избранное. Уфа, 2008. С. 293.

[110] *Карим М.* Глобальная тревога // Изв. Башкортостана. 1997. 22 марта. С. 4.

Если лирический герой С. Рахматуллина адресует водке колючие слова, то герой Хасана Назара из стихотворения «Водка» в некоторой степени хвалит ее. Он изображает вредное зелье как непременный элемент всех праздников и застолий. Автор приходит к выводу, что, очевидно, иногда взбодриться не очень вредно. Однако он подчеркивает, что не советует людям злоупотреблять спиртным, принимая его сверх меры – ибо может довести до беды. Поэт обращается к людям со словами: «Человеку может быть вынесен приговор, однако нет в стране осуждения водки, поэтому бога ради не злоупотребляй ею дома».

В стихотворении Р. Сафина «О человеке с золотыми руками и времени» рассказывается о том, как мужчина, слывущий мастером «золотые руки», пристрастившись к зеленому змию, устраивает в семье дебош. Он своими «золотыми руками» дубасит супругу. Здесь автор женщину-жертву мужа-деспота сравнивает с Матерью-Землей. Поэт спасает человечество от грозящей ему опасности утонуть в озере алкоголя. Он ратует за то, чтобы обеспечить на Земле царство мира и благородства.

В стихотворении Рамиля Янбекова «Эскесе ҡатын» («Спившейся женщине») дается правдивый образ опустившейся, духовно опустошенной женщины.

Бик йыш күрәм вокзал тирәһендә	Бесприютная, жалкая, возле вокзала
Эскегә баш һалған ҡатынды.	Ты с бутылкой в руке примелькалась давно.
Нимә эшләп шундай көнгә төштөң?	Что тебя с окаянной так крепко связало,
Күңеленде нимә ҡатырҙы?[111]	Отлучило от близких, толкнуло на дно?[112]

Так поэт пытается по-своему понять плачевную судьбу женщины, впавшей в пьянство. Что же вынудило ее так низко пасть? Может быть, беды или несчастная любовь?..

Ҡатыландың мәллә, һөйөүеңә	Не от горькой любви ли своей без оглядки
Яуап тапмай ғәмһеҙ күҙҙәрҙән?	В алкогольные кинулась ты миражи?

[111] *Янбеков Р.* Тоска. Уфа, 1992. С. 28–29. (на башк. яз.)

[112] *Янбеков Р.* Цветы во сне. Уфа, 1996. С. 23.

Яҙмышыңды, ҡуйсы, һорашмайым –
Ниндәй йылы хәҙер һүҙҙәрҙән?[113]

Я гляжу опечаленно, строю догадки –
Ты ведь правды не скажешь,
привыкла ко лжи[114].
(Перевод М. Гафурова)

Деградацию личности автор связывает с отношениями между людьми. Люди и души их становятся холодно-чужими, ведь чувства сострадания и участия друг к другу становятся редкими в обществе. Поэт призывает людей не отгораживаться друг от друга, быть милосерднее, внимательнее, не жалеть теплоты и участия.

Эти мысли автора находят отклик у лирического героя Зухры Кутлугильдиной («Что произошло с этой женщиной?»). В отличие от Р. Янбекова, в своем произведении поэтесса вскрывает причины, побудившие женщину опуститься и деградировать. В начале стихотворения она дает портрет женщины, попавшей в беду: у нее грустные глаза, бледное лицо.

Далее подчеркивается самое большое несчастье этой женщины. Оказывается, кроме мужа-пьяницы, к спиртному пристрастился ее сын. «Что же еще с ней случилось?» – автор спрашивает с удивлением. В ее интонации слышится глубокая печаль: «От большого горя и женщина стала жертвой зеленого змия».

Поэты неоднократно подтверждают народную пословицу: «Если пьет мужчина – в огне полмира, а если женщина пьет – то весь мир».

В творчестве писателей часто слышатся призывы остерегаться этого вредного напитка-врага, ведущего к духовной деградации, распущенности, являющихся бичом для народа нашей страны и других наций, придерживаться религии и веры. Например, в стихотворении Альфии Асадуллиной «Эй, башҡортом» («Эй, башкир...») лирическая героиня выражает глубокую тревогу о будущем народа, она окрашивает беспокойные нотки своего стона-рыдания печалью и тревогой:

Эсеүҙәрең быуыныңа төшә,
Айнығырһыңмы бер, башҡортом?

Все пьешь и пьешь, уже в изнеможенье,
Когда же протрезвеешь, мой башкир?

[113] *Янбеков Р.* Тоска. С. 29.

[114] *Янбеков Р.* Цветы во сне. С. 23.

Ер-һыуҙарың сит-яттарға ҡалып,
Етемһерәмәҫме Баш йортоң?[115]

Но когда землю и воду отберут чужаки,
Не осиротеет ли большой очаг?
(Подстрочный перевод)

Такая глубокая тревога за судьбу родного народа присуща лирическому герою из стихотворения народного поэта Татарстана Роберта Миннуллина «Юҡмы берәй яртың?» («Водка»). Его горячие слова, адресованные нации, читателями воспринимаются как завещание сердца:

Күҙ алдында юҡҡа сыға,
Юҡҡа сыға халҡым.
Юғиһә, ниндәй халыҡ бит,
Халыҡ түгел – алтын![116]

Пропадает мой народ,
На глазах пропадает.
А какой ведь народ,
Не народ – а золото!
(Подстрочный перевод)

Другая важная тема, характерная для поэзии этого периода – призыв к уважительному отношению к своему родному языку, осуждение бездуховности языкового нигилизма.

«Для каждого народа велик свой родной язык», – говорил киргизский писатель Чингиз Айтматов[117]. Да, это так: «Язык – самое дорогое сокровище любой нации, в том числе и башкир. Язык играет огромную роль в общественной жизни народа, его судьбе. Невозможно представить человеческое общество вне его связи с языком»[118].

Тема любви к родному языку до сих пор доминирует в башкирской лирике. Об этом свидетельствуют следующие поэтические строки из стихотворения Кадима Аралбая «Башҡорт теле» («Башкирский язык»):

Иң боронғо замандарҙан
килгән бай тел,
Телем телгә йоҡмаҫ йомшаҡ,
ипле наҙ тел,

С древнейших и загадочных
времен
Скрепил язык мой семьдесят племен.

[115] *Асадуллина А.* Солнечная роса. Уфа, 2006. С. 171. (на башк. яз.)
[116] *Миннуллин Р.* Произведения. В 7 т. Т. 2. Казань, 2007. С. 65. (на тат. яз.)
[117] *Айтматов Ч.* Цена – жизнь // Лит. газ. 1986. 13 авг. С. 6.
[118] *Язык* народа – язык истины. Уфа, 2005. С. 3. (на башк. яз.)

Әсәйҙәрҙең бишек йыры – нағыҙ бал тел,
Атайҙарҙың ҡобайыры – оран, дау тел[119].

Над колыбелью слаще меда пел
И с кличем грозным слал ты тучи стрел.
(Перевод Ф. Ахмадиева)

В творчестве мастеров слова слышны мотивы великой любви и уважения к родному языку, гордости за него, а также звучат мотивы беспокойства, тревоги и боли за его судьбу.

Зайнаб Биишева в стихотворении «Туған телем» («Родной язык»), используя народные сравнения, в духе времени передает горячую любовь к родному языку, свое уважение к нему:

Моң шишмәһе һандуғастай йырсы ла һин,
Ҡығылма бил тал сыбыҡтай нәфис тә һин,
Аллы-гөллө гөл-сәскәләй наҙлы ла һин,
Әй илһамлы, әй хөрмәтле башҡорт теле[120].

Ты словно певучий соловей,
Словно тал кудрявый.
Ты словно цветок красивый,
О, славный башкирский язык.
(Подстрочный перевод)

Чувства прославления родного языка, безмерной гордости за него находят своеобразное преломление в стихотворении Хакима Гиляжева «Башҡорт теле» («Башкирский язык»).

Беҙҙе илле иткән тел ул,
Беҙҙе билле иткән тел ул.
Беҙҙе йәнле иткән тел ул,
Беҙҙе йүнле иткән тел ул –
Һай, афарин, башҡорт теле![121]

Язык, с которым Родину имеем,
Язык, с которым есть у нас душа.
От сладости которого немеем,
Внимая кубаирам, не дыша.
Благословен же будь, родной язык!..
(Перевод М. Гафурова)

Человек, любящий свою родину, свой народ, никогда не перестает восхищаться родным языком. Как раз об этом идет речь в стихотворении Р. Гарипова «Туған тел» («Родной язык»),

---

[119] *Антология* башкирской поэзии: Голоса веков. Уфа, 2001. С. 598. (на башк. яз.)

[120] *Биишева З.* Монолог. Уфа, 1986. С. 12. (на башк. яз.)

[121] *Гиляжев Х.* Блуждающие звезды. Уфа, 1996. С. 80. (на башк. яз.)

написанном в 50-е годы прошлого столетия. Приведем отрывки из этого произведения:

Мин халҡымдың сәскә күңеленән	Я, как пчела в саду цветущем, в поле,
Бал ҡортондай ынйы йыямын,	Как жемчуга искатель в глубине,
Йыямын да – йәнле ынйыларҙан	Тружусь, веду свой поиск, и все боле
Хуш еҫле бер кәрәҙ ҡоямын.	Родной язык волнует душу мне.
.....	
Халҡым теле миңә – хаҡлыҡ теле,	Чьим сыном без него назваться мне бы,
Унан башҡа минең илем юҡ.	Чтоб общий подвиг с братьями вершить?
Илен һөймәҫ кенә телен һөймәҫ,	Есть у меня с ним и земля, и небо,
Иле юҡтың ғына теле юҡ![122]	Я без него – безвестный, без души[123].
	(Перевод А. Решетова)

Встречаются, тем не менее, люди-хамелеоны, которые пытаются принизить свой родной язык. Относительно таких А. Ахметкужин приводит следующую меткую народную пословицу: «Тот, кто порочит свой язык, одновременно унижает свою страну» («Башкирский язык»).

Поэты К. Аралбай, Р. Шагалиев сурово критикуют тех, кто отдаляется от своего родного языка, стыдится его («Каждое второе слово – из чужого языка...», «Коль мой родной язык меня не может прокормить...»).

В стихотворении «Чем башкирский язык хуже?» Фаузии Юлдашбаевой лирическая героиня дает отповедь тем манкуртам, которые отреклись от своего языка. «У того, кто забыл свой язык, не будет в жизни смысла, он не будет уважать родителей, не будет знать родного языка», – говорит она.

Любовь к родному языку, призыв почитать его отчетливо прослеживаются в стихотворениях М. Карима («Язык матери – язык веры...»), К. Киньябулатовой («Башкирский язык»), Р. Назарова («Мой родной язык»), М. Уразаева («Башкирский язык»), Т. Юсупова (Родной язык»), Р. Мифтахова («Родной язык»), Р. Шакура («Храните»), М. Ямалетдина («Сокровищница народа», «Как зеницу ока»»), Х. Назара («Мой родной язык...»), К. Алибаева («Род-

[122] *Гарипов Р.* Избранные произведения. С. 51. (на башк. яз.)

[123] *Поэты* Башкирии: Антология. В 2 т. Т. 2. Уфа, 1980. С. 206–207.

ной язык»), Р. Хисаметдиновой («Родной язык»»), Г. Якуповой («Родной язык»), Т. Ганиевой («Мой родной язык»), Г. Ситдиковой («Родной язык»), Д. Талхиной («Мой родной язык»), Р. Шамсутдиновой («Родной язык») и др.

Самый интересный мотив современной лирики – призыв быть настоящим человеком, то есть вести достойный образ жизни.

Для того, чтобы оправдать высокое звание человека, нужно всегда соблюдать такую норму поведения, как воспитанность. Как подчеркивает поэт М. Уразаев, воспитанность для человека – всегда есть его хлеб, придающий ему сил и могущества.

К сожалению, в наши дни все более сильно проявляется ослабление основ морали и нравственности, которые и делают человека человеком, уменьшение в повседневной жизни фактов проявления человеческих качеств и, наоборот, постепенное превращение грубости и безразличия в норму поведения людей. Поэты не могут игнорировать указанные выше явления, они вступают в борьбу против этих отрицательных моментов.

Тормошомда ниҙәр кисерһәм дә, Чего бы в жизни ни изведал я,
Керләмәнем йөрәк хисемде. Не запятнал своих душевных чувств.
Һәр ваҡытта ғорур аҡлармын мин Всегда буду гордо отстаивать
Кеше тигән бөйөк исемде[124] Высокое имя человека –
(Подстрочный перевод)

пишет А. Игебаев в своем стихотворении «Ғүмер юлы» («Жизненный путь»). Поэт считает, что в целях сохранения человеком своей глубинной сути он должен преодолеть различные препятствия и трудности. По его мнению, способность человека выполнить свою высокую миссию зависит от его отношения к понятиям чести и совести.

Люди все разные. Вот что об этом говорит Гузель Галеева в стихотворении «Даръяларҙа төрлө ағымдар бар» («Океанские течения...»):

Был донъяла төрлө кешеләр бар, Разные люди живут на свете,
Төрлө кеше йәшәй донъяла: Разные они по натуре:

[124] *Игебаев А.* Невысказанные слова. Уфа, 1990. С. 255. (на башк. яз.)

Берәү йылытырға усаҡ яға,
Берәү бысраҡ яға йә яла[125].

Одни искренни, отзывчивы,
Одни завистливы, коварны.
(Подстрочный перевод)

Известный русский поэт Евгений Евтушенко в произведении 60-х годов («Не тратьте время, чтобы помнить Зло»), посвященном человечеству, следующим образом напоминает об этом:

Не тратье время, чтобы помнить Зло,
Мешает это внутренней свободе.
Мешает просто – черт возьми! – работе, –
Ну, в общем, это хлопотное дело.
А помните добро, благодаря
За ласку окружающих и бога.
На это дело, кстати говоря,
И времени уйдет не так уж много[126].

Поэты решительно и смело выступают против зла и лжи, призывают людей стремиться к добру и благим делам. Они искренне делятся своими смелыми рассуждениями о неприятии двуличия, подобострастия в людях, подобные типы, на их взгляд, не достойны носить имя Человека. По их мнению, жить на земле, поступать как настоящий человек, очень сложно. Как раз об этом размышляет и лирический герой в произведении Шарифа Биккула «Стоит задуматься». Ему очень горько от того, что часто в борьбе добра со злом теряется смысл самого понятия «справедливость», на которое мало кто обращает внимания сейчас. Он возмущен бездушием господ-начальников. Эти чувства Мусы Гали нашли выражение в его стихотворении «Обман». Здесь лирический герой, несмотря на вопиющие случаи проявления в жизни лжи и зла, большую надежду возлагает на конечную победу сил добра, торжество правды.

Простота, скромность, спокойный нрав – прекрасные качества, украшающие человека.

Уже первые строки стихотворения Рифа Ахмадиева «Любил всегда я красоту простую...» выделяют понятие «простоты». Тем

[125] *Галиева Г.* Золотой корень Иремеля. Уфа, 2004. С. 98. (на башк. яз.)
[126] *Евтушенко Е.* Собр. соч. В 3 т. Т. 1. М., 1983. С. 433.

не менее, здесь поэт не имеет в виду простоватость и наивность. Он видит и чувствует обыкновенную красоту, которая сохраняется в душе человека, в мире природы – а именно в ясной осенней погоде. Поэт переживает из-за того, что люди не хотят замечать эту простую красоту.

В произведении Р. Мифтахова «Духовная высота» также ставится вопрос о простоте, которую поэт очень высоко ценит. Для него она – идеал, равноценный духовному совершенству.

В стихотворении М. Ямалетдина «Баҫалҡылыҡ» («Скромность») обличается духовная распущенность. Вот что он говорит об этом:

Баҫалҡылыҡ модаларҙан сыға,
Дәһри эҙәрләгән Ҡөрьәндәй.
Баҫалҡыны күрһәк аптырайбыҙ,
Айҙан төшкән затты күргәндәй[127].

Достоинство теперь звук пустой,
Как для безбожника Коран.
Изумляемся, увидев гордого человека,
Словно он спустился с Луны.
(Подстрочный перевод)

Лирическому герою стихотворения «Тыйнаҡ булыу – үҙе бер матур сифат...» («Вежливость – благородное качество») Шарафа Ахматова присущи призывы к личности обратиться к вере, нормам приличия, а также научиться распознавать нравственно убогих людей.

Тыйнаҡ булыу – үҙе бер матур сифат,
Тыйнаҡлыҡта һин дә тыйнаҡ бул.
Әммә тыйнаҡһыҙҙар араһында
Юлбарыҫтай һаҡ бул, йыйнаҡ бул![128]

Вежливость – благородное качество,
Будь вежливым, великодушным.
Словно тигр, опасайся,
Дерзости, не будь равнодушным.
(Подстрочный перевод)

Словно в подтверждение слов «Хорошее слово – бальзам для души», Гульфия Юнусова в стихотворении «Ихласлыҡ» («Искренность») призывает людей быть по отношению друг к другу добрыми, приветливыми, делиться теплом своей души:

Ихласлыҡ – саф күңел аҡлығы,
Ихласлыҡ – дуҫлыҡтың хаҡлығы.

Искренность – чистой души белизна,
Искренность – цена дружбы.

---

[127] *Ямалетдин М.* Тропинка. Уфа, 2007. С. 19. (на башк. яз.)

[128] *Ахматметов Ш.* Вежливость – благородное качество // Агидель. 1994. № 5. С. 99. (на башк. яз.)

Ихласлыҡ – ул йондоҙ сатҡыһы,
Ихласлыҡ – донъяның яҡтыһы[129].

Искренность – звездная искра,
Искренность – мира сиянье.
(Подстрочный перевод)

Лирическая героиня в произведении Ф. Тугузбаевой «Ихласлыҡ» («Искренность») также рассуждает об искренности в отношениях между людьми:

Йылы һүҙ – ул иң ҡәҙерле йән дауаһы,
Серләшәйек, дуҫтар, гел асыҡтан.
Һүҙ юҡлыҡтан түгел ҡырыҫлығым минең,
Булһа булыр бары ихласлыҡтан[130].

Душевное слово – для сердца бальзам,
Поговорим же, друзья, откровенно.
Не судите строго меня.
От искренности сдержанность моя.
(Подстрочный перевод)

Итак, по представлениям поэтов, будет ли личность достойна высокого звания Человека или нет, зависит от того, в каких она отношениях с честью и совестью. Человек бессовестный, невоспитанный не достоин этого звания. Такая трактовка содержится в произведениях «Мир болен» М. Карима, «Кому же руку подать?..» Н. Наджми, «Летят годы» М. Гали, «Совестливые, к вам я обращаюсь!..» Ф. Рахимгуловой, «Добро, любовь, теплое слово...» Р. Бикбаева, «Убеждение» А. Тагировой, «Без конца мы сетуем, что времена плохи...» Ф. Гумерова и др.

В целом, в творчестве мастеров поэтического слова этого периода через восприятие нашего современника своеобразно отразились вечные нравственные ценности, всегда будоражившие умы людей и находившиеся в центре внимания поэзии.

2.2. Нравственные основы понятия «любовь»

Любовь можно считать самым высшим критерием определения нравственности в этике. К любви, которая с давних времен

[129] *Юнусова Г.* Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. Уфа, 2011. С. 198. (на башк. яз.)

[130] *Тугузбаева Ф.* Зеница ока. Уфа, 1984. С. 6. (на башк. яз.)

служила источником жизни и бытия, трудно давать однозначно точную характеристику. Французский писатель Франсуа де Ларошфуко о ней писал следующее: «Трудно дать определение любви; о ней можно лишь сказать, что для души – это жажда властвовать, для ума – внутреннее средство, а для тела – скрытое и утонченное желание обладать после многих околичностей тем, что любишь»[131].

Интересно в этом плане определение любви русского писателя Ивана Тургенева: «Настоящая любовь – чувство, вовсе не похожее на то, что мы ее себе представляли. Любовь даже вовсе не чувство; она – болезнь, известное состояние души и тела; она не развивается постепенно; в ней нельзя сомневаться, с ней нельзя хитрить, хотя она и проявляется не всегда одинаково: обыкновенно она овладевает человеком без спроса, внезапно, против его воли...»[132]

Как уже было сказано, до сих пор нет точного и емкого определения понятия «любовь». У древних греков, например, «эрос» – это стихийная и страстная самоотдача, восторженная влюбленность; «филиа» – это любовь-дружба, любовь-приязнь индивида к индивиду; «сторгэ» – это нежность, особенно семейная; «агапэ» – жертвенная и снисходящая любовь ко ближнему[133].

С древнеиндийского языка (с санскрита) *«махабхад» (mahabchad)* дословно переводится как «раскаленный костер» и означает самое сильное чувство, влечение. Схожее по произношению и соответствующее по содержанию определение встречается у многих народов. Например, у уйгур – *муһәббәт* (синоним – *ашиклек*), таджиков – *мухаббат*, азербайджан – *мәхәббәт* (синонимы – *севки, ешг*), татар – *мәхәббәт*, башкир – *мөхәббәт*.

В то же время понятие «любовь» несет в себе более широкое смысловое значение: любовь к Родине, к родной земле, матери, детям, ближним и др.

Наша задача: осветить основное значение этого определения – гармоничную любовь, т. е. отношение между мужчиной и женщиной, и ее отражение в современной башкирской поэзии.

---

131 *Ларошфуко Франсуа де.* Максимы и моральные размышления. С. 15.

132 *Тургенев И. С.* Собр. соч. В 10 т. Т. 6. М., 1981. С. 84–85.

133 *Большая* советская энциклопедия. Т. 15. М., 1974. С. 156.

«Любовь представляет собой необходимую человеческую потребность. Симпатия, вера в человека, доверие к человеку, ответ на его чувство – в этом, собственно, и состоит человеческое чувство»[134], – писал знаменитый немецкий ученый и врач Рональд Нойберт. Его размышления отчасти совпадают с древнеиндийским трактатом: «Стремление души рождает дружбу, притяжение тела – желание, а потеря рассудка – любовь». Эти приятные, сладострастные чувства художники выражают в своих картинах, композиторы – в музыке, поэты – посредством художественных строк.

Каждый влюбленный человек по своему испытывает эти божественные чувства. В реальности «любовь между мужчиной и женщиной, интимные отношения – это основа бытия, источник жизни. Любовь дает человеку возможность жить, делает его молодым, любимым и счастливым. От любви входят в сомнамбулическое состояние, теряют головы и ради нее даже готовы пожертвовать своей жизнью»[135].

В своей речи мы часто используем слова «*мөхәббәтле*» (привлекательный, притягательный) и «*мөхәббәтһеҙ*» (бесчувственный, отталкивающий), не придавая при этом особого значения, какие смысловые нагрузки несут в себе эти определения!.. Испытавший хоть раз в жизни чувство любви – это счастливый человек, у которого есть будущее. Прилагательное «*мөхәббәтһеҙ*» (бесчувственный) несет в себе отрицательную смысловую нагрузку и применяется, в основном, по отношению к грубым и невоспитанным людям. Народный поэт Башкортостана Р. Бикбаев, размышляя на эту тему, пишет: «Прежде чем говорить о любви, я хочу остановиться только на одном слове нашего народа. У нас, когда хотят кратко и точно охарактеризовать отрицательную сторону какого-то человека, о нем говорят “*мөхәббәтһеҙ*” *(бесчувственный)*. У меня на основе этих размышлений возникло даже небольшое стихотворение:

Һөйөү бөтһә, тормошомдоң йәме	Угаснет любовь – и жизни красота,
Юйылып төшөр төҫлө хәтерҙән,	Мне кажется, из памяти сотрется.
Кеше, моңһоҙ күҙҙәремә ҡарап,	И человек, увидев мой тусклый взгляд, Подумает:
“Мөхәббәтһеҙ” тиеп әйтерҙәй.	«Вот этот никогда не знал любви».

[134] *Нойберт Р.* Новая книга о супружестве. М., 1967. С. 171.

[135] *Хусаинов Г. Б.* Сочинения. В 3 т. Т 2. Уфа, 2000. С. 543. (на башк. яз.)

Нишләтһә лә айырмаһын яҙмыш
Күңел ҡошом – сыуаҡ хисемдән.
Донъяла мин бер нәмәнән ҡурҡам –
“Мөхәббәтһеҙ” тигән исемдән[136].

Так пусть же никогда птица судьбы
Меня не разлучит с любовью.
Одного боюсь в жизни,
Что скажут про меня –
бесчувственный.
(Подстрочный перевод)

Причину многих сторон нашей тяжелой и безрадостной жизни народ видел прежде всего в отсутствии любви. Таким образом, *мөхәббәтле булыу* (обладать любовью) – это одна из главных качеств для человека, и каждый, в том числе и поэт, понимает его именно в этом смысле»[137].

Тема любви последовательно находит отражение в мировой литературе, начиная с творчества поэтов античного века (Анакреон, Вергилий) и до сегодняшнего дня. Прекрасные образцы любовной лирики наблюдаем в произведениях Низами Гянджави, Хафиза, В. Гете, А. С. Пушкина, М. В. Лермонтова, А. Блока, С. Есенина и других классиков ближневосточной, русской и западной литературы.

***

«Когда и как впервые человек влюбляется?» – задала вопрос молодая девушка Тося из фильма «Девчата» своей старшей подруге по комнате. «Ха, не заметишь, как и сама влюбишься», – ответила та. Действительно, любовь – это такое чувство, которое приходит неожиданно.

Любовь не разбирает и возраст: как говорится, любви все возрасты покорны.

Поэт Рашит Назаров в небольшом стихотворении «Йәшен» («Молния») сумел точно и глубокомысленно передать всю суть этого чувства. Она, подобно молнии, поражает всякого, не обращая внимания на возраст:

Мөхәббәт – ул, әйтерһең дә,
утлы йәшен,
Һанап-һорап тормай һис бер
кемдең йәшен,

Любовь подобно молнии сверкает,
Ей возраста преграды нипочем,

[136] *Бикбаев Р.* Край цветущий. С. 222. (на башк. яз.)

[137] *Исянбаева Ф.* Что такое любовь? Есть ли она, любовь? // Дочь Башкирии. 2000. № 6. С. 14. (на башк. яз.)

Һүнмәҫ ялҡын менән ялмай
ҡартын-йәшен,
Көйзөрөр тип ҡурҡһаң әгәр,
ҡас һин, йәшен,
Ҡоя күрмә тик аҙаҡтан
күҙең йәшен!
Мөхәббәт – ул, әйтерһең дә,
утлы йәшен[138].

В том пламени и стар, и млад сгорают,
Беги, коль жар огня тебя пугает,
Но слез своих не проливай потом.
Любовь подобно молнии сжигает[139].

(Перевод Ю. Андрианова)

Испытание первых любовных чувств в сердце каждого человека оставляет свои горячие следы. Например, в стихотворении Р. Сафина «Яратам» («Люблю») предстает яркая картина: воспоминания седого поэта о незабываемых минутах юности, неповторимых мгновениях прекрасного. Параллельно создается образ молодого лирического героя, влюбленного до безумия. Произведение имеет кольцевую композицию: поэт вновь возвращается к «заставившей потерять рассудок зеленеющей» весне – к временам своей юности. Он снова ощущает горячее дыхание русоволосой возлюбленной, и вновь его тепло приветствуют красавица река Ай, могучая Желтая гора.

Кисә генә кеүек ишеткәйнем
Йәшлегемдең йәшел тауында
Әй ҡыҙының тәүге һөйөү һүҙен,
Әй буйы шау сәскә сағында...[140]

На зеленой горе моей юности густо взошла синева.
Будто только вчера невозможными были.
Это девушка мне о любви прошептала слова,
Берега Ай-реки в сумасшедшем цветении стыли[141].
(Перевод Д. Костюрина)

Картина воспоминаний о зеленой юности мастерски изображается автором различными поэтическими средствами, художественными красками и тонами.

---

138 *Назаров Р.* Несу вам сердце свое. С. 7. (на башк. яз.)

139 *Антология* поэзии Башкортостана: Голоса веков. С. 327.

140 *Сафин Р.* Танец в огне. С. 138.

141 *Сафин Р.* Белая музыка. Стихи. М., 1977. С. 35.

Необузданная любовь зеленой юности оставила свои огненные следы в душе поэта на всю жизнь. Даже по истечении долгих лет нежное и ласковое слово «Люблю!», произнесенное возлюбленной, все еще звучит, словно волшебная мелодия.

Йәшлегемдең йәшел тауы ҡалды.	Нет зеленой горы моей юности
Һары тауҙа атты һары таң.	в нынешнем дне,
Һары тауҙа әйтте ҡыймай ғына	А на желтой горе желтокосая девушка мне
Һары сәсле һылыу: «Яратам!»[142]	Прошептала: «Люблю», и сверкнуло янтарное слово[143].

(Перевод Д. Костюрина)

Испытание чувств первой любви также тонко и убедительно описывается в стихотворении Р. Гарипова «Тәүге һөйөү» («Первая любовь»). В нем образ влюбленного лирического героя изображается через радужные поэтические тона. В отличие от Р. Сафина, Р. Гарипов свою первую любовь сравнивает с первым весенним громом. Образ возлюбленной в душе поэта ассоциируется то с радугой, то с «огненной родинкой»:

Зәңгәр яҙҙың тәүге күкрәүендәй,	Словно первый гром ранней весны,
Күкрәнең дә йәшлек күгемдә,	Грянув с небосклона юности моей,
Йылы ямғырҙан һуң балҡып сыҡҡан	Словно после весеннего дождя,
Йәйғор булып ҡалдың күңелдә[144].	Ты радугою встала надо мной.

(Подстрочный перевод)

Такие мотивы, как преданность хрустально чистой любви, сохранение этих прекрасных, светлых чувств в душе на всю жизнь свойственны и для стихотворений «Первая любовь как потрясает...» Р. Гарипова, «Я снова брожу по тропинкам молодости» Ф. Гумерова, «Тоска по первой любви» С. Алибая, «Помнишь, дорогая?..» М. Сиражи, «Не забуду» Х. Назара, «Колокольчик» А. Багуманова, «Первая любовь» А. Атнабаева, «Влюбился» Я. Кулмыя, «Тоскую» М. Каримова, «Первая любовь» З. Алтынбаевой, «Первая любовь» Г. Якуповой и др.

142 *Сафин Р.* Танец в огне. С. 138.

143 *Сафин Р.* Белая музыка. С. 35.

144 *Гарипов Р.* Песня подснежника. С. 24.

Одно из счастливых переживаний для каждого человека – это взаимная любовь, притяжение другу к другу и телом, и душой. Такие моменты двух любящих сердец ярко и красочно описываются в стихотворении Вафы Ахмадиева «Беҙ ҡауышҡан төндә» («Таинственная ночь»):

Беҙ ҡауышҡан төндә ямғыр ҡойҙо,
Тауҙар торҙо гөрләп, гөрһөлдәп.
Йәшенле төн.
Ҡабыҡ аласыҡта
Ике йөрәк типте дөпөлдәп[145].

Лил дождь в ночь близости нашей,
Горы стонали, ухали,
Гром гремел в ночи.
В маленьком доме
Стучали громко два сердца.
(Подстрочный перевод)

В. Ахмадиев, показывая любовь как естественное чувство, иллюстрирует это через природные явления. Такие сравнения усиливают смысловую нагрузку главной идеи произведения.

Природа у поэта всегда в хаосе, в движении: содрогнулись скалы под молнией, открылись небесные врата, горы вздрогнули, подул резкий ветер и т. д.

В финале произведения явления природы изображаются параллельно с переживаниями личности:

Ямғыр йыуҙы ҡайнар күкрәгемде,
Күкрәүҙәрен уның үҙ иттең,
Күк менән ер сарсап тоташҡанда,
Ике йөрәк булды бер бөтөн.
Күкрәп үткән беҙҙең тылсым төнө
Олаҡһа ла инде ҡайтмаҫҡа,
Йөрәктәрҙә – йәшен сатҡылары,
Күкрәүҙәре һаман ҡолаҡта[146].

Омывал дождь горячую грудь,
Близко принял и гром небесный,
Когда соединились грозно небо и земля,
Две души слились в одну.
Таинственная ночь под громом
Встала уж позади,
Но все еще в сердцах –
Следы молнии,
В ушах все еще – гром ночи.
(Подстрочный перевод)

Страстное наслаждение любовью также показано через поэтические картины и образы в стихотворении М. Карима «Бөгөн төн мин һинең янда ҡалам...» («Прервав свой путь, с тобою остаюсь...»):

[145] *Ахмадиев В.* Цена слова. Уфа, 1983. С. 54. (на башк. яз.)
[146] Там же. С. 55.

Бөгөн төн мин һинең янда ҡалам,
Өҙөп сәфәремде,
Ҡулым менән һыпырам йөрәгемдән
Бөтә хәстәремде[147].

Прервав свой путь, с тобою остаюсь
Я в эту ночь.
Заботы с сердца смел рукою: пусть
Уходят прочь...[148]

(Перевод Е. Николаевской)

Как видим, лирический герой охвачен одним желанием: остаться с любимой с глазу на глаз, лелеять горящие в душе любовные чувства. Он жаждет интимной тишины. По его мнению, только тогда влюбленные могут соединиться.

В последующих строках автор воспевает красоту и величие любви. Это звучит как своего рода гимн прекрасному чувству:

Йоҡлаһын ел, аҡыл, диңгеҙ, ҡурҡыу
Шымһын бар донъяһы.
Тик мөхәббәт кенә, бер ул ғына
Бөгөн күҙ йоммаһын[149].

Пусть разум, страх, не знающие сна,
Спят в этот час...
Пусть не смыкает лишь любовь одна
Сегодня глаз[150].

(Перевод Е. Николаевской)

По идее и тематике стихотворение М. Карима схоже с вышеназванным произведением В. Ахмадиева. В обоих доминирует образ ночи. Она, по мнению авторов, душевный и тайный собеседник-друг всех влюбленных, свидетель воссоединения молодых любящих сердец. Безмолвие ночи еще больше добавляет божественной силы и пламени в вино любви.

Описания волшебной ночи любви характерны и для творчества женщин-поэтесс. В этом отношении примечательны стихотворения Т. Ганиевой «Ночь проведу в объятиях твоих...», З. Янбердиной «Ягодка», Э. Сасанбаевой «Плотно сжав губы...», «Когда ты спишь...», «Чувство любви», Д. Талхиной «Ночь», Ф. Харрасовой «Я растворяюсь, словно льдинка в твоих руках...» и др.

В отличие от поэтов-мужчин, интонации стихов поэтесс более откровенны, чистосердечны. Например, такими качествами обладает лирическая героиня стихотворения Тамары Ганиевой

147 *Карим М.* Сочинения. Т. 2. Уфа, 2011. С. 47. (на башк. яз.)
148 *Карим М.* Покатилось сердце мое. Уфа, 2011. С. 69.
149 *Карим М.* Сочинения. Т. 2. С. 47.
150 *Карим М.* Покатилось сердце мое. С. 69.

«Ҡуйыныңда бер төн ҡунайымсы...» («Ночь проведу в объятиях твоих...»). Она, восхитительная натура, не скрывающая своих пылких чувств – открыто признается в любви. Лирическая героиня автора чем-то напоминает героиню из произведения «Только в очи мы взглянули без остатка...» Марины Цветаевой. Ради любви обе готовы пойти на все: попасть в ад за грехи, испытать душевные переживания. Для них самое важное – хотя бы на миг оказаться рядом с любимым человеком, провести с ним счастливые минуты. Стихотворение Т. Ганиевой заканчивается жизнеутверждающими строками:

Иренемде телһен керпектәрең,	Пусть ресницы твои проткнут мне губы,
Күҙ төптәрем сыҡһын күгәреп,	Пусть будут под глазами синяки.
Яратышыу, бәлки, хоҡуҡ алыр,	Быть может, любовь раскачает свои права,
Был донъялар китһә үҙгәреп[151].	Если вдруг жизнь изменится.
	(Подстрочный перевод)

Несмотря на трудности, лирическая героиня предстает перед нами как оптимистка, которая свято верит в благополучный исход событий. Ее кредо – «нет суда над любовью».

Такие схожие мотивы интимной лирики во всю мощь звучат в творчестве Н. Наджми («Возле дуба»), М. Каримова («Дождливая ночь»), Г. Шафикова («Незабываемые минуты»), Ф. Кузбекова («Слияние двух сердец») и др.

***

В центре любовной лирики исследуемого периода находится образ женщины. В мировой литературе поэтическое описание женских образов имеет продолжительную историю. Например, в знаменитой «Илиаде» древнегреческого поэта Гомера две страны ради Елены Прекрасной долгих девять лет сражались между собой.

В литературе народов Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии, исповедующих ислам, тема любви также получила широкое распространение. Как известно, мусульманская религия запрещает воспроизведение на холсте, камне или на дереве человеческого лица и тела. Поэтому здесь на первый план выходит описание внешней красоты главных героев. Произведения «Йусуф вә Зу-

[151] *Ганиева Т.* Кипчаки. Уфа, 1994. С. 133. (на башк. яз.)

лейха» Фирдоуси, «Лейла и Меджнун», «Хосров и Ширин» классика азербайджанской литературы Низами Гянджави, «Фархад и Ширин» классика узбекской литературы Алишера Навои, газели Рудаки, Хафиза и других – тому яркое подтверждение.

В русской литературе тема божественной и жертвенной любви нашла отражение в произведениях «Мадонна», «Ты богоматерь, нет сомненья», «Калмычке», «Красавице» А. С. Пушкина, «Морская царевна» М. Ю. Лермонтова, «Певице» А. Фета, «Шаганэ ты моя, Шаганэ» С. Есенина и др.

В башкирской литературе традиция описания женских образов также имеет свою богатую традицию. Блестящие образцы содержатся в фольклорных произведениях, в частности в сказках, «в них женская красота сравнивается то с луной, то с солнцем; большое место уделяется описанию девичьей косы – длинной и густой»[152]. «Начиная со стихотворения С. Юлаева “Зулейха” и до сегодняшнего дня очень много написано о наших прекрасных девушках, накоплен богатый опыт в описании интимных отношений. В произведениях Мажита Гафури “Прежде было трудно – теперь легко”, Даута Юлтыя “Алима, или Свадьба старика Мырдаша”, Булата Ишемгулова “Делегатка”, Хадии Давлетшиной “Айбика”, Гарифа Гумера “Айсылу”, Гайнана Хайри “Женщина” нашли отражение первые образы башкирских женщин, которые, ломая старые обычаи и стереотипы поведения, встали на защиту нового социалистического строя. Если обратимся к жанру поэмы, его условно даже можно было бы назвать одой женщинам. Например, “Майсара”, “Айсылу” Д. Юлтыя, “Трактористка Айсылу” Б. Ишемгулова, “Три песни”, “Дитя” Г. Саляма, “Девушка”, “Золотой колос”, “Любовь Тансылу” Х. Карима, “Жизнь, рожденная бурями”, “Письма твоей девушки”, “Девушка из Сакмара” Р. Нигмати, “Кулгайша” Г. Амантая, “Хатима” Х. Кунакбая, “Сорок шестой солдат” Х. Гиляжева, “Зоя”, “Заря молодости” Г. Рамазанова, “Девушка с Урала” Г. Гумера, “Девушка зари”, “Ее счастье” Т. Арслана, “Мать” Н. Наджми, “Черные воды” М. Карима, “Девушка Дуная” Г. Байбурина и др.»[153].

В любовной лирике данного периода наблюдается отход от привычных стереотипов прошлых лет. Для иллюстрации остановимся

---

[152] *Хусаинова Г. Р.* Поэтика башкирских народных волшебных сказок. М., 2000. С. 24–36.

[153] *Ахмедьянов К. А.* Прекрасное и героическое в поэзии. С. 105.

на стихотворении «Имеш, һине Хоҙай яратҡан...» («Говорят, сотворил тебя некогда Бог...») народного поэта Башкортостана М. Карима, которое звучит как гимн женщине. При описании женского образа автор пользуется таинственными природными красками. Лирический герой не только обращается к высшей силе – Всевышнему, но иногда входит в полемику с ним: если Бог создал человека из глины, то лирический герой свою любовь – из огня, воды, лучей, бесконечной мечты, неугасаемой надежды и мелодичной песни:

Дөрөҫ түгел! Һине мин яраттым
Уттан, һыуҙан, нурҙан,
Бөтмәҫ хыял, һүнмәҫ өмөттәрҙән
Һәм бер моңло йырҙан[154].

Ерунда! Это – я, я тебя сотворил
Из воды, из огня,
Из надежды, из песни печальной
Творил тебя день изо дня[155].

Лирический герой, словно неистовый Меджнун, часто готов терять свой рассудок. Иногда, вглядываясь в таинственные глаза своей возлюбленной, от избытка горячих чувств испытывает радость и мучение одновременно.

Ғазап ҡуштым, йәнә шиҡ өҫтәнем –
Әскелтем тәм һалдым.
Аҙ ғына ғәм һалдым,
Айҙар, йылдар, ғүмер буйы
Шулай һине бар ҡыламын...[156]

И туда примешал я сомненье,
Добавил страданье, тоску,
Только так, только так цену радости
Можно узнать на веку...[157]
(Перевод Е. Николаевской)

[154] *Карим М.* Сочинения. Т. 2. С. 59.
[155] *Карим М.* Покатилось сердце мое. С. 21.
[156] *Карим М.* Сочинения. Т. 2. С. 59.
[157] *Карим М.* Покатилось сердце мое. Уфа, 2011. С. 21.

Схожее поэтическое описание женского образа мы видим и в стихотворении Рамиля Кул-Давлета «Һинең һүрәт» («Рисунок твой»). Если лирический герой М. Карима создает образ возлюбленной в своих мечтах, то герой Р. Кул-Давлета еще рисует и ее портрет. Простой карандаш помогает передать все то, что он не смог высказать словами:

Һинең һүрәт...
Ябай ҡәләм менән
Минең ҡулдар уны эшләгән,
Ә шулай ҙа ҡарап торамын да,
Мин түгелдер, тиеп шикләнәм[158].

Рисунок твой...
Простым карандашом
Его я сделал. А когда – не помню.
Но почему-то не уверен в том,
Что это так...
Не объяснишь любому...[159]
(Перевод Г. Шафикова)

На первый взгляд, простой карандаш творит чудеса – картина получается намного прекраснее, чем при использовании разноцветных красок. По мнению автора, искренние чувства и любовь способны преобразить даже неодушевленные предметы. Любовь способна вдохновить и окрылить любого человека, и поэтому даже простой карандашный набросок выглядит так живо и прекрасно.

В любовной лирике Р. Сафина часто встречаются мотивы восхищения и преклонения перед женщиной. Не внешняя, а внутренняя красота привлекает поэта. Если в свое время Ш. Бабич ставил женщину вровень со Всевышним («Грациозный стан»), то Р. Сафин в своем стихотворении «Красивой женщине» подчеркивает, что нашим милым женщинам позавидовал бы даже Аллах (Бог).

Стихотворение Р. Сафина «Матурлыҡ» («Красота») звучит своего рода поэтическим гимном женщине – основе жизни и всего прекрасного:

---

158 *Кул-Давлет Р.* Рисунок твой // Семь родников. Уфа, 1988. С. 23. (на башк. яз.)

159 *Антология* поэзии Башкортостана: Голоса веков. С. 415.

Нур уйнатып баҫҡан эҙҙәреңдә,
Ғорур башын ғорур күтәреп,
Болан һымаҡ бер ҡыҙ атлай ине,
Егеттәрҙең иҫен китереп...[160]

Шла, оставляя свет в своих следах,
Гордо вскинув гордую голову,
Оленю подобно, девушка шагала,
Изумляя парней.
(Подстрочный перевод)

Знаменитый немецкий поэт и прозаик Генрих Гейне (1797–1856) в стихотворении «Твои глаза – сапфира два...» также видит в женщине самое прекрасное и очаровательное создание в природе:

Твои глаза – сапфира два,
Два дорогих сапфира...
Счастлив тот, кто обретет
Два этих синих мира[161].
(Перевод С. Маршака)

БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Поэтические строки «Твое сердечко – бриллиант, твои уста – рубина два» направлены на подчеркивание нравственных качеств героини – чистой и непорочной.

В Коране сказано, что человек создан по образу и подобию Божию. Если исходить из этого, женская красота – это божественная красота, составная часть нашей природы и Вселенной. Поэты женскую привлекательность предпочитают в сингармонизме внешней и внутренней красоты.

Как известно, женская красота рождает не только восхищение, но и ревность, что также находит отражение в художественной литературе. Но в поэзии 1970–1990-х гг. мотив ревности используется для раскрытия не заземленных чувств, а, наоборот, с целью еще более подчеркнуть красоту своей возлюбленной. Лирический герой стихотворения Кадира Алибаева («Ревную») рев-

[160] *Сафин Р.* Светлая мелодия. Уфа, 1977. С. 114. (на башк. яз.)

[161] *Гейне Г.* Твои глаза – сапфира два... // 30 000 слов о любви. М., 2012. С. 174.

нует свою возлюбленную к снежинкам, падающим на ее губы, к цветам, растущим под ее ногами. Схожую картину наблюдаем в стихотворении «Көнләшеү» («Ревность») Габидуллы Зарипова. Здесь тоже для лирического героя снежинки, падающие на губы возлюбленной, даже Земля и небеса становятся его соперниками. В конце произведения свои чувства автор внезапно переводит на природные явления:

Көнләшеүҙән, ah, ныҡ көнләшеүҙән
Мин әҙермен, йәнем, барына.
Әйләнермен хатта бер минутҡа
Керпегеңдә ирер ҡарыңа[162].

Ах, от ревности, от безоглядной ревности,
Милая моя, на все готов я.
И даже обернулся бы снежинкой,
Что через миг растает на твоих ресницах.
(Подстрочный перевод)

Таким образом, мотив ревности служит как своеобразный художественный прием для еще большего выделения красоты и привлекательности возлюбленной.

Тема восхищения женской красотой нашла отражение также в произведениях Х. Гиляжева («Моя красавица»), А. Атнабаева («Гульчачак»), Р. Гарипова («Твой грациозный стан, подобный иве...»), М. Каримова («Сказочная дева»), Я. Кулмыя («Чулпан»), Р. Назарова («Красавица»), М. Сиражи («Ты»), К. Бакирова («Дорога любви») и др.

Стремление оберегать наши прекрасные создания от отрицательных мыслей, удержать людей от осуждения их за те или иные поступки – основная идея стихотворения «Одно слово к мужчинам...» Р. Мифтахова. Поэт сравнивает женские души со стеклянным дворцом, готовым при малейшей неосторожности рассыпаться.

Воспитанность и сдержанность – самые прекрасные черты женского характера человека. Наряду с внешней красотой, именно они и делают женщину привлекательной. Лирический герой

[162] *Зарипов Г.* Ревность // Водопад. Уфа, 1993. С. 57. (на башк. яз.)

стихотворения Сарвара Галяутдинова «Воспитанность» призывает прекрасную половину человечества быть именно благовоспитанными.

В народе существует выражение, что женская душа подобна таинственному и неизведанному лесу. Лирического героя стихотворения «Өс мөғжизә мине әсир алды...» («Три чуда пленили меня...») М. Карима навсегда очаровали три, на первый взгляд, простых явления – земля, небо и женщина. Именно они дают автору почву для долгих и глубоких размышлений. В итоге он приходит к выводу, что земля и небо со временем откроют людям свои тайны, и только женская душа останется загадочным явлением:

Ерҙең сере бөтә. Күк һайыға.
Төбө күренер бына, асылыр за.
Ҡатын кеше генә
Асылмаҫ сер,
Тылсым булып ҡалыр асылында[163].

Но тайна земли вот уже на исходе...
Сдается –
И небо мелеет,
И дно уже видно его.
Лишь женщина
Тайной
Непознанною остается
Навеки – как высшее чудо
И как волшебство[164].
(Перевод Е. Николаевской)

Таким образом, автор подчеркивает, что в женщине присутствует божественное начало.

Лирический герой стихотворения Р. Бикбаева «Уй-хыял уртаҡ булһа ла...» («Будучи мечты наши общими...») также солидарен с лирическим героем М. Карима. По его мнению, именно таинственность и неизведанность не дает потерять интерес к прекрасной половине:

---

163 *Карим М.* Сочинения. Т. 2. С. 63. (на башк. яз.)

164 *Карим М.* Покатилось сердце мое. С. 16.

Асылған һайын яңы сер,
Гүйә һине тәү күрәм.
Йәшәүҙең йәмдәре бөтөр,
Һине белеп бөтөрһәм[165].

Как новый я в тебе секрет замечу –
Весь заново ты открываешься и сам.
Кажется, сама жизнь поблекнет,
Коль вдруг узнаю тебя до конца...
(Подстрочный перевод)

По убеждению поэта, со временем природные явления раскрывают свои тайны, и только женская душа остается неразгаданной. Именно она во многих случаях является той таинственной силой, притягивающей и удерживающей мужские сердца. Лирическая героиня стихотворения «Девуцка гор» К. Аралбая тоже обладает такими чертами характера. Когда заблудившиеся в горах путники появляются в доме старого лесника, хозяин встречает их не очень приветливо. Его дочь оказывается намного заботливее к «непрошенным гостям». Мягкий и приветливый взгляд девушки очаровывает душу лирического героя. Она чем-то напоминает Наташу Ростову из романа «Война и мир» Льва Толстого. Их обоих трудно назвать внешне красивыми, но они привлекательны своими внутренними качествами – добротой, приветливостью и отзывчивостью. Лирический герой произведения «И вроде неприметна ты...» выдающегося татарского поэта Хасан Туфана (1900–1981) тоже придерживается подобного мнения:

Һылыу ҙа түгел кеүекһең һин,
Сибәр ҙә түгел кеүек;
Йәмлерәк ләкин барыһынан
Һиндәге һөйкөмлөлөк.

Тик сибәр булһаң бары һин,
Тик тәтәй булһаң ғына,
Тапшыра алыр инекме
Йөрәкте ҡулдарыңа?..[166]

[165] *Бикбаев Р.* Избранные произведения. Т. 2. С. 67. (на башк. яз.)
[166] *Туфан Х.* Лирика. Казань, 1980. С. 78. (на тат. яз.)

И вроде неприметна ты
И лишена красы небесной,
Но пуще всякой красоты
Твой облик скромный и прелестный.

Будь ты по складу, по судьбе
Лишь броской куклою красивой,
Мы разве отдали б тебе
Свои сердца, свои порывы?[167]
(Перевод Р. Морана)

Таким образом, вышеприведенные примеры дают нам основание для утверждения, что не внешняя, а именно внутренняя красота больше всего привлекает мужчину в женщине.

Внутренняя красота и самоотверженность, готовность пожертвовать всем ради своего любимого человека всегда присутствуют паралельно, их невозможно отделить друг от друга. Любовь делает человека сильным и самоотверженным. Героини поэмы «Две Зулейхи» Назара Наджми с избытком обладают этими прекрасными чертами характера. Две девушки родились в разных местах. Однако их объединяет не только одинаковое имя, а схожесть характера и судеб. Благодаря их любви, самоотверженности и железной воле покалеченные в боях Ибрагим и Мударис смогли обрести себя.

Великодушный, готовый во имя любви к самопожертвованию женский образ мы встречаем в художественном фильме «Не могу сказать: “Прощай!”», действие в котором происходит в семидесятые годы прошлого века. Молодой парень по имени Сергей стал инвалидом. Жена Марта, которую он предпочел вместо внешне непривлекательной Лиды, после этого бросает его. В это тяжелое время Лида протягивает ему руку помощи, и благодаря ей Сережа вновь возвращается к жизни.

Умение найти во внешней простоте величие человека – редкий и необходимый дар, которым обладает, к сожалению, малое количество людей, подчеркивает Муса Гали в своем стихотворении «Ярай әле һин бар донъяла...» («Я счастлив, что ты в мире есть!..»):

Ярай әле һин бар донъяла,
Нишләр инем һалҡын елдәрҙә.

[167] *Туфан Х.* Избранное: Стихи и поэмы. М., 1987. С. 158.

Кемгә һыйыныр инем төндәрҙә,
Көнөм көнгә торор көндәрҙә.

Әй, ғүмерҙең хәтәр минуттары...
Бөгөлә, һығыла елдә ҡайындар.
Ә үҙем һуң аҙ ҡоланыммы ни
Йәшәйештең текә тауынан.

Нисә ҡабат һин күтәрҙең мине,
Йәнем-тәнем юлда талғанда.
Ҡояш булып баҡтың күҙҙәремә,
Өмөттәрем һүнеп барғанда.

Әй, ғүмерҙең алтын минуттары...
Ана балыҡ һикерә йылғала.
Яңы моңдар сыңлай ҡолағымда –
Ярай әле һин бар донъяла[168].

Я счастлив, что ты в мире есть!
Что б делал я во мгле морозной,
К кому б прильнул в ночи беззвездной,
В дни, что черны как ночь, как месть!

О жизнь – опасности и стоны...
Трещат стволы – поберегись!
Ах, я не раз с крутого склона
Судьбы вдруг скатывался вниз.

А ты – ты все меня спасала,
Сил прибавляла мне вдвойне,
Когда надежда угасала –
Ты солнце возвращала мне.

О жизнь – как радостная весть!
И ощущая я в мгновенье
Мелодии возникновенье,
Я счастлив, что ты в мире есть...[169]
(Перевод Е. Николаевской)

[168] *Гали М.* Далекие молнии. Уфа, 1983. С. 177. (на башк. яз.)
[169] *Гали М.* Багряные травы. М., 1979. С. 27–28.

Лирический герой Ахмера Утябаева в стихотворении «Памятник» также считает, что ставить памятники нужно не только вождям и героям, но и любимым женщинам, их простоте и человечности.

Таким образом, в творчестве поэтов-мужчин подчеркивается нравственная чистота женщины, ее целомудрие, гордость, простота, человечность. Авторы призывают быть чуткими и человечными к своим любимым, беречь и дорожить самым прекрасным чувством по имени Любовь.

***

Любовь – это свободное и независимое чувство. Невозможно заставить человека полюбить или, наоборот, разлюбить. Поэтому поэты всегда воспевают силу, красоту и величие чистой любви. Псевдолюбовь вызывает у них только чувство отвращения. Например, Сайфи Кудаш в своем стихотворении «Дөрләмәһә әгәр...» («Если не горит...») категорически выступает против корыстной любви:

Дөрләмәһә әгәр ике йөрәк,
Ялҡынланып бергә усакта,
Тапмаҫ улар һис бер вакыт йылы
Ятһалар ҙа бергә түшәктә[170].

Если не горят две души,
Воспламеняясь, в костре любви,
Чужды для них – и ласка, и тепло,
Хоть для них ложе – одно.
(Подстрочный перевод)

Итак, по утверждению автора, прекрасно только такое чувство любви, которое естественно, не ложно, не выдумано. Такие мысли активно поддерживаются и писателем Р. Шаммасом («Если не полюбишь...»). Он сравнивает неискреннюю любовь с разрушенным домом. «Без любви, – говорит автор, – человеческое сердце и глухо, и слепо». Таким образом, оба поэта – и С. Кудаш, и Р. Шаммас – в своих стихотворениях проводят параллель между любовью чистой и неискренней. Отсюда вытекает главная идея их произведений – с нелюбимым счастья нет. Такую жизненную философию

[170] *Кудаш С.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. Уфа, 1989. С. 386. (на башк. яз.)

защищает и Р. Сафин в стихотворении «Әле ямғыр, әле ҡар бураны...» («То ли дождь, то ли снег...»). Он, виртоузно применяя художественный прием психологического параллелизма, через описание природных явлений удачно раскрывает человеческий характер:

Хыялый яҙ!.. Белмәй микән ни ул
Ҡыш уға пар түгел икәнен?!
Нисек янып һөймә, ҡыш ҡыш инде,
Ғүмерлек йәр түгел икәнен
Белмәй микән ни ул, диуана?..[171]

Мечтательная весна!.. Неужели не знает она,
Что ей не пара суровая зима.
Как горячо ни люби, зима есть зима,
Что не спутник в жизни ей,
Неужели не знает она, дивана?..
(Подстрочный перевод)

Как видим из контекста произведения, автор подводит читателя к мысли, что только любящие и ценящие друг друга люди могут быть счастливыми. Такая идея красной нитью проходит и через творчество Р. Хисаметдиновой («Преданность»), Ш. Биккула («Истина»), А. Гарифуллиной («Любовь не выпрашивают»), Ф. Мухамедьянова («Смысл жизни»), З. Алтынбаевой («Клятва») и др.

Как гласит многовековая народная мудрость, любовь – это не только опьяняющий дурман, но и переживания. Поэтому в любовной лирике преобладают такие мотивы, как печаль и тоска, разлука, потеря любимого. Действительно, минутные обиды или расставание с любимым человеком оставляют в душе у каждого горькую печаль, разочарование. Как будто в сердце потухает свеча надежды. Лирическая героиня в стихотворении Гульшат Ахметкужиной «Режет душу неодолимая печаль» испытывает именно такие, порой трогательные, тоскливые чувства. Для придания эмоциональности своему произведению поэтесса применяет довольно большое количество тропов и фигур поэтической речи. Так, можно отметить использование авторских эпитетов («замолчавшая мечта»), олицетворений («хмурая печаль»), неоднократно встречающихся в тексте на протяжении всего стихотворения.

[171] *Сафин Р.* Светлая мелодия. С. 124.

Если лирическая героиня Г. Ахметкужиной страдает от незабываемой тоски, то героиня стихотворения Тансылу Карамышевой «Һаумы, һағыш!» («Здравствуй, печаль!») входит в другую роль. Она вновь зовет давно ушедшую печаль – с целью прогнать из души успокоенность и лень:

Һаумы, һағыш!
Һаумы, онотолоп
Ҡында ятҡан үткер бер ҡылыс![172]

Здравствуй, печаль!
Здравствуй, забытый
В ножнах острый меч!
(Подстрочный перевод)

Поэтесса считает, что человек, испытывающий настоящую любовь, должен печалиться, страдать, а спокойствие – душевная подлость.

В любовной лирике встречается и еще один интересный, свежий мотив. Это – «с любимыми не расставайтесь». В качестве иллюстрации можно привести стихотворение З. Кутлугильдиной «Һағынырһың...» («По мне будешь тосковать...»):

Минән башҡа һиңе бер кем дә
Шулай наҙлап һөймәҫ,
Ғүмер буйы тоғро табынмаҫ,
Өнһөҙ-һүҙһеҙ йыуатмаҫ...[173]

Кроме меня никто тебя
Так горячо и нежно
На всю жизнь не полюбит.
И преданной, как я, не станет.
(Подстрочный перевод)

Как видим, в сердце молодой девушки все еще сохранились чувства уважения и любви, хотя давно рассталась с возлюбленным. Своего любимого человека героиня все равно считает близким,

[172] *Карамышева Т.* Молитвы моей души. Уфа, 1998. С. 199. (на башк. яз.)
[173] *Кутлугильдина З.* Зарево. Уфа, 1989. С. 59. (на башк. яз.)

поэтому и предостерегает его от опрометчивого шага. Далее она проявляет удивительное благородство натуры: от всей души желает счастья возлюбленному, чтобы другая обожала его так же сильно, как она, ведь только сам человек знает силу своего чувства.

Мотивы разлуки и краткосрочных расставаний, любовных переживаний очень часто встречаются в интимной лирике. Наиболее образно они отражаются в произведениях «Прощание» С. Кудаша, «Виноват только я...» Ш. Биккула, «Страдание» А. Игебаева, «Пожалеешь...» Г. Ситдиковой, «Светлая печаль» Б. Баимова и др.

Для любовных отношений характерны и измены и, вследствие этого, чувство ненависти. Например, героиня стихотворения Рагиды Янбулатовой «Гәрәбә» («Янтарное ожерелье») сердцем чувствует, что любимый с ней неискренен. Это естественное явление показано автором не через описания, а на уровне символов. Подаренные возлюбленным красивые янтарные бусы неожиданно рассыпаются. Этим автор указывает на скорое расставание двух молодых людей:

Юҡ, өҙөлмәҫ ине гәрәбәң,
Ихлас бүләк итһәң һин әгәр.
Һөйөүең дә, ахыры, булғандыр
Гәрәбәләреңә бәрәбәр[174].

Как знак любви на шею
Надел ты бусы красивые,
Неожиданно врассыпную
Покатились янтари.
(Подстрочный перевод)

На наш взгляд, здесь автор использует глубоко психологическое утверждение. По мнению практических психологов, в любую работу или действие человек вкладывает частичку души: доброй или злой. То же самое и с подарками. Со временем они начинают оказывать влияние на человека: если подарок сделан от чистого сердца и с добрыми намерениями, он действует как амулет, оберег, если с завистью – начинает вредить, притягивать зло.

[174] *Янбулатова Р.* Когда цветет калина. Уфа, 1976. С. 41. (на башк. яз.)

Таким образом, саморазрушение янтарного ожерелья раскрывает духовные качества подарившего его человека.

Героиня стихотворения Ф. Тугузбаевой «Моң» («Родник души») также испытывает тяжелые душевные переживания: ее предал дорогой человек:

Һин таш иттең йөрәгемде,
Ауыр шул хыянатың...
Шишмә башындағы ташты
Үтмәсе ҡыялатып.

«Бәғере ҡатты инде», – тип һин
Уйлама әле иртә.
Ташҡа ҡара: яраһынан
Тып та тып моңдар һирпә[175].

Ты в камень мое сердце обратил,
Так велика вина твоя, мой милый.
Но из-под камня родничок забил,
Не замути его струи, мой милый!

Течет ручей, спешит, звенит ручей,
В пути нелегком, полнясь свежей силой.
Поймешь ли тайный смысл его речей,
И вообще – услышишь ли, мой милый?..[176]
(Перевод Р. Паля)

На первый взгляд, кажется, что лирическая героиня испытывает ненависть к любимому. Однако ее злоба длится недолго. Она не желает мстить, вредить ему, потому что у нее слишком доброе сердце. Она принадлежит к тем возвышенным натурам, которые не знают расчета в любви. Героиня полностью отдается своему чувству, и потому оно прекрасно и неповторимо.

Картину отказа от мести за измену любимой женщины, даже наоборот, ее прощения мы видим в произведении «Көтөү» («Ожидание») Р. Сафина. В лирическом герое одновременно сошлись уравновешенность и экспрессивность. Своим умом он прекрасно

[175] *Книга* любви. Уфа, 1982. С. 180. (на башк. яз.)
[176] *Тугузбаева Ф.* Хлеб да соль. Уфа, 1989. С. 31–32.

понимает, что не надо ждать чудеса от прощения измены. В то же время задается вопросом: «Где же ее найти?». Он не пытается скрывать, что в случившемся присутствует и его вина:

Юҡ, ғәйепһеҙ түгел мин үҙем дә.
Мин үҙем дә юлда абындым[177].

Нет, не безгрешен я и сам,
Споткнулся я в пути.
(Подстрочный перевод)

Как бы ни было, лирический герой не мелочится и остается верным своей любви.

Лирический герой стихотворения «Измена» Кабира Акбашева расценивает подобные явления крайне отрицательно. Он готов перенести все жизненные тягости и неурядицы, но только не измену, даже на чуточку – золотник (старинная мера веса).

«В чем причина – в гордости или в бессилии?» – задается вопросом поэт и не спешит с ответом. Читатель сам должен задуматься. Прощать свою возлюбленную или осуждать – каждый волен сам вынести свой вердикт. Он старается быть выше этого, прекрасно понимая, что прежние чистые и благородные чувства уже не вернуть. Таким образом, поэт призывает нас беречь свои добрые чувства от двуличия и лжи.

Схожее событие произошло и с лирическим героем произведения «На волосы мои выпали снежинки» А. Игебаева. От факта измены у него поседели волосы, он часто лишался чувств, сердце его обливалось кровью; поэт стал похож на птицу с подрезанными крыльями. В одно мгновенье лирический герой даже был готов простить возлюбленную за измену, но только сердце и совесть не позволили дать слабину.

Как известно, любовь – это не только радость и счастье, но ошибки и слезы. Умение признать свои ошибки и стремление от них избавиться ведет к нравственной красоте. Самое главное – по возможности не совершать их, призывает К. Аралбай в своем рубаи:

[177] *Сафин Р.* Танец в огне. С. 107.

Мөхәббәттең алдым күпме ҡарғышын,
Хистәремдә ишәйҙеме ялғышым,
Башҡа төшһә һөйгәндәрҙең рәнйеүе,
Ҡотҡарырмы ғазаптарым-алғышым?[178]

Сколько раз, любовь, предостерегала ты меня,
Но в чувствах были ли капли раскаянья?
Коли обрушится на голову боль влюбленных,
Спасут ли муки и страданья?
(Подстрочный перевод)

Тема признания и прощения своих ошибок и измен, ненависти, вины, призыв беречь чистоту любви звучит в таких произведениях, как «Влюбленные, в упреках пыл умерьте...» М. Карима, «Если любишь...» Г. Рамазанова, «Ты иначе, чем прежде» Н. Наджми, «Забуду тебя...» М. Каримова, «Унесла блеск с моих глаз» М. Басырова, «Нарушила клятву» Ш. Биккула, «Не ждала» Ф. Гумерова, «Оставила свою любовь...» А. Тагировой, «Зашемит душа» Г. Якуповой, «Ожидание» М. Ямалетдина, «Игра» Р. Кул-Давлета и др.

Таким образом, в творчестве современных башкирских поэтов тема божественной любви приобретает новые оттенки. Любовь становится силой, призывающей к нравственной красоте и чистоте.

2.3. Человек и природа: нравственность и экология

Человек и природа. Эти два понятия, как небо и земля, неотделимы друг от друга. Для существования человечества необходимо сохранение природы. Как писал в свое время Карл Маркс: «Человек живет природой. Это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть. Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы»[179]. Диалектическая связь между челове-

[178] *Аралбаев К.* Голос Таналыка. Уфа, 2001. С. 38. (на башк. яз.)
[179] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. М., 1974. С. 92.

ком и природой, стремление человека жить в гармонии с природой ярко выражены в башкирском народном кубаире «Уҙаҡ-Туҙаҡ» («Узак-Тузак»):

Ер-һыу тәне – кеше ул,
Кеше менән Ер-һыу – кеше ул.
Ер-һыуға кеше менән йәм керә,
Ер-һыуға кеше менән тәм керә,
Ер-һыу – кешенең ише ул,
Ер-һыуҙың ише – кеше ул![180]

Земля-Вода – сама человек,
Человек и Земля – в единство вступают.
Душу в Землю-Воду человек вдыхает,
С человеком Земля-Вода вкус обретает.
Заботой облекает человека Земля-Вода,
Земля-Вода – двойник человека,
Подобие человека – Земля-Вода[181].
(Перевод Г. Шафикова)

***

Как известно, поэтические произведения, посвященные природе, в современном литературоведении получили определение как пейзажная лирика. Слово «пейзаж» вошло в обиход с французского языка и обозначает «определенная местность, страна».

По определению русского литературного критика Леонида Сипко, пейзаж в искусстве – «это не просто скопированная картина природы. В нем всегда отражены личность художника, его настроения, чувства, мысли, весь его внутренний мир. И если он богат и разносторонен, если полно и глубоко выражен в пейзаже, значит, интереснее и значительнее будет сам пейзаж»[182]. По мнению Александра Михайлова, «хорошее пейзажное стихотворение всегда найдет путь к сердцу читателя, тронет его новизной и свежестью восприятия мира»[183].

---

[180] *Надршина Ф. А.* Узак и Тузак – потомки балабашняков // Ватандаш. 1999. № 1. С. 82.

[181] Там же. С. 86.

[182] *Сипко Л. М.* Человек и природа в русской поэзии 60–70-х гг.

[183] *Михайлов А. М.* Лирика сердца и разума. М., 1965. С. 231.

Ряд русских исследователей: О. Смола, С. Липин и др. предлагают рассматривать пейзажную лирику в нескольких подгруппах: пейзаж-зрение, пейзаж-звук, пейзаж-ассоциация, стереоскопический пейзаж и пейзаж-настроение[184].

В башкирской поэзии указанного периода стремление поэтического описания красоты родной природы и внутреннего мира человека привело к развитию и обогащению пейзажной лирики. Конечно, «нелегко найти чисто пейзажную лирику, описывающую только природные явления. Природа обычно выступает одним из важных способов отражения духовного состояния и чувств человека»[185].

Прекрасные образцы пейзажной лирики мы встречаем в произведениях С. Кудаша, Н. Наджми, М. Гали, М. Карима, Р. Гарипова, Р. Сафина, А. Игебаева, Р. Бикбаева, Р. Назарова, М. Сиражи, С. Алибая, Х. Назара, А. Такировой, Р. Хисаметдиновой, К. Алибаева, Р. Ахмадиева, Т. Давлетбердиной, Р. Кагирова и др.

В свое время выдающийся русский поэт А. Некрасов писал: «Природа недурна: в том отдаю ей честь...»[186]. На самом деле, каждое время года прекрасно по-своему. Каждый раз мы ожидаем их с какой-то внутренней надеждой и радостью. Лирический герой стихотворения «Кыш» («Зима») Рамзили Хисаметдиновой в этом плане не исключение:

Ынйы ҡыш, аҡыҡ ҡыш,
Мәрйен ҡыш, аҫыл ҡыш,
Байрамдар байрамы –
Ҡар иле – бөгөн тыш[187] .

Зима жемчужная, зима из сердолика,
Зима кораллов – в драгоценностях зима.
Всех праздников она богаче –
Королевство снега за окном.
(Подстрочный перевод)

[184] *Смола О. П.* Лирика Асеева. М., 1980.

[185] *Ахмадиев В.* Человек и природа в современной литературе // Агидель. 1983. № 2. С. 101. (на башк. яз.)

[186] *Некрасов А. Н.* Стихотворения. Поэмы. М., 1971. С. 82.

[187] *Хисаметдинова Р.* Моя лира. Уфа, 2009. С. 136. (на башк. яз.)

Как видим, поэтесса способна по-детски радоваться зимней природе. И не только внешне – все это она пропускает через свое сердце. Эти природные явления еще больше оживают под яркими поэтическими красками. Зимний день блестит то словно жемчуга и кораллы, то как сердолик или другие драгоценные камни. Белые снежинки у поэтессы падают на землю как предвестники мира, спокойствия, изобилия, чистоты и счастья («Снежинки»).

Осень, по Р. Хисаметдиновой, не только красива, но и слишком печальна и тосклива. В стихотворении «Көҙҙөң һуңғы һүҙе» («Монолог осени») она через описания картины осенней природы обращается к человечеству – у природы нет плохой погоды. Поэтесса счастлива тем, что по-своему умеет видеть красоту природных явлений, в отличие от многих, сетующих на погоду. По мнению лирической героини, важно понять душевное состояние осени, то есть автор заставляет ожить не только природу, но и абстрактное явление под названием «осень». Через рыдающе-упрашивающий монолог осени Р. Хисаметдинова призывает человечество бережно относиться к природе:

Зинһар өсөн, ҡыумағыҙ һеҙ мине,
Зинһар, мине – яуын болотон:
Мин – хәтерһеҙ,
Йонсоу уйҙарымдан
Туҡтарымды ғына оноттом.
Зинһар өсөн, зинһар, һуҡранмағыҙ:
Еңеләйҙе инде иңдәрем.
Ағастағы ҡыу япраҡтар төҫлө
Таралышып осто көндәрем[188].

Молю, меня не прогоняйте.
Я словно туча, полная дождя.
Беспамятная я,
От тягостных дум не избавлюсь никак.
Тягостные думы
Ради Бога, не сетуйте,
Мне полегчало,
Словно желтые листья с деревьев,
Разлетелись мои дни.
(Подстрочный перевод)

[188] Там же. С. 206.

Приемы умелого и уместного оживления пейзажных картин мы видим и в произведении «Таңды ҡаршылау» («Встреча зари») Р. Назарова:

Урал итәгенә башын терәп,
Ауылым тынған төнгө серемгә.
Ялан еле бишек көйөн көйләй,
Әкиәт һөйләй уға сирендәр[189].

К подножью Урала припав головой,
Деревня моя стихла в дреме ночной.
Баюкает сон ее ветер с полей,
И добрые сказки сирень шепчет ей...[190]
(Перевод Ю. Андрианова)

Основная идея произведения «Встреча зари» Р. Назарова раскрывается через описание погрузившейся в сон деревни. Лирический герой издалека наблюдает за деревенской панорамой: с поля ветер подпевает колыбельную, сирени рассказывают сказки, а ночь то вздыхает, то лицо ночи приобретает бледноватый оттенок.

Спокойно и благополучно проводив ночь, снова встречать мирное утро на Урале – самая большая радость для поэта. Следовательно, на земле продолжается жизнь, природа и человечество могут дышать свежим воздухом.

Лирический герой стихотворения «Природа, словно невеста-краса...» Р. Сафина восхищается красотой родной природы. На первый взгляд, кажется, что произведение целиком посвящено восхвалению красоты природы. Но в то же время его идея еще глубже: автор призывает людей беречь эту красоту и уметь наслаждаться земной жизнью; быть милосердным и совестливым по отношению друг к другу; избавиться от дурных манер и слов.

Лирический герой А. Игебаева в стихотворении «Ташҡарҙың да белəм телен...» («И камней голоса...») обретает силу, энергию и вдохновение от родной природы. Кажется, что природа является самым близким для него собеседником. Лирический герой обладает таинственной способностью понять язык деревьев, трав, цветов, птиц и даже лежащих посреди дороги камней:

---

189 *Назаров Р.* Несу вам сердце свое. С. 5.

190 *Антология* поэзии Башкортостана: Голоса веков. С. 328.

Мин серҙәшем һымаҡ тоям
Тыуған яҡтың наҙлы елен,
Сәскәләрҙең генә түгел,
Күп быуаттар өнһөҙ ятҡан
Таштарҙың да беләм телен![191]

Нежный ветер
Родной стороны
Мне ночами лицо обвевает.
И камней голоса мне слышны,
Хоть у них голосов не бывает...[192]
(Перевод В. Приходько)

Умение найти общий язык с природой, получать от нее внутреннюю энергию характерно и для лирического героя Михаила Воловика («Поэт и ручей»):

– Твои я воды освятил.
Тебе я оду посвятил.
Что ж, Ручеек, ты замолчал,
Поблек и измельчал?..
Не тратя попусту речей,
Поэту отвечал Ручей:
– Стараюсь я и так, и сяк
И все-таки иссяк,
Вы всю мою вобрали воду
В оду![193]

В пейзажной лирике преобладают мотивы преданности родной земле и тоска по ней на чужбине. Например, лирическая героиня произведения «Мой дом» Фаузии Рахимгуловой акцентирует внимание читателей на том, что где бы она ни была, всегда остается верной своей малой родине. С лирическим героем, тоскующим на чужбине по родной земле, мы встречаемся и в произведении «Аҡ йондоҙло август кистәре» («Звездные августовские вечера») А. Игебаева. К стоявшему на берегу реки лирическому герою прибежали веселые волны. Поэт обращается к волнам:

---

191 *Игебаев А.* Невысказанные слова. С. 279.

192 *Игебаев А.* Горсть земли родной. Уфа, 1987. С. 46.

193 *Антология* поэзии Башкортостана: Голоса веков. С. 179.

Теләгегеҙ изге – һағышымды
Алып китмәксе һеҙ ағыҙып,
Юҡ-юҡ, йыуатмағыҙ... Күңелем һыҡтай,
Үркәс тауҙарымды һағынып[194].

Желанье ваше свято – вы печаль мою
Развеять, по волнам пустить хотите.
Нет-нет, меня не утешайте, душа тоскует,
Скучает по родным горам.
(Подстрочный перевод)

Родина всегда остается в душе лирического героя, как бы далеко он не находился от нее:

Күк Уралым тамырына
Тоташҡан бит минең йөрәк,
Тыуып үҫкән илкәйемдең
Урғып торған ҡайнар ҡаны
Йөрәгемдә тибә, тимәк![195]

Сердце мое соединено
С корнями Урала,
Горячая кровь родимой земли
Бьется в жилах моих...
(Подстрочный перевод)

Таким образом поэт выражает свои искренние чувства к родной земле.

Лирический герой произведения Р. Бикбаева «Донъя бигерәк сәйер...» («Мир очень странен...») воспринимает такие свойства характера, как притяжение к родной земле и преданность к ней, как одно целое:

Елдәр!
Һеҙгә минең үтенес бар,
Тыңламайса уны үтмәгеҙ:
Мине, зинһар, туҙан көйөнсә лә
Уралымдан алып китмәгеҙ[196].

194 *Игебаев А.* Невысказанные слова. С. 291.

195 Там же. С. 280.

196 *Бикбаев Р.* Судьба моя. Уфа, 1988. С. 118. (на башк. яз.)

О, ветры!
К вам моя мольба,
Не выслушав, не пролетайте мимо:
Меня, пусть даже стану я пылинкой,
Не унесите с родного Урала.
(Подстрочный перевод)

Преобладающие мотивы пейзажной лирики – восхищение родной природой, землей и водами, тяготение к ней, тоска на чужбине по родным просторам. Эти традиционные мотивы у каждого поэта находят свое своеобразное преломление («Земля» Ш. Биккула; «Возвращение» Ф. Рахимгуловой; «Вдалеке от родины...» Р. Бикбаева; «Восхищаюсь родными горами» В. Ахмадиева; «Я – сын земли» Г. Давлетова; «В деревне» Р. Сафина; «Родная земля» А. Тагировой; «Еду я в края родные...» М. Ямалетдина; «Природа» Р. Шакура и др.).

Выше нами была приведена классификация пейзажной лирики, предложенная О. Смолой для исследования русской поэзии. В определенной степени данную классификацию можно применить и по отношению к современной башкирской поэзии. В творчестве башкирских поэтов также встречаются многие виды пейзажной лирики, которую постараемся рассмотреть более подробно.

В поэтическом арсенале писателей мы имеем дело с различными видами пейзажей. Например, **пейзаж-звук**.

Елдәр иҫә.
Өйкөм болот күсә.
Өҙөлгән моң сыңлай һауала.
Осор ҡоштар кеүек
Ҡанатланып,
Ҡарағайҙар шаулай ҡаяла[197].
(Ғ. Дәүләтов. «Ҡарағайҙар шаулай ҡаяла»)

Свежий ветер траву пригибает к земле,
Надо мною влечет облаков вереницы.
И могучие сосны
Шумят на скале,
Словно пробуют крылья огромные птицы...[198]
(Г. Давлетов. «Сосны шумят».
Перевод Г. Серебрякова)

[197] *Давлетов Г.* Я. – сын земли. Уфа, 1972. С. 17. (на башк. яз.).
[198] *Давлетов Г.* Воды Нугуша. М., 1979. С. 10.

Как видим, в пейзаже, основанном на слуховом восприятии, лирический герой в стихотворении Г. Давлетова общается с природой, как с живым существом, так что он в состоянии понять каждый изданный ею звук, каждую интонацию.

Офоғомда бәүелеп елдәр бейей,
Сырлап ҡына торған моңдарға.
Һабантурғай – ҡырҙа моң батшаһы –
Сиртә икән ниндәй ҡылдарға?[199]
(С. Әлибай. «Ҡояш ҡошо»)

Маревом играет теплый ветер,
Слышен струн веселый перезвон.
Жаворонок, лучший бард на свете,
На каких играет струнах он?[200]
(С. Алибай. «Солнечная птица».
Перевод А. Могучева)

В этом примере поэт С. Алибай не довольствуется только изображением природы, а, чтобы привлечь внимание читателя, как бы оживляет ее – одним словом, воспроизводит природу как одушевленное лицо (*офоғомда бәүелеп елдәр бейей – маревом играет теплый ветер*).

Психологический пейзаж. Этот вид пейзажа основан на раскрытии мыслей и чувств, переживаний лирического героя при помощи образов природы. Стихотворение Р. Сафина «Ут эсендә бейеү» («Пляска в огне») – тому яркий пример:

Бейей уҫаҡ. Сәсрәп-сәсрәп
Китә ут-япраҡтары.
Көлөп тора йәш ҡайындар,
Илай ҡартыраҡтары[201].

Осина пляшет!
Листья-огоньки
С ветвей слетают, солнечно легки.
Вокруг деревья,

[199] *Из века* в век. Башкирская поэзия. М., 2008. С. 358.
[200] Там же. С. 359.
[201] *Сафин Р.* Танец в огне. С. 12.

Те, что помоложе,
Смеются,
Тихо плачут старики[202].
(Перевод И. Потахина)

Пейзаж зрение + пейзаж слух.

Здесь поэт одновременно изображает и общается с природой. Пример:

Ер йәм-йәшел... Йәшел япраҡтарға
Йәшел елдәр һөйләй йәшел сер.
Юлдар йәшел. Йәшел һуҡмаҡтарҙан
Үтәм... Гүйә, мин бер йәш үҫмер[203].
(Н. Нәжми. «Йәйге шиғыр»)

Земля зелена... Шепчут на ухо листьям зеленым
Зеленые ветры зеленую тайну свою...
Зеленые тропы бегут. И, взобравшись по склонам,
Зеленым юнцом, замирая от счастья, стою[204].
(Н. Наджми. «Летнее стихотворение».
Перевод Е. Николаевской)

Стереоскопический пейзаж, т. е. синтетическое единство пейзажей, основанных на слуховом и зрительном, чувственном восприятии. В современной лирике встречается довольно редко. Например, в произведении «Урал тауышы» («Голос Урала») А. Игебаева лирический герой одновременно и слышит, и изображает, и воспринимает природу:

Елбер-елбер елдәр тирбәткәндә
Ағиҙелдең зифа ҡамышын,
Ел бәүелткән ҡамыш шауҙарында
Ишетәм мин Урал тауышын.

Бөҙрә талда сут-сут һайрағанда
Тыңлап торһам әгәр таң ҡошон,
Таң ҡошоноң өҙөп һайрауында
Ишетәм мин Урал тауышын[205].

202 *Поэты* Башкирии. Т. 2. С. 224–226.

203 *Наджми Н.* Стороны. Уфа., 1980. С. 22. (на башк. яз.)

204 *Наджми Н.* Стороны. М., 1982. С. 14.

205 *Игебаев А.* Невысказанные слова. С. 77–78.

Голос Урала родного я слышу
В шелесте ветра среди камышей.
Ветер
камыш над рекою колышет.
Радостно мне и светло на душе.

Слышу я голос седого Урала
В пении вестников доброй зари.
Зренье и слух поутру отвори:
Птиц щебетанье предутренней ранью![206]
(Перевод Д. Даминова)

Указанные виды пейзажей встречаются в лирике М. Карима, Г. Рамазанова, Я. Кулмыя, М. Гали, К. Киньябулатовой, Ф. Рахимгуловой, Р. Гарипова Р. Назарова, Р. Сафина, Р. Бикбаева, Х. Назара, М. Басырова, А. Тагировой, Р. Хисаметдиновой, Г. Якуповой, Ю. Ильясовой, Т. Карамышевой, Г. Галеевой, Т. Давлетбердиной, Г. Кутуевой и др.

Родной край, природа в лирике исследуемого периода изображаются в неразрывной связи с образом Башкортостана. Например, в стихотворении Н. Наджми «Башҡортостан» («Башкортостан») образ родины удачно передан через собирательный образ трудолюбивого народа. В произведении превалирует чувство не столько восхищения, сколько гордости за народ. Поэту в той же степени дорога благодатная и щедрая земля предков. Родная земля — это и воздух, и вода, и огонь, и земля: то, что дается человеку с рождения; край, где он впервые учится постигать окружающий его мир. В конце произведения автор призывает беречь честь предков, оставаться всегда верными родине:

Тел асылған һиндә, күҙ асылған,
Бар тапҡаным һиндә табылған.
Табылғанға ғүмер табынамын,
Мин – ғүмергә һиңә табынған.
Ерем-һыуым – Башҡортостан![207]

Я все обрел в тебе, земля моя,
Дар речи получил, и слух, и зренье,
В тебе одной мои приобретенья...

206 *Игебаев А.* Горсть земли родной. С. 63.
207 *Наджми Н.* Стороны. С. 13.

Не поклонялся найденному я...
Одной тебе обязанный судьбой,
Земля моя, склоняюсь пред тобой[208].
(Перевод Е. Николаевской)

Лирический герой из стихотворения Р. Мифтахова «Башҡортостан» («Башкортостан») сравнивает свою родную землю то с любимой, то с мелодией. По мнению автора, родина всегда ближе и дороже, чем чужбина. По своей идее-тематике она созвучна с башкирской пословицей «Лучше быть простым смертным на родине, чем султаном – в чужбине».

В творчестве многих башкирских поэтов тема восхищения своей Родиной плавно перетекает в философское русло. Писатели не только испытывают гордость, но и размышляют о будущей судьбе родины. Например, лирический герой стихотворения «Где» Х. Назара по натуре – человек прямолинейный и решительный. У него болит душа за свою страну, которая в конце 80-х годов прошлого столетия оказалась в плачевном состоянии. Во всем происходящем он винит горлопанов, которые ради собственных амбиций играют судьбами миллионов людей. Выражает свое мнение и по отношению некоторых политиков к малым народам. Все же лирический герой надеется, что в конце концов справедливость восторжествует.

Тема, поднятая Х. Назаром, получила дальнейшее развитие в произведении Р. Кул-Давлета «Килен» («Сноха»). Отношения своей Родины с Центром автор образно сравнивает с отношением между снохой и ворчливой свекровью:

Башҡортостаным, илем,
Яҙалмай бер ҙә билен.
Гүйә мыжыҡ ҡәйнәһенә
Хеҙмәт итеүсе килен[209].

Башкортостан, моя страна,
Даже спину разогнуть тебе невмочь,
Словно у ворчливой свекрови
В прислужницах ты.
(Подстрочный перевод)

[208] Там же. С. 8.

[209] *Антология* башкирской поэзии: Голоса веков. С. 761.

Прославление Башкортостана, глубокие размышления о его прошлом и настоящем и беспокойство за будущее нашли художественное воплощение в произведениях Р. Бикбаева («Башкортостан»), К. Киньябулатовой («Моя родина – Башкортостан»), В. Ахмадиева («Родная земля»), А. Ахметкужина («Башкортостан»), С. Алибая («Родная колыбель»), Ф. Кузбекова («Башкортостан») и др.

***

В пейзажной лирике указанного периода на первый план выходит тема нравственности и экологии.

Слово «экология» вошло в обиход с греческого языка и означает «место обитания, жилище».

Как пишет ученый-литературовед Гайса Хусаинов: «Писатели, деятели искусства и науки обязаны писать не только об экологической опасности и обеднении природных ресурсов, но думать об иссушении и обеднении человеческих душ. В этом и заключается основная ценность литературы и искусства»[210].

Эта проблема беспокоит каждого поэта. Например, в своем дневнике А. Игебаев писал: «Жалко смотреть на развороченные горы! Что это такое! Не кажется ли, что с каждым годом наша красивая природа становится непривлекательной? Кто небрежно пользуется нашей драгоценной землей? Много еще беспокоящих нас проблем. Свои мысли, возбуждающие чувства, заставляющие страдать и переживать, я старался отражать в своем творчестве». В этом плане огромный интерес представляют такие произведения поэта, как «Земля моя от жажды просит воду», «Сам не верю своим глазам», «Желтая печаль, светлая радость», «Судьба земли – в наших руках», «Что остается на земле?», «Чувство земли» и др.

Гилемдар Рамазанов в своем стихотворении «Тәбиғәт хаҡында уйланыу» («Природа») бросает поэтический клич человечеству с просьбой всеми силами защищать природу и «духовные источники»:

Тәбиғәт ул – наҙлы бала кеүек,
Мохтаж бөгөн беҙҙең яҡлауға,

[210] *Хусаинов Г. Б.* НТР. Литература и искусство // Агидель. 1980. № 6. С. 110. (на башк. яз.)

Ярҙам кәрәк һыуға, күк йөҙөнә,
Ярҙам кәрәк тыуған яҡтарға.

Эй, кешеләр! Урман, туғайҙарҙың,
Тау-таштарҙың ҡәҙерен белегеҙ,
Тәбиғәт – ул беҙҙең үткәнебеҙ,
Тәбиғәт – ул килер көнөбөҙ![211]

Природа – словно малое дитя,
Сегодня ей нужна защита наша.
Спасенья воды ждут и небеса,
Спасенья ждут родимые просторы.

Эх, люди!
Лесам, полям вы цену знайте,
Горам высоким и отвесным скалам.
Природа – это прошлое наше,
Природа – это будущий наш день.
(Подстрочный перевод)

Таким образом, поэты прекрасно понимали связь между экологической катастрофой и духовной деградацией общества.

«У каждого дерева есть судьба и биография. Подобно людям, они имеют сердце и способны плакать слезами тягучими от грубого с ними обращения»[212], – писал русский поэт Василий Федоров.

Х. Гиляжев в произведении «Үҙтерелгән муйыл» («Черемуха») образно рисует трагическую судьбу униженного дерева, которое плачет кровавыми слезами:

Ниңә яраландың, муйылҡайым,
Ниңә күпереп сәскә атмайһың?
Емештәрең бешеп өлгөрә алмай
Ботарланып ерҙә ятаһың.

Яман кешеләрҙең генә бары
Ҡорбаны һин, нәфсе ҡорбаны.
Ҡулынан килһә, улар ялмар ине
Дим сәскәһен, Димдең урманын[213].

[211] *Рамазанов Г.* Шестьдесят шагов. Уфа, 1983. С. 462. (на башк. яз.)
[212] *Федоров В. Д.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1975. С. 289.
[213] *Гиляжев Х.* Род мой. Уфа, 1979. С. 80. (на башк. яз.)

Зачем ты родилась на белый свет,
Черемуха – весны исконной цвет?
Еще лесной ручей – как бубенец,
А ты уже изломана вконец.

И на лучистый день глядишь с тоской,
Немая жертва дикости людской.
Позволь иным –
И, не жалея рук,
Они бы ободрали все вокруг...[214]
(Перевод Я. Серпина)

По мнению автора, человек, как и черемуха, дитя природы, и все, что происходит в ней, мы пропускаем через свои сердца.

В стихотворении Р. Мифтахова также видим трагическую участь росшей на одной из городских улиц рябины, обескровленную и разодранную вандалами. При виде такой картины маленький ребенок задает родителям такой вопрос: «Почему срубили, почему заставили ее плакать?» На это мать только махнула рукой, а отец сухо отвечает: «Не удивляйся, не изливай слезы зря». Таким образом, в произведении на первый план выходит моральная проблема. «Равнодушное отношение родителей к природе со временем будет передано детям», – с тревогой говорит автор.

Ә беҙ өнһөҙ – һүҙһеҙ,
Әллә йөрәгебеҙ
Барыһына ла күнеп барамы?
Ниңә уянмайбыҙ,
Ниңә уйламайбыҙ
Һорауҙарын биргән баланы?[215]

(Р. Мифтахов. «Яралы миләш»)

Взгляды наши тускнеют,
Черствеют наши сердца.
Мы от вопросов прямых
Уклоняемся, жмемся в сторонку.
Вот и мычим,
Отвечая невнятицу
Вроде отца,
Так равнодушно
Ответившего ребенку[216].

(Р. Мифтахов. «Раненая рябина». Перевод А. Зорина)

214 *Гиляжев Х.* Наедине с собой и веком. Уфа, 1981. С. 157.
215 *Мифтахов Р.* Добрый молодец. С. 31.
216 *Мифтахов Р.* Простое чудо. М., 1983. С. 38.

По своей структуре интересно произведение Ахмера Утябаева «Шишмә» («Родник»), написанное в форме монолога, где родник повествует людям о своей печальной судьбе:

Шишмә инем, яндарыңа
Етмәй быуылды
Юлым.
Аяғымды тышанылар,
Бауланды ике ҡулым.[217]

Ручьем я был, но до тебя
Течение мое
Не добежало.
Ноги мои стреножили,
Руки мои – скрутили...
(Подстрочный перевод)

Стихотворение А. Утябаева по своей идее-тематике напоминает «Балладу о воде» русского поэта Сергея Викулова, где также повествуется о реке, которая иссякла по вине зловредных людей. Для поэтов природа – это живая душа, а водные источники – самое дорогое и бесценное на свете. В своих произведениях они призывают бережно отнестись к родникам и рекам, источникам всего живого на земле.

Проблема потери нравственных ценностей и духовного наследия предков поднимается К. Аралбаем в поэме «Белая юрта».

В свое время Танатар, как и миллионы других малых деревень страны, был отнесен к разряду бесперспективных. Дальнейшая судьба деревни трагична: «Родная деревня! / Теперь название твое / Осталось только в паспорте моем». Печаль и страдание лирического героя в этом плане созвучны с произведением «Заболотье» Владимира Фирсова:

Уходят деревни, как птицы,
Не за море, а в никуда.
И только печально закаты
Осенним бурьяном звенят.

[217] *Утябаев А.* Родник // Агидель. 1999. № 1. С. 92. (на башк. яз.)

И долго районные карты
Названья ушедших хранят...[218]

Поэма Г. Давлетова «Атай аманаты» («Отцовское завещание») по своей идее-тематике близка к произведению К. Аралбая. На месте деревни появилось водохранилище, а отцовский дом остался под толщей воды:

Һыуға аумай ҡалған ғорур ағас
Атай ҡулы һымаҡ күренә.
Ҡулын болғап, атай өндәшкәндәй:
Имен атһын таңдар еремдә![219] –

Гордое дерево, оставшееся под водой,
Напоминает руку моего отца.
Словно, махая руками, говорит отец:
«Пусть рассветы на моей земле
будут спокойными!» –
(Подстрочный перевод)

пишет поэт. Сколько печали и трагедии в этих строках! Автора беспокоят не материальные ценности, а потеря духовности и связи между поколениями. В конце поэмы мы видим символический образ дерева, которое торчит из-под воды. Оно напоминает лирическому герою отцовские руки. Значит, когда есть люди, помнящие свои истоки, есть еще надежда, что связь между поколениями не утеряна до конца.

Лирический герой стихотворения «Белая река» Р. Мифтахова также осуждает современников за измену заветам своих предков. Для поэта родная земля – прежде всего народ и его многовековая история. Если потеряем родную природу, то в дальнейшем забудем свою историю, самобытность и в конце концов потеряемся как этнос, предупреждает нас лирический герой.

В поэме «Жажда» народного поэта Башкортостана Р. Бикбаева своеобразно отразились проблемы судеб природы и человека, существующие между ними сложные взаимоотношения. Лирический герой предстает в виде джигита, который умеет дорожить родным краем, глубоко ощущает счастье и радость бытия.

---

218 *Фирсов В. И.* Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М., 1983. С. 91.

219 *Давлетов Г.* Светлые минуты встречи. Уфа, 1986. С. 139. (на башк. яз.)

Как видим, экологические проблемы не могут быть решены вне категории морали, так как оба эти понятия тесно связаны друг с другом.

Глубокая тревога и переживания за экологическое состояние многих природных объектов родного края привносит в творчество поэтов драматические ноты. Поэтому такие произведения в определенной степени сродни гражданской лирике.

Мотивы переживания за безответственное разграбление природных ресурсов преобладают в произведении «Лес» Ф. Рахимгуловой, «Шугуровка» Т. Юсупова, «Бурзянская сосна» Р. Бикбаева, «Теперь мы знаем, что природа – мать...» Р. Туйгуна, «Притча о трех друзьях» А. Багуманова, «Родник» З. Султанова, «Теча» А. Ахмадина, «Преступление» Г. Якуповой, «Медная гора» Р. Кул-Давлета, «Неутолимая жажда» Ф. Кузбекова, «Родная сторона» Б. Искужина, «Лесной пожар» Т. Давлетбердиной и др.

В общем, в башкирской поэзии исследуемого периода взаимоотношения человека и природы переплетаются с темой любви к родному краю и экологичности мышления, чрезвычайно актуальной для современности. При этом особый акцент делается на раскрытие духовно-нравственного облика героя, его жизненной философии.

ГЛАВА III

ПОЭТИКА НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ 70–90-Х ГГ. XX – НАЧАЛА XXI В.

Слово *поэтика* вошло в русский язык с греческого (poietike) и переводится как *поэтическое искусство*. Поэтика – одна из самых ранних направлений литературоведения. Древнегреческие философы Аристотель, Платон, древнеримский поэт Гораций принимали активное участие в формировании его основ. Фундаментальные материалы содержатся в трудах французского поэта и литературного критика Н. Буало, немецкого философа Гегеля, русских исследователей В. Г. Белинского, А. А. Потебни, А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского, М. Б. Храпченко, М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, татарского ученого Н. Г. Юзеева и др.[220] В башкирском литературоведении проблемам поэтики посвящены труды Г. Б. Хусаинова, К. А. Ахмедьянова, Т. А. Кильмухаметова, Г. С. Кунафина, З. Я. Шариповой, Г. Н. Гареевой, З. А. Алибаева[221] и др.

---

[220] *Аристотель.* Об искусстве поэзии; *Буало Н.* Поэтическое искусство. М., 1957; *Гегель В. Ф.* Энциклопедия философских наук; *Белинский В. Г.* Избранные сочинения. М., 1947; *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М., 1976; *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М., 1989; *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977; *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. 6-е изд. М.–Л., 1931; *Храпченко М. Б.* Познание литературы и искусства: Теория. Пути современного развития. М., 1987; *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979; *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; *Он же.* Поэтика русской литературы. М., 1976; *Юзеев Н. Г.* Современная татарская поэтика. Введение в теорию поэзии. Казань, 1973. (на тат. яз.)

[221] *Хусаинов Г. Б.* Поэтика башкирской литературы. Ч. 1. Уфа, 2006. (на башк. яз.); *Ахмедьянов К. А.* Теория литературы. Уфа, 1971. (на башк. яз.); *Кильмухаметов Т. А.* Вопросы поэтики башкирской трагедии. Уфа, 1983. (на башк. яз.); *Кунафин Г. С.* Духовное сияние времен; *Шарипова З. Я.* Ли-

Поэтика, с одной стороны, это теория художественной литературы, с другой – теория поэзии, с третьей – система поэтических форм, принципов того или иного поэта и даже поэтического направления. В основном, «одна из важнейших задач поэтики – изучение принципов, приемов и законов построения словесно-художественных произведений разных жанров в разные эпохи...»[222]

По определению К. Ахмедьянова, «поэтическое искусство – явление сложное и многогранное. Если рассматривать с точки зрения мастерства, обычно та или иная сторона одного произведения больше притягивает внимание, а другого – нет. Например, некоторые поэты берут новизной содержания. Бывают произведения, пленящие поэтическим языком. Если они совпадают в произведении, то это большая удача»[223]. Естественно, удачное со всех сторон стихотворение сразу привлекает внимание читателей и возбуждает эстетические чувства. Поэтические строки великого казахского поэта Джамбула (Жамбыл Жабаев; 1846–1945) полностью подтверждают наши высказывания:

Искусство свободно, как взлет соколиный,
Искусство прекрасно, как пруд лебединый,
И грациозно, как поступь оленя.
Оно упоительней всех наслаждений...[224]
(«Песня об искусстве». Перевод П. Кузнецова)

Умение почувствовать «сердцебиение» поэзии, постичь ее внутренние тайны связано со степенью одаренности таланта. Если поэт не обладает таким качеством, он не может создать яркие произведения, используя лишь поэтическую технику[225]. Конечно, поэт должен усвоить каноны своего ремесла. Однако формальная

тературоведение и современность. (на башк. яз.); *Гареева Г. Н.* Вопросы мастерства в башкирской прозе. Уфа, 1996. (на башк. яз.); *Алибаев З. А.* Поэтика современных башкирских романов. (на башк. яз.) // Башкирская филология: История, современность, перспективы. Уфа, 2005. С. 310–312.

[222] *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. С. 170.

[223] *Ахмедьянов К. А.* Г. Салям. Жизнь и творчество. Уфа, 1980. С. 133. (на башк. яз.)

[224] *Джамбул.* Избранное. М., 1986. С. 54.

[225] *Ахметова Ф. С.* Творчество Рафаэля Сафина. С. 39.

сторона поэзии не может играть ведущую роль, а должна подчиняться авторскому замыслу.

Подобно искусному ткачу, создающему красивые ковры, талантливый творец при помощи различных поэтических орнаментов, форм и образов способен создавать литературные шедевры. В современной башкирской поэзии можно насчитать десятки таких талантов. Она достигается, как указали выше, тонким сочетанием техники стихосложения с умением поэта со всей душой вжиться в ткань произведения.

«Кровь» любого поэтического произведения – его ритм. Слово «ритм» вошло в литературоведение с греческого языка (reo) и означает «течение».

По определению Вл. Маяковского, «ритм – это основная сила, основная энергия стиха»[226]. В современной башкирской поэзии талантом управления «главной силой» в совершенстве обладал Р. Сафин.

Көтә һаман, көтә — Ждет она, ждет,
ҡайын булып — как береза,
Менеп баҫҡан да, ана, ҡаяға. — На вершине скалы.
Ел туҙғыта һирәк толомдарын, — Ветер треплет ее косы,
Тау аҫтында ғына Әй аға[227]. — А внизу течет Ай-река.
(Подстрочный перевод)

В вышеприведенном стихотворении Р. Сафина «Ҡаялағы ҡайын» («Береза, растущая на скале») первые строки идут ступеньками, а последующие три – ровными рядами. Правильно расставленные паузы-интонации и ударения служат для гибкости строф. Подобные примеры встречаются в произведениях Р. Сафина: «Пляска вдов и безногих калек», «Во сне увидел я молодость свою», «Акбузат» и др.

Как известно, в каждом произведении присутствует характерная только для него ритмическая мелодичность, в создании которых огромную роль играет рифма – «один из главных факторов, позволяющих делить поэтическое произведение на одинаково повторяющиеся равные и постоянные части»[228].

---

226 *Маяковский В. В.* Как делать стихи? М., 1952. С. 24.

227 *Сафин Р.* Танец в огне. С. 76.

228 *Ахмедьянов К. А.* Теория литературы. С. 232.

Һеҙ бит минең бөтә йыуанысым,
Һеҙ иманым ғүмер *юлымда*.
Һылыуҙарҙың моңо, күк күкрәүе,
Ҡылыс зыңы булһын *йырымда*[229].

Песни – мое утешенье, мой подвиг.
Петь бы мне вечно, всегда быть в зените.
Грозы, гремите. Красавицы, пойте,
Сабли, всегда в моих песнях звените[230].
(Перевод М. Аввакумовой)

В этих поэтических строках слова «*юлымда – йырымда*» созвучны друг с другом. Но в то же время необходимо не упускать из виду такое важное явление, как неразрывная передача главной идеи. Только тогда получится совершенное во всех отношениях произведение. Как видим, для приведенного выше стихотворения Т. Юсупова «Йырҙарыма» («К моим песням») характерна превосходная рифмичность и точная передача основной авторской мысли.

В современной башкирской поэзии мы имеем дело с различными видами рифм. Однако поэты чаще всего обращаются к полной рифме.

Ҡарағайҙар башҡорт уғы кеүек
Тишеп сыҡҡан ҡая *таштарын*,
Ҡояш нурын сүпләп йыя-йыя
Зәңгәр күккә сәйгән *баштарын*[231].
(Ә. Әхмәҙин. «Карағайҙар»)

Пробив громады скал, взметнулись сосны ввысь.
Вот так и мой народ свою взлелеял жизнь.
Затерянный в веках, он на века восстал,
Не ропщет на судьбу в ущелье тесных скал[232].
(А. Ахмадин. «Сосны». Перевод И. Илембетовой)

Как видим из примера, рифмуются слова во втором и четвертом строках «*таштарын–баштарын*». В первых строках этого произведения 10–8-слоговый поэтический размер, далее – 10–9-слоговый. В них автору удалось умело расставить необходимые ударения. В результате возникает произведение с ярко выраженной ритмичностью.

---

229 *Юсупов Т.* Избранные произведения. Уфа, 2006. С. 63. (на башк. яз.)
230 *Из века* в век. Башкирская поэзия. С. 315.
231 *Ахмадин А.* Сосны // Водопад. С. 241.
232 *Из века* в век. Башкирская поэзия. С. 419.

Перекрестная рифма – самый распространенный вид рифмовки в мировой поэзии. Она более гибка в ритмическом плане и позволяет автору лучше передать необходимое настроение и идею. Перекрестная рифма характерна и для башкирской поэзии.

Мәңгелектән осоп килгән көндәр,
Гүйә, ҡоштар ҡуна иртә таңда
Һәм төн менән эреп юғалалар,
Булмаған да кеүек беҙҙең янда[233].
(Й. Ильясова. «Мәңгелектән осоп килгән көндәр...»)

О, вечностью дарованные дни!
Как утренние птицы за окном,
Нездешним светом светятся они,
Чтоб раствориться в сумраке ночном[234].
(Ю. Ильясова. «О, вечностью дарованные дни!..».
Перевод А. Хусаинова)

Здесь в первой строке слово «*көндәр*», выраженное именем существительным во множественном числе, рифмуется в третьей строке со словом «*юғалалар*», то есть с глаголом множественного числа. А также одинаково звучат слова «*таңда*» – «*янда*» (вторая и четвертая строки). Схема рифмовки – *абаб*.

Смежная рифмовка в современной башкирской поэзии встречается сравнительно редко. Своими корнями она связана с классической арабо-персидской литературой. Здесь рифмуются первая и вторая, третья и четвертая строки. Например:

...Шулай тормош үтеп *барғанда*,
Япа-яңғыҙ тороп *ҡалғанда*,
Һин килдең дә миңә күҙ *һалдың*,
Һарыҡайым, тиеп *уҡталдың*[235].
(Ф. Ғөбәйҙуллина. «Һары сәскә булдым мин...»).

[233] Там же. С. 512.
[234] Там же. С. 513.
[235] Там же. С. 414.

...Жизнь развивалась наугад,
Помочь никто не смог советом;
Ты бросил вдруг влюбленный взгляд,
Назвал внезапно первоцветком[236].
(Ф. Губайдуллина. «Была я желтеньким цветком».
Перевод В. Широкова)

Как и «рифма, играющая огромную роль в создании музыкального созвучия в стихотворении, строка также связана напрямую с интонацией. Строфа сама по себе выражает интонационно-ритмическую целостность»[237].

Для полного и достоверного выражения основных чувств и идей авторы в своих произведениях стараются максимально использовать и возможности поэтических строф. Например, произведение М. Гали «Ҡурайсыңдар» («Курай мой звонкий...») начинается и завершается однострочной строфой:

Ҡурайсыңым, башлап ебәр йырҙы...

Килә бер йыр, өҙҙөрөп тә килә,
Килә икән ҡайһы тарафтарҙан?
Ҡалҡынамы дала күкрәгенән
Йә изгелек сәскән караштарҙан?!
Әй, яҡын да был моң, яҡын миңә,
Күрмәйемсе үҙем – ҡайҙан килә?
Урмандарым миңә бышылдаймы,
Елдәр мәллә тауҙан тауға елә?
О, йырлай был йәнем, утлы тәнем –
Күрмәйһегеҙме ни күҙ-йөҙөмдән?
Бер моң кеүек, үҙе мең моң кеүек,
Күңелемдән килә, ул – үҙемдән.

Башлап ебәр йырҙы, ҡурайсыңым![238]

[236] Там же. С. 415.

[237] *Хусаинов Г. Б.* Некоторые вопрсы башкирской советской поэзии. Уфа, 1957. С. 37.

[238] *Гали М.* Далекие молнии. С. 219–220.

Курай мой звонкий, песню начинай...

Явилась песня, тихая, простая,
С какой-то незнакомой стороны.
С груди полей дыханьем долетая?
От взглядов, что добром озарены?
Ах, как близки мне эти переливы
Мелодии... А слышу их впервой!
Леса ли зашептались торопливо?
Ветра ли пронеслись над головой?
В душе горящей песен всех начало!
Заметно по лицу и по глазам –
Душа поет, и песня зазвучала,
И оказалось, что запел я сам,

Так начинай же песню, мой курай![239]
(Перевод Б. Романова)

Двухстрочная строка может присутствовать и в начале, и в конце произведения. Например, в произведении «Ялбарыу йыры» («Песнь мольбы») М. Карима двухстрочная строка идет в начале и в середине стихотворения:

Мөхәббәтем! Мине ташлама,
Көн бит әле яңы башлана.

Таң ҡуйынынан сыҡҡан алсаҡ иртә
Ысыҡ менән әле бит йыуа.
Күл өҫтөндә уйһыҙ тулҡындарҙы
Бишегенән төшкән ел ҡыуа.

Тәү өндәште кәкүк. Ергә яуған
Сәскә микән, әллә ҡар микән?
Ҡарт таш ҡына тыныс. Эскәйендә
Дәрттәр микән, әллә зар микән?
Ошо хозур сәғәттәрҙә уның
Хәлдәренә кергән бар микән?

Ташлап китмә мине. Ташлама.
Ғүмер әле яңы башлана.

[239] *Гали М.* Багряные травы. С. 52.

Өмөттөң тик тәү саҡрымын үттек,
Күрәһе лә әле күрәһе –
Михнәт ҡара упманы әле алда,
Әле алыҫ бәхет түбәһе...[240]

Любовь моя, – молю, – не покидай меня,
Сейчас ведь только лишь еще начало дня.

Вот из объятий тьмы доверчив, как дитя,
Выходит к нам рассвет, живой росой блестя.
Оставив колыбель, на озере волну
Вздымает ветерок, тревожа тишину.

Закуковал простор. Летят с небес, легки,
Не то снежинки вниз, а может – лепестки.
Лишь старый камень тих. В молчании его
Не то печаль, не то надежды волшебство.
В блаженный этот час найдется ль кто-нибудь,
Кто в душу бы ему надумал заглянуть?..

Любовь моя, – молю, – не покидай меня.
Ведь жизнь лишь началась, надеждами маня.

Мы чаяний прошли лишь первую высоту.
Идти нам и идти ветрам наперерез,
Еще он далеко – страданий темный лес...[241]
(Перевод Е. Николаевской)

Двухстрочная строфа часто встречается в произведениях Г. Рамазанова, Я. Кулмыя, Ш. Биккула, Р. Сафина, Р. Бикбаева, А. Тагировой, Р. Назарова, Р. Хисаметдиновой, Х. Назара, Г. Юнусовой, И. Киньябулатова, С. Алибая, А. Ахметкужина, К. Киньябулатовой, М. Сиражи, Г. Якуповой, Т. Искандаровой и др.

Как известно, поэтические строфы из трех и пяти строк в современной башкирской поэзии встречаются сравнительно редко. Они присутствуют в стихотворениях С. Кудаша («Я как будто навеки на землю пришел...»), Н. Наджми («Спой любимому песнь о любви...»), Г. Рамазанова («Республика»), Х. Гиляжева («Песни

[240] *Карим М.* Сочинения. Т. 2. С. 70.
[241] *Карим М.* Покатилось сердце мое. С. 65.

мои»), Р. Гарипова («Жизнь»), Р. Бикбаева («Барокамера»), А. Тагировой («Для тебя»), Р. Янбекова («Предначертание»), Г. Галеевой («Два солнца»), Д. Талхиной («Земля Айле»), Т. Искандаровой («Башкирский язык»), А. Утябаева («Я – Буранбай»), Т. Давлетбердиной («Весенний дождь») и т. д.

Современнные башкирские поэты обращаются к шести-, семи-, восьми-, девяти-, десяти-, одиннадцати-, двенадцати-, тринадцати-, четырнадцати-, а также шестнадцатистишиям («Бывает день» Р. Туйгуна; «Солдатские слезы» Ш. Биккула; «Подругам военных лет» Ф. Чанышевой; «Ночные голоса» Р. Шаммаса; «Гнездо ласточки над дверью аэровокзала» М. Гали; «Что ни говори, а отгорим...» Р. Сафина; «Осень» Г. Якуповой; «В березняк возвращаюсь» Ф. Тугузбаевой; «Солнце и луна» Г. Ситдиковой; «Однажды возьму да исчезну...» Х. Юлдашева; «Если ты понимаешь это» Б. Искужина; «Курай на скале» Ф. Кузбекова; «Мне ль о печали говорить...» Г. Кутуевой; «Мой старший брат...» И. Киньябулатова; «Старшие сестры мои» К. Аралбая; «Голос Урала» А. Игебаева; «Попугай» Г. Ишкинина; «Стая грачей» А. Гарифуллиной; «На пригорке дочка с первоцветом...» Д. Шарафутдинова и т. д.).

При описании особенностей характера лирического героя, его духовно-нравственного облика поэты используют разнообразные средства художественного описания: сравнение, метафору, эпитет, олицетворение, эвфемизм, аллегорию, метонимию, иронию, гиперболу, гротеск, литоту и др.

Одним из распространенных средств художественного изображения в башкирской поэзии являются **сравнения**. Существуют их различные формы. Например, **простые сравнения**, т. е. непосредственное уподобление одного предмета или явления другому.

В своем стихотворении «Умырзаялар» («Подснежники») Р. Хисаметдинова сравнивает подснежников с большой семьей:

Унар бөртөк умырзая
Гөрләп үҫә бер төптән.
Миңә ишле ғаиләне
Хәтерләтәләр күптән[242].

Подснежники растущие
Напоминают мне
Большую семью.

(Подстрочный перевод)

[242] *Хисаметдинова Р.* Моя лира. С. 133.

Здесь глагол «*хәтерләтәләр*» («напоминают») в форме множественного числа можно легко заменить словами как «*һымаҡ*», «*шикелле*» (подобно, словно).

Полные сравнения создаются при помощи таких языковых средств, как «*әйтерһең дә*», «*һымаҡ*», «*шикелле*», «*булып*», «*гүйә*», «*кеүек*» (как, будто, словно, подобно, точно, как будто). Например, в стихотворении «Минуттарым» («Минуты одиночества») З. Биишевой одинокое состояние лирической героини сравнивается с леденящим снегом, с дождем при помощи послелога «*һымаҡ*» (словно).

Яңғыҙлыҡта уҙған минуттарым
Йән өшөткөс боҙло ҡар һымаҡ.
Һин янымда булһаң, көҙ ҙә, ҡыш та
Гөл-сәскәле, нурлы яҙ һымаҡ[243].

Минуты одиночества несносны,
Как леденящий душу снег с дождем.
Когда ты рядом – и зима, и осень
Мне нипочем, дышу весенним днем[244].
(Перевод В. Широкова)

Слитные сравнения. Такая форма тропов выражается при помощи аффиксов *дай-дәй, тай-тәй, лай-ләй, сай-сәй*. Примеры:

Сауҡалығым, әкиәт *һылыуындай*,
Бигерәк күркәмһең шул, таң тыуғас.
Бер суғында һинең – моңһоу көкүк,
Бер суғында һинең – һандуғас[245].
(Ә. Таһирова. «Сауҡалығым, әкиәт һылыуындай...»)

Белая береза на опушке,
Помню песни вешние твои:
На одних ветвях грустят кукушки,
На других – ликуют соловьи...[246]
(А. Тагирова. «Белая береза на опушке...».
Перевод Г. Молодцова)

243 *Биишева З.* Монолог. С. 19.
244 *Из века* в век. Башкирская поэзия. С. 87.
245 *Тагирова А.* Обычай моего рода. Уфа, 1991. С. 9. (на башк. яз.)
246 *Из века* в век. Башкирская поэзия. С. 347.

Рустың шиғриәт тройкаһы!..
Ваҡыт юлынан елә.
Дуғалай күк көмбәҙенән
Ҡыңғырау сыңы килә[247].
(Х. Назар. «Рус тройкаһы»)

Тройка поэзии русской
Мчится сквозь сумрак времен.
Так же, то нежно, то грустно,
Вслед – колокольчика звон[248].
(Х. Назар. «Русская тройка». Перевод Р. Паля)

В современной лирике **смешанные сравнения**, то есть чередование нескольких тропов встречаются довольно часто. Например, в произведении Р. Хисаметдиновой «Көндәрем» («Дни мои») первые строки всех трех строф связываются между собой словосочетаниями *«ҡоба һыйыр», «ала һыйыр», «ҡара һыйыр»* (светло-бурая корова, пегая корова, черная корова). Кроме этого, глагол *«килә»* (идет) можно заменить словами *«шикелле», «төҫлө», «кеүек»* (словно, будто, точно). Последние две строки построены в форме противоположного сравнения. В итоге получилось компактное произведение, которое содержанием, философичностью и созвучностью сразу привлекает внимание читателей. Этому способствует и умелое использование автором поэтических сравнений, которые являются «одним из главных приемов образности»[249].

Для раскрытия психологии лирического героя авторы часто применяют **парную форму сравнения**. Например, в следующих произведениях образ лирического героя уподобляется природным явлениям:

Бер ҡараһаң, мин – яр:
текә, ғорур,
Бер ҡараһаң – тулҡын: салт, ярһыу.
Кәрәк икән – дауыл ҡошо булып,

Погляди – я, как берег,
И крут, и высок;
Погляди – я глубок, как волна.
Если надо,

[247] *Назаров Х.* Вознесение на небеса. С. 176.
[248] *Из века* в век. Башкирская поэзия. С. 373.
[249] *Ахмедьянов К. А.* Теория литературы. Уфа, 1971. С. 134.

Донъя айҡап осам, саң ҡағып[250].

(Ҡ. Аралбай. «Тулҡын»)

Взлечу буревестником я,
Спящий мир разбужу ото сна[251].

(К. Аралбай. «Волна».
Перевод А. Филиппова)

Күҙ ҡарашың утлы йәшен
Алдарымда ялтлап яна,
Быуыныма ҡаушау һала,
Йөрәгемде телеп ала.

Твой взгляд – как молния в ночи весенней:
Она сверкнет – и от ее огня
Бессильно подгибаются колени
И замирает сердце у меня...

Күҙ ҡарашың наҙлы ҡояш
Тирә-йүнде яҡты итә.
Юлыбыҙҙы ҡаплап торған
Һуңғы боҙҙар ireп бөтә[252].

(Г. Юнысова. «Күҙ ҡарашың»)

Твой взгляд – как солнце:
Свет его лавинный
Грудь согревает, весело лучась,
И запросто растапливает льдины,
Порою разделяющие нас[253].

(Г. Юнусова. «Твой взгляд».
Перевод Я. Серпина)

Метафора (греч. metaphora – перенос). Она позволяет отыскивать сходство между отдаленными явлениями и объединить в один поэтический образ. У талантливых художников метафора всегда свежа и оригинальна, на что также обратили внимание еще древние ученые. Вот что писал Аристотель: «Кто умеет пользоваться ими, то чуждое слово скроется в речи, и будет иметь ясный смысл. В этом и заключается достоинство ораторской речи»[254].

В творческом арсенале писателей встречаются различные виды метафоры: метафора, «скрытая в глубину», метафора-изображение и т. д. Возьмем для примера стихотворение Р. Мифтахова «Мин һаман да асылмаған бөрө...» («Я почка, я еще и не открылась...»).

Мин һаман да асылмаған бөрө,
Ағалмаған бер күл кеүекмен.

---

250 *Аралбаев К.* Рана батыра. Уфа, 1980. С. 46. (на башк. яз.)
251 *Аралбаев К.* Гонец. Уфа, 1983. С. 45.
252 *Юнусова Г.* Избранные произведения. Уфа, 2017. С. 204. (на башк. яз.)
253 *Юнусова Г.* Праздник памяти. Уфа, 1986. С. 35–36.
254 *Аристотель.* Риторика. Поэтика. М., 2000. С. 115.

Килер заман: ижад һарайының
Алтын ишегенән керермен[255].

Я почка, я еще и не открылась,
Я озеро – мне из берегов не вырваться.
Но миг настанет – и во дворец творчества
Войду я через золотую дверь.
(Подстрочный перевод)

В стихотворении речь идет о творчестве. Чтобы показать необходимость целенаправленной и кропотливой работы, автор использует метафору «*алтын ишек*» (золотая дверь). Только таким людям открывается золотой дворец – но там хранится не золото и серебро, а талант.

Яратам мин йондоҙҙарҙы –
Өлкәр, Сулпан ишеләрҙе,
Тик нығыраҡ яратамын
Мин йондоҙло кешеләрҙе[256].

Люблю я звезды –
Венеру, Стожары,
Но сильней люблю
Людей со звездами в глазах.
(Подстрочный перевод)

В вышеприведенном стихотворении «Үлемһеҙ йыр иткем килә» («Бессмертная песня») Зайни Рафикова, на первый взгляд, кажется, что лирический герой влюблен в звездное небо, но этот образ служит ему для раскрытия главной идеи – автору еще ближе и дороже люди со звездами на погонах. Этой цели и подчинено использование глубокой метафоры «*йондоҙло кешеләр*» (люди в погонах).

Умелое и точное использование метафор мы наблюдаем в произведениях М. Карима, Г. Рамазанова, Р. Гарипова, Р. Назарова, Р. Сафина, М. Каримова, Р. Бикбаева, Х. Назара, К. Аралбая, Р. Хисаметдиновой, А. Тагировой и др.

Особое место среди изобразительных средств языка занимают **эпитеты** (образное определение). С греческого языка (epitheton)

255 *Мифтахов Р.* Чудное мгновенье. Уфа, 1995. С. 33. (на башк. яз.)
256 *Антология* башкирской поэзии: Голоса веков. С. 447.

переводится как наложенный, приложенный. Для примера возьмем стихотворение Р. Сафина «Больницала яҙылған шиғыр» («В больнице»). Здесь автор не стремится долго и развернуто показать картину свадебного застолья. Все это раскрывается через эпитет «*ҡыҙыл туй*» (красная свадьба).

Төштә тыуған өйҙө күрәм,
Өйҙә йыр-моң, һый, имеш.
Тышта тәңкә ҡарҙар яуа,
Беҙҙә *ҡыҙыл туй*, имеш[257].

Во сне я вижу дом родной:
Там музыка играет, вкусно пахнет.
Снег за окном монетами сыплет.
У нас *«красную свадьбу»* играют.
(Подстрочный перевод)

Метонимия (греч. metonymia — переименование). Для этого тропа характерен перенос смыслового содержания названия одной вещи на другую.

Ҡамсылар ҙа, балталар ҙа төштә:
...Ни төшмәне башҡорт башына?![258]

Что только не выпадало
на долю башкир:
И кнут, и топор.
(Подстрочный перевод)

В стихотворении А. Атнабаева «Салауат менән һөйләшеү» («Разговор с Салаватом») во фразе «*Ни төшмәне башҡорт башына: ҡамсылар, балталар*» (Что только не выпадало на долю башкир: и кнут, и топор...) слова «кнут» и «топор» обозначают два признака: предмет, горе, беда. Подобный пример можно привести из стихотворения «Төш» («Сон») Фании Чанышевой. Здесь автор избавление лирической героини от психологических переживаний

[257] *Сафин Р.* Светлая мелодия. С. 47.

[258] *Атнабаев А.* Избранные произведения. Т. 1. Уфа, 1988. С. 168. (на башк. яз.)

сумела образно передать через метонимию «*тауҙар төшкән һымаҡ иңемдән*» («как будто горы упали с плеч»):

Ҡайҙан әле миңә был еңеллек?
Тауҙар төшкән һымаҡ иңемдән.
Ҡоласымды йәйеп үргә ҡаршы
Әллә осам, әллә йүгерәм[259].

Откуда такая легкость?
Как будто горы упали с плеч.
Раскинув свои крылья
То ли мчусь, то ли лечу.
(Подстрочный перевод)

Одним из средств изображения является **олицетворение**. Оно основано на приеме оживления природных явлений или неодушевленных предметов. Например, в стихотворении «Кистән дауыл ҡупты. Ярға һуғылып...» («Обрушился с вечера шторм...») М. Карима природа оживляется: *«төнө буйы диңгеҙ үкһене»* (море рыдало), так как автор переносит человеческие свойства на неодушевленные предметы.

Кистән дауыл ҡупты. Ярға һуғылып,
Төнө буйы *диңгеҙ үкһене*[260].

Обрушился с вечера шторм. И всю долгую ночь
Без умолку *море рыдало* и берег терзало...[261]
(Перевод Е. Николаевской)

Для скрытого высмеивания и критики отдельных изъянов нашего общества или отрицательных черт характера человека авторы часто обращаются к **иронии** (греч. eironeia – притворство). Она характерна, в основном, для произведений, написанных в сатирическом духе. В этом отношении примечательно стихотворение «Мәсхәрә» («Посрамление») К. Фазлутдинова. Лирический герой автора по имени Гарей часто злоупотребляет спиртными напитками. Очень любит хвастаться. Сколько раз не пьет водки, все равно

259 *Антология* башкирской поэзии: Голоса веков. С. 462.
260 *Карим М.* Сочинения. Т. 2. С. 25.
261 *Карим М.* Покатилось сердце мое. С. 56.

крепко держится на ногах. Однако это хвастовство ни до чего хорошего не приводит. В конце произведения Гарей употребляет водку с названием «Шайтаночка» и быстро пьянеет:

Буш шешәләр араһында
Ята илап, күр, ҡыҙған,
Мәсхәрәһе ни тора! – ти, –
Еңелдем ҡатын-ҡыҙҙан[262].

Среди окурков и пустых бутылок
Лежит пьяница да бормочет:
«Какой позор, “от женщины”
“Сто ударов” получить!»
(Подстрочный перевод)

Ирония часто встречается в стихотворениях Р. Гарипова, М. Каримова, А. Атнабаева, Т. Арслана, Р. Мифтахова, Ф. Гумерова, Р. Тимершина, М. Салимова, С. Галяутдинова, Б. Искужина и др.

Писатели упорно работают над обогащением лексики. Они стараются избежать повторов и примитивных сравнений.

Донъя әллә миңә генә
Шулай ҡаты ҡағылды?
Ҡаҡты, һуҡты, өҙҙө, йолҡто...
Ҡойҙо япраҡтарымды[263].

Вот так же ветер времени – ломал
И гнул меня сердито, и ласкал,
И теребил, и снова бил наотмашь,
И годы-листья яростно срывал[264].
(Перевод И. Потахиной)

Лирического героя в произведении «Ут эсендә бейеү» («Пляска в огне») Р. Сафина жизнь не раз испытывала на прочность. Чтобы показать всю тяжесть жизненных испытаний, автор использует слова «*һуҡты», «өҙҙө», «йолҡто*» (покалачивал, срывал, вырывал).

С одной стороны, это синонимичные слова, т. е. тавтология, но, с другой стороны, наблюдаем возрастание их значений (градация) – от легкого поколачивания (*ҡаҡты*) до вырывания клочьями (*йолҡто*). Этим художественным приемом автор показывает,

262 *Антология* башкирской поэзии: голоса веков. С. 694.
263 *Сафин Р.* Танец в огне. С. 13.
264 *Поэты* Башкирии. В 2 т. Т. 2. С. 225.

что с годами жизненные испытания только возрастали и усиливались.

В стихотворении «Стихи мои, не рождаю я вас...» Г. Рамазанова лирический герой также подчеркивает, что с годами тоска не ослабевает, а наоборот, усугубляется. Здесь для этой цели служит повторение в последних двух строках синонимов «*олоғая», «өлкәнәйә*» (стареет, взрослеет).

В произведениях Х. Назара, Р. Шагалиева глубина любовных переживаний лирического героя передается при помощи антонимов (греч. *anti* – против, *onyma* – имя) «*ҡыуанам*» – «*һыҙланам*» (радуюсь – страдаю), «*янам*» – «*туңам*» (горю – замерзаю):

Уны күреп, берсә йәнем өшөй,
Уны күреп, берсә *һыҙланам*.
Бергә булмауға мин *ҡыуанам да,*
Бергә булалмауға *һыҙланам*[265].
(Х. Назар. «Уны күрһәм»)

Ее увижу, и сердце вспыхивает.
Ее увижу – и острая боль.
Радуюсь, что мы не вместе,
И *страдаю*, что не вместе мы.
(Х. Назар. «Когда я ее увижу...». Подстрочный перевод)

Бер ҡараһам – *янам, көйәм*
Ялҡынында.
Бер ҡараһам – *туңам уның*
Һалҡынында[266].
(Р. Шәғәлиев. «Бер ҡараһам – янам, көйәм»)

Как посмотрю – *горю, пылаю*
В ее пламени.
Как посмотрю – *замерзаю*
В ее стуже.
(Р. Шагалиев. «Как посмотрю – горю, пылаю...».
Подстрочный перевод)

[265] *Назаров Х.* Вознесение на небеса. С. 158.

[266] *Шагалиев Р.* Черемуха, посаженная тобой. Уфа, 1985. С. 23. (на башк. яз.)

В творчестве современных башкирских писателей широко используются такие стилистические фигуры, как анафора, эпифора, эпанастрофа, а также риторический вопрос, риторическое обращение. Они служат «важным средством усиления выразительности не только образно-художественной речи, но и речи необразной»[267]. Например, **риторическое обращение** (греч. rhetor – оратор). Оно «в поэтической речи употребляется с определенной целью – дает характеристику явлению действительности или выражает какое-либо отношение к нему со стороны автора»[268].

В творчестве поэтов встречаются различные виды риторических обращений: 1) обращения к родине, народу, природе, к священной земле – Уралу, к Республике Башкортостан; 2) обращения к близким и родным – родителям, другу, возлюбленному и т. д. Примеры: 1) «О, родина моя!» («О, родина моя! Меня согрей...» М. Гали), «О, щедрая родимая земля!» («Желание» Р. Сафина), «Елка! Елочка!» («Клест» К. Киньябулатовой), «Башкортостан!» («Башкортостан» Н. Наджми), «Урал, Урал!» («Голос Урала» А. Игебаева), «О, Родина!» («Семь поколений рода моего...» Р. Бикбаева), «Ах ты, степь!..» («Песнь о степи» И. Киньябулатова), «Здравствуй, милая дочка рябины!» («Дочь рябины» А. Тагировой), «Сармасан, река моя родная!» («Жажда» Ф. Тугузбаевой), «Здравствуй, лес! Зимний лог!» («Утешу тебя, лес» Р. Янбекова); «Башкирия, красавица-волшебница!» («Башкирия» Ф. Тугузбаевой), «Народ мой птицегорлый!» («Родной язык» Р. Хисаметдиновой); 2) «Влюбленные...» («Влюбленные, в упреках пыл умерьте...» М. Карима), «Терпение, дружище!» («Терпение» Я. Кулмыя), «Унеси меня, милый, отсюда!» («Унеси меня, милый, отсюда...» А. Тагировой), «О мама, мама...» («Мама» Ф. Тугузбаевой), «Любимая» («Родник и береза» Р. Мифтахова), «Оставь меня, любовь!..» («Оставь меня, любовь!» Г. Юнусовой), «Ах, где первый вздох любви!..» («Первая любовь» Г. Якуповой), «Поспеши, невестка, за водой!..» («Испытание» Р. Абуталиповой), «Прости, наш дом!» («А ставни я не стану закрывать...» Ф. Харрасовой), «О, Родина!» («Родине» С. Шалухина) и т. д.

---

[267] *Дугаржапова Т. М.* Бурятская поэзия: Проблемы поэтики и стиля: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2004. С. 51.

[268] Там же. С. 61.

Риторический вопрос – стилистическая фигура, которая представляет собой вопрос, ответ на который заранее известен, или вопрос, на который дает ответ сам автор.

Ҡайҙа һаҡмар?
Ҡайҙа һыуҙы
Ҡайнатҡан балыҡтары?
Ҡайҙа суҡ муйыллыҡтары?
Ҡайҙа дан таллыҡтары?[269]

Сакмара где? Где рыба та,
От игрищ которой вода закипала?
Где заросли черемухи с тяжелыми кистями?
Где могучие ивы по берегам?
(Подстрочный перевод)

Первые четверостишия стихотворения Асылгужи Багуманова «Өс дуҫ хаҡында күңелһеҙ хикәйәт» («Притча о трех друзьях») состоят из шести взаимосвязанных риторических вопросов, в которых автор выражает свои чувства горечи и боли по поводу разрушения окружающей человека среды.

В произведениях современных поэтов используется форма «вопрос – ответ», то есть авторы получают ответы на вопросы («Разговор» Б. Нугуманова; «Первая любовь» Г. Якуповой; «Что такое любовь? – я спросил...» М. Карима; «Роза» К. Киньябулатовой; «Башкирия» Ф. Тугузбаевой; «Листья» Т. Давлетбердиной и т. д.).

В творчестве поэтов встречаются традиционные образы (лебедь, соловей, ворон, олень, сокол, кречет, крылатый конь тулпар и т. д.), которые выполняют различные функции. Примеры:

Яҙ килә лә китә,
Йөрәк көтә, көтә,
Йәшлек үтә, үтә яҙ һымаҡ.
Һин былбылым минең,
Йырланмаған йырым,
Балҡып кил һин атҡан таң һымаҡ[270].
(Я. Ҡолмой. «Былбылым»)

[269] *Багуманов А.* На пороге вечности. Уфа, 1994. С. 52. (на башк. яз.)
[270] *Антология* башкирской поэзии: Голоса веков. С. 416.

Весна придет, весна уйдет,
А сердце ждет чего-то, ждет,
Как юною порою...
Ты – песнь неспетая моя,
Мой соловей, тоскую я:
Явись ко мне с зарею!..[271]
(Я. Кулмый. «Мой соловей».
Перевод Е. Николаевской)

Һауалағы бөркөт һымаҡ,
Ғорур инем. Йәш инем.
Бар донъяға баш бирмәнем,
Мөхәббәткә баш эйҙем[272].
(М. Кәрим. «Һауалағы бөркөт һымаҡ...»)

Молод был я, гордый, словно беркут,
И, не опуская вольных крыл,
В пору звезд, которые не меркнут,
Пред любовью голову клонил[273].
(М. Карим. «Молод был я, гордый, словно беркут...».
Перевод Я. Козловского)

Нур уйнатып баҫҡан эҙҙәрендә,
Матур башын ғорур күтәреп,
Болан һымаҡ бер ҡыҙ атлай ине,
Егеттәрҙең иҫен китәреп[274].
(Р. Сафин. «Матурлыҡ»)

Шла, оставляя свет в своих следах,
Гордо вскинув голову,
Оленю подобно, девушка шагала,
Изумляя парней.
(Подстрочный перевод)

Как видим, в первом примере соловей символизирует священную силу, способную утешить душу лирического героя,

271 *Кулмый Я.* Я слышу сердцем. Уфа, 1966. С. 68.
272 *Карим М.* Сочинения. Т. 1. С. 307.
273 *Карим М.* Покатилось сердце мое. С. 19.
274 *Сафин Р.* Танец в огне. С. 50.

во втором примере беркут напоминает гордого джигита, в третьем олень олицетворяет женскую красоту.

В произведениях писателей часто встречаются образы деревьев: сосны, дуба, ивы, черемухи и т. д.

Образ березы у всех народов выполняет различные функции. Например, в русской поэзии береза – знак родины, красоты (А. Фет, Ф. Тютчев, С. Есенин и др.).

В творчестве современных башкирских поэтов образ березы – символ горя, одиночества женщины-вдовы, потерявшей любимого человека, символ матери-героини, красивой молодой девушки, напоминает родную сестру, друга, сноху, а также ассоциируется с разлукой, одиночеством и тоской: «Сросшиеся березы» (З. Биишева), «Я – словно береза» (Я. Кулмый), «Березы» (Г. Рамазанов), «Сросшиеся березы» (К. Бакиров), «Береза, растущая на скале» (Р. Сафин), «В березовом лесу» (Р. Хисаметдинова), «Весенняя песня» (Р. Янбеков), «Росла среди берез» (Ф. Харрасова), «Осень» (Д. Талхина), «Береза и кукушка» (А. Гарифуллина), «Я – береза» (З. Ханнанова), «Сестра» (Г. Калимуллина); образ дуба – символ стойкости и крепости, напоминает воина-солдата, образ сосны – родного отца, народа, прадеда: «Дуб» (Н. Наджми), «Дуб и цветок» (Р. Мифтахов), «Пробив громады скал» (А. Ахмадин), «Сосна» (Р. Кул-Давлет) и т. д.

В целом, в своем творчестве поэты в традиционные образы вкладывают новое содержание, что свидетельствует о диалектической связи традиции и новаторства.

Для поэтических произведений характерно частое употребление метких народных пословиц и поговорок. Это помогает приблизить образ лирического героя к народу, сделать его более живым. Примеры: «Сит илдә солтан булғансы, үҙ илендә олтан бул» («Лучше быть простым смертным на родине, чем султаном на чужбине»; стих. З. Биишевой «Завет отца»), «Ҡалған эшкә ҡар яуа» («Дела, что отложены, снегом покроются»; стих. М. Сиражи «Правду сегодня скажи»), «Бер бүреккә ике баш һыймай», «Тау менән тау осрашмай» («Две головы не уместятся под одной шапкой», «Гора с горою не сходятся»; стих. К. Киньябулатовой «Я счастлива», «Летите, звезды»), «Әйткән һүҙ – атҡан уҡ», «Булыр бала бишектән» («Сказанное слово – выпущенная стрела», «Даровитый ребенок с колыбели»; стих. Р. Гарипова «Сыну», «Да-

ровитый ребенок с колыбели»), «Әсә өсөн бала – бауыр...» («Ребенок всегда дороже для матери»; стих. Ш. Биккула «Я к тебе вернусь, мама»), «Сабыр төбө – һары алтын» («Терпенье – подобно золоту»; стих. Х. Назара «Листья»), «Бәхет – хеҙмәттә» («Нет счастья без труда»; стих. Р. Мифтахова «Прощание с отцом»), «Эйелгән башты ҡылыс сапмай» («Склоненную голову не рубят»; стих. Г. Юнусовой «Склонилась над водою ива») и т. д.

В эти годы ряд поэтов обратились к песеннему наследию своего народа. Если в двадцатых годах прошлого столетия Шайхзада Бабич, Фазыл Туйкин и другие под структуру той или иной народной песни создавали новый текст, то сейчас наблюдаем иной подход к явлением («Белая косынка» С. Алибая; «Баю-баю, баю-бай...» С. Рахматуллина; «Аллярилә ляриля» Р. Сафина; «Башкирка» Г. Юнусовой; «Порог» Ф. Тугузбаевой и т. д.).

Например, М. Карим в ткань своего произведения «Сигеү сигә ҡыҙҙар» («Девушки вышивают») вводит отрывок башкирской народной песни. Печальные мелодии как нельзя лучше раскрывают душевное состояние и внутренний мир молодых девушек:

«Күпер аҫты күк томан,
Күңһенмәгеҙ, күп тормам,
Айҙар торһам, йылдар тормам,
Һағынырһығыҙ, мин булмам»[275].

«Туман синий под мостом стелется,
Не тяготитесь мной, я долго не пробуду,
Месяц погощу, но не годы...
Заскучаете, меня уже не будет».
(Подстрочный перевод)

Героиня произведения Рифа Туйгуна «Ҡәнифә юлы» («Дорога Канифы») – невестка по имени Канифа. В деревне все восхищаются этой молодой женщиной – терпеливой, привлекательной и трудолюбивой. Однако у нее не сложилось семейное счастье – муж ушел на заработки на чужбину и пропал. Позже пришло известие, что он вовсе спился. Но Канифа-невестка остается верной

[275] *Карим М.* Сочинения. Т. 2. С. 9.

мужу, надеется, что он когда-нибудь вернется. Поэтому она отвечает отказом всем, кто к ней сватается. Из-за своей верности, которую вынуждена была защищать силой, она оказалась в трагической ситуации.

«Ауылымды ҡыялатып
Ҡәнифә лә тигән юл булыр.
Сығыр ҡояш, иҫер талғын
Елдәр,
Минән һеҙгә сәләм шул булыр»[276].

«Огибая мой аул,
Бежит дорога Канифы,
Взошедшее солнце, легкий ветерок –
Это все привет от меня».
(Подстрочный перевод)

Как видим из названия произведения, она созвучна с башкирской народной легендой и одноименной песней «Урал». Введение в ткань стихотворения отрывка из народной песни, раскрывающей как нельзя лучше душевное состояние лирической героини, часто является вполне обоснованным и оправданным.

Итак, поэтическое мастерство башкирских писателей тесно связано с владением ими тонкостями поэтического словотворчества, а искусство умелого использования последних определяется силой их литературного дара.

[276] *Туйгунов Р.* Любовь не знает опозданий. Уфа, 1994. С. 46. (на башк. яз.)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нравственно-этические каноны общества нашли воплощение во всех основных жанрах башкирского народного творчества, а именно в великолепных эпических памятниках, как «Урал-батыр», «Акбузат», «Кузкурпэс и Маянсылу», часто упоминаются в пословицах и поговорках.

Морально-этические проблемы занимают значительное место в древнетюркских литературных памятниках, в частности дастанах, созданных в средневековую эпоху («Киссаи-и Юсуф, «Хосров и Ширин», «Мухаббатнамэ», «Джумджума султан», «Гулистан бит-тюрки»); в творчестве сказителей – мастеров слова (Хабрау, Асан-Кайгы, Каз-туган, Шалгыз), сэсэнов (Кубагуш, Карас, Баик, Буранбай-Яркей, Ишмухамет, Габит), а также в древних средневековых историко-литературных произведениях (шежере, таварихи, тарихнамэ).

Духовные ценности наблюдались и в лирике национального героя башкирского народа, поэта-импровизатора Салавата Юлаева. Лирический герой поэта предстает перед нами как гуманный, гордый и смелый человек, беззаветно любящий свою Родину, родной народ и природу.

Нравственно-этические проблемы получили своеобразное отражение и в творчестве поэтов-суфиев: Ахмета Ясави, Сулеймана Бакыргани, Махмута Гали, Умми Камала, Мавля Кулуя и др.; Габдрахима Усмана (XVIII–XIX вв.), Хибатуллы Салихова, Шамсетдина Заки (1-я пол. XIX в.), Гали Сокороя (2-я пол. XIX в.).

Большое внимание вопросам образования и культуры, нравственности уделяли также башкирские поэты-просветители Акмулла и Мухаметсалим Уметбаев. По их убеждению, светлое будущее и счастье всего человечества возможны в результате развития в обществе просвещения, высокой нравственности и воспитания. Писатели оценивали человека через призму таких качеств характера, как совесть, ум, знание, терпение, преданность и искренность.

Для поэзии начала XX века характерно обращение к личности, молодому поколению с призывами совершенствовать свой нравственный мир, стремиться к знаниям, просвещению, следовать

духу времени, быть дисциплинированным. В этом плане следует отметить произведения С. Якшигулова («Книга для молодежи»), Ш. Тульвинского («Юноше»), Ш. Аминева-Тамьяни («Назидание»), М. Гафури («Знание»).

В лирике этой поры большое место занимают стихотворения, посвященные таким извечным категориям, как счастье, дружба, любовь, совесть, верность. Наиболее ярко поклонение этим святым понятиям проявляется в произведениях М. Гафури («Совесть», «Не продавай совести», «Первая любовь», «Пролитые слезы», «В поисках счастья»), Я. Юмаева («Одной красавице», «Другу», «Честь», «Преданность»), Г. Исянбирдина («Раскаяние»), Ш. Бабича («Совесть и страсть», «Красавица», «Грациозный стан»).

Морально-этические проблемы занимают важное место и в творчестве башкирских поэтов 1930-х годов (Р. Нигмати, С. Кудаш, М. Хай, Б. Бикбай). В этом отношении весьма примечательна поэма Галимова Саляма «Дитя», где автор на примере молодой семьи увлекательно рассказывает о становлении новой жизни, новых отношений между людьми, формировании новой личности.

Главные герои поэмы – Сайдел и Зайнап – постепенно находят жизненные ориентации, осознают суровую правду жизни, ее сложности. Они учатся бороться с мещанством, обывательщиной, обретают новый характер, новые духовно-нравственные черты.

В башкирской лирике военной поры отражались чувства горячей любви к Родине, готовности защитить ее от врага, ненависти к фашистам, изображался героизм воинов-участников битв и тружеников тыла. В произведениях писателей этого периода воспеваются такие черты характера советского человека, как сила духа, героизм, бесстрашие и решительность (Р. Нигмати, Х. Карим, Г. Амири, Б. Бикбай и др.).

Лирические герои М. Карима, Н. Наджми, М. Гали, Х. Гиляжева, М. Харисова, Р. Саттарова и др. воплотили чистоту помыслов башкира-бойца, его мужество, терпение, веру в победу.

Тема любви в поэзии военных лет обрела новые черты. Она понимается не только как интимное чувство, а гораздо в более широком плане – как любовь к Родине, матери, любимой; во имя любви человек способен совершить героические поступки. Часто письма любимой девушки спасают солдата от смерти, дают ему силы и надежду. Именно нравственная чистота и преданность

возлюбленных солдату-воину, героям фронта и тыла помогли выдержать все нечеловеческие испытания и победить врага, затем поднять страну из руин. Все это нашло отражение в произведениях Р. Нигмати, С. Кудаша, Х. Карима, Г. Амири, Б. Бикбая, А. Вали, М. Карима, Н. Наджми, М. Гали, Х. Гиляжева и др.

В послевоенное время в башкирской лирике значительное место занимает тема войны, нерушимой дружбы и созидательного труда народов СССР. Лирический герой писателей предстает перед нами как воин-победитель, человек труда, ставший хозяином своей судьбы. В этом отношении примечательны произведения Р. Нигмати, С. Кудаша, М. Карима, Н. Наджми, М. Гали, Х. Гиляжева, Х. Карим и др.

В 60–80-е гг. прошлого столетия в творчестве писателей много внимания уделяется таким нравственно-этическим понятиям, как честь, совесть, личное и общее счастье. Таким образом, здесь традиционные моральные категории обогатились новым содержанием. Эти изменения явственно прослеживаются в произведениях М. Карима, М. Гали, К. Киньябулатовой, М. Каримова, Р. Сафина, Р. Гарипова, Р. Назарова, Р. Бикбаева, К. Аралбая, И. Киньябулатова, Р. Мифтахова, А. Тагировой и др.

В современной башкирской поэзии огромное место занимает тема семьи и семейного воспитания. В своих произведениях авторы призывают молодое поколение быть воспитанными, скромными, уважительными по отношению к родителям и близким, к своему родному языку; любить свою родину и народ; учат остерегаться псевдособлазнов – скользких путей достижения успеха в жизни, а также двуличных людей, надевающих на себя личину друга; говорят о необходимости бороться с моральной распущенностью и болезнями современного общества – пьянством, наркоманией. Они считают, что в нравственной деградации человека есть вина бездуховности нынешней эпохи, нередко проявляющейся в недоброжелательных отношениях между людьми, которые связаны с коренными изменениями общественного строя. Писатели призывают нас быть гуманнее, внимательнее, милосерднее, участливее друг к другу (М. Карим, Н. Наджми, Р. Гарипов, Р. Сафин, А. Игебаев, И. Киньябулатов, А. Тагирова, Ф. Тугузбаева, З. Кутлугильдина, М. Уразаев, Ф. Гумерова, Т. Ганиева, М. Ямалетдин, Р. Шакур, Р. Шагалиев, Ф. Юлдашбаева и др.).

Нравственные черты и духовный мир современника особенно тонко преломляются в башкирской любовной лирике. В интимной поэзии, в частности, присутствуют традиционные мотивы: тоска, печаль, разлука, ожидание и т. д. В творчестве каждого писателя они отражаются весьма своеобразно, с разных позиций. В своих произведениях авторы представляют любовь основой всего бытия человека. По их мнению, сила любви способна привить человеку высокую нравственность.

В центре любовной лирики находится образ женщины. В творчестве поэтов-мужчин воспевается ее нравственная чистота, целомудрие, гордость, простота, человечность. Авторы призывают быть чуткими и человечными к своим любимым, беречь и дорожить самым прекрасным чувством по имени Любовь. Наиболее характерны в этом смысле произведения М. Карима, Н. Наджми, М. Гали, Х. Гиляжева, Я. Кулмыя, Р. Сафина, Р. Гарипова, А. Атнабаева, В. Ахмадиева, Р. Бикбаева и др.

В общем, в творчестве современных башкирских поэтов тема божественной любви приобретает новые оттенки. Любовь становится силой, призывающей к нравственной красоте и чистоте.

В лирике указаного периода уделяется повышенное внимание взаимоотношениям человека и природы. Как отмечалось выше, данная вечная тема в творчестве поэтов освещается в двух аспектах: с одной стороны, восхищение и гордость лирического героя красотой родной природы и с другой стороны, его активная гражданская позиция в деле ее сохранения и улучшения экологической обстановки.

Следует отметить, что в поэзии исследуемого периода сравнительно редко встречаются чисто пейзажные стихотворения, описывающие природу как таковую. Обычно пейзаж является важным средством отражения душевного состояния героя, строя его мыслей.

Великолепные образцы пейзажной лирики часто встречаются в творчестве С. Кудаша, М. Карима, Н. Наджми, М. Гали, Р. Гарипова, Р. Сафина, А. Игебаева, Р. Назарова, Р. Бикбаева, Х. Назара, Р. Хисаметдиновой, К. Алибаева, Р. Ахмадиевой и др.

В пейзажной лирике исследуемого периода, в частности, преобладают традиционные мотивы (восхищение родной природой, землей и водами, тяготение к ней, тоска на чужбине по родным

просторам). Они у каждого поэта находят свое своеобразное преломление. В этом отношении примечательны стихотворения Ш. Биккула, Ф. Рахимгуловой, А. Игебаева, В. Ахмадиева, М. Ямалетдина, Р. Шакура и др.

В поэтическом арсенале современных писателей присутствуют различные виды пейзажей: пейзаж, основанный на слуховом восприятии, пейзаж-зрение, психологический пейзаж, стереоскопический пейзаж (синтетическое единство пейзажей, основанных на слуховом и зрительном, чувственном восприятии).

Указанные виды пейзажей часто встречаются в лирике М. Карима, Г. Рамазанова, М. Гали, А. Игебаева, Р. Сафина, Р. Гарипова, Р. Назарова, Р. Бикбаева, Х. Назара, М. Басырова, А. Тагировой, К. Аралбая, Р. Хисаметдиновой, Г. Якуповой, Т. Карамышевой и др.

Родной край, природа в современной лирике изображаются в неразрывной связи с образом Башкортостана. Прославление родины, глубокие размышления о его прошлом и настоящем, беспокойство за завтрашний день нашли художественное воплощение в произведениях Н. Наджми, Р. Бикбаева, А. Ахметкужина, С. Алибая, Х. Назара, Р. Мифтахова, Р. Кул-Давлета, Ф. Кузбекова и др.

Большое место в пейзажной лирике занимают экологические вопросы. Как правило, экологические проблемы не могут быть решены вне категории морали, так как оба эти понятия тесно связаны друг с другом.

Экологические вопросы по-разному преломляются в творчестве современных поэтов. Весьма интересна в этом отношении поэма Равиля Бикбаева «Жажда». В ней своеобразно отразились проблемы судеб природы и человека, существующие между ними сложные взаимоотношения. Лирический герой поэта предстает джигитом, который умеет дорожить родным краем, глубоко ощущает счастье и радость бытия.

В поэзии природа мыслится как живое существо. Всех авторов объединяет идея необходимости бережного отношения к природным ресурсам. Природа для них – самое большое богатство. Поэты предостерегают людей от безумного использования природных ресурсов, напоминают, что их нужно беречь как самое дорогое достояние; авторитетно заявляют о том, что судьба

природы, а следовательно, и судьба всего человечества всецело зависит от самого же человека, от того, насколько верно он организует свои взаимоотношения с природой (Х. Гиляжев, М. Гали, Р. Мифтахов, К. Аралбай, Г. Якупова, А. Утябаев и др.).

В современной башкирской поэзии взаимоотношения человека и природы переплетаются с темой любви к родному краю и проблемой экологии, чрезвычайно актуальной для современности. При этом особый акцент делается на раскрытие духовно-нравственного облика героя, его жизненной философии.

Творчество башкирских поэтов изучаемого периода представлено различными поэтическими жанрами и формами. Что касается особенностей поэтики их произведений, то здесь можно отметить активные поиски новых интонационно-ритмических средств, оперирование разнообразными художественными приемами.

При описании особенностей характера лирического героя, его нравственного облика поэты используют разнообразные средства художественного описания (сравнение, метафора, эпитет, олицетворение, эвфемизм, аллегория, метонимия, ирония, гипербола, гротеск, литота и др.).

Особое место занимают сравнение и метафора, которые имеют различные формы: простые сравнения, полные сравнения, слитные сравнения, смешанные сравнения и т. д. (С. Кудаш, Я. Кулмый, Р. Гарипов, Р. Назаров, Р. Хисаметдинова, Г. Юнусова и др.).

Умелое и точное использование метафор наблюдается в творчестве М. Карима, Р. Гарипова, Р. Сафина, Р. Назарова, Р. Бикбаева и др.

Для скрытого высмеивания и критики отдельных изъянов общества или отрицательных черт характера человека авторы часто обращаются к иронии. В этом отношении примечательны произведения Р. Гарипова, А. Атнабаева, Р. Мифтахова, Ф. Гумерова, К. Фазлутдинова, Р. Тимершина и др.

В творческом арсенале писателей широко используются такие стилистические фигуры, как анафора, эпифора, эпанастрофа, риторический вопрос, риторическое обращение, являющиеся важным средством усиления выразительности не только образно-художественной речи, но и речи необразной.

Во избежание повторов и примитивных сравнений в произведениях авторов употребляются такие лексические средства художественной выразительности, как антонимы, синонимы, омонимы.

В произведении мастеров художественного слова присутствуют и традиционные образы (лебедь, соловей, ворон, сокол, крылатый конь, береза, сосна, дуб, ива, черемуха и т. д.). Они выполняют различные функции, обогатившись новым содержанием (М. Карим, Я. Кулмый, Р. Гарипов, А. Тагирова, Р. Нигматуллин, М. Сиражи, Р. Бикбаев, А. Тагирова, З. Кутлугильдина, А. Гарифуллина, Г. Калимуллина и др.).

В башкирской лирике указанного периода наблюдалось частое употребление авторами метких народных пословиц и поговорок, их обращение к песеннему наследию своего народа. Введение в ткань стихотворения отрывка из народной песни, как нельзя лучше раскрывающей душевное состояние лирического героя, часто является вполне обоснованным и оправданным (З. Биишева, М. Карим, К. Киньябулатова, Р. Гарипов, М. Уразаев, Р. Бикбаев, М. Каримов, М. Сиражи, К. Аралбай, Х. Назар, С. Алибай, Р. Сафин, Р. Туйгун, Р. Хисаметдинова, Ф. Тугузбаева, С. Рахматуллин, Р. Шамммас и т. д.).

Таким образом, башкирская поэзия 1970–1990-х гг. XX – начала XXI века смогла успешно поэтизировать основные нравственно-этические проблемы изучаемого периода и полностью раскрыть богатый духовный мир современника.

ЛИТЕРАТУРА

Айтматов Ч. Цена – жизнь // Лит. газ. – 1986. – 13 авг. – С. 6.

Акмулла. Стихотворения / Сост., автор предисл., комментарий А. Вильданова. – Уфа: Башкнигоиздат, 1981. – 224 с. (на башк. яз.)

Алибаев З. А. Поэтика современных башкирских романов. С. 310–312. (на башк. яз.) // Башкирская филология: История, современность, перспективы. – Уфа: Гилем, 2005. – 374 с. (многоязычн.).

Антология башкирской литературы. В 2 т. Т. 1: XIII–XVIII вв. / Сост. М. Надергулов, Г. Хусаинов. – Уфа: Китап, 1999. – 464 с. (на башк. яз.)

Антология башкирской поэзии: Голоса веков / Сост. Р. Бикбаев, Г. Хусаинов, М. Надергулов, И. Киньябулатов, Ф. Ахметова. – Уфа: Китап, 2001. – 816 с. (на башк. яз.)

Антология казахской литературы / Под ред. Л. Соболева. – М.: Худлит, 1940. – 560 с.

Антология латышской поэзии. В 2 т. Т. 2. – М.–Л.: Худлит, 1959. – 495 с.

Антология поэзии Башкортостана: Голоса веков. – Уфа: Китап, 2007. – 456 с.

Аралбаев К. Белая юрта: Поэма и стихи. – Уфа: Башкнигоиздат, 1982. – 110 с.

Аралбаев К. Голос Таналыка: Поэмы. Стихи. Рубаи. – Уфа: Китап, 2001. – 384 с. (на башк. яз.)

Аралбаев К. Гонец: Стихи и поэма. – М.: Сов. писатель, 1983. – 80 с.

Аралбаев К. Рана батыра. – Уфа, 1980. – 104 с. (на башк. яз).

Аргайл М. Психология счастья. – М.: Прогресс, 1990. – 332 с.

Аристотель. Об искусстве поэзии / Отв. ред. Ф. А. Петровский. – М.: Госполитиздат, 1957. – 183 с.

Аристотель. Риторика. Поэтика. – М.: Лабиринт, 2000. – 224 с.

Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1984. – 830 с.

Асадуллина А. Солнечная роса: Стихотворения, баллады и поэмы. – Уфа: Китап, 2006. – 224 с. (на башк. яз.)

Атнабаев А. Избранные произведения: Стихи, поэмы. В 2 т. Т. 1. – Уфа: Башкнигоиздат, 1988. – 344 с. (на башк. яз.)

Ахмадиев В. Цена слова: Стихи. – Уфа: Башкнигоиздат, 1983. – 52 с. (на башк. яз.)

Ахмадиев В. Человек и природа в современной литературе // Агидель. – 1983. – № 2. (на башк. яз.)

Ахмадиев Р. Б. Жанрово-стилевые поиски в современной башкирской драматургии (70–80-е гг.): Учебное пособие. – Уфа: БашГУ, 1995. – 80 с. (на башк. яз.)

Ахмадин А. Сосны // Водопад: Сборник стихотворений. – Уфа: Китап, 1993. – 320 с. (на башк. яз.)

Ахмаметов Ш. Вежливость – благородное качество // Агидель. – 1994. – №5. (на башк. яз.)

Ахмедьянов К. А. Г. Салям. Жизнь и творчество. – Уфа: Башкнигоиздат, 1980. – 192 с. (на башк. яз.)

Ахмедьянов К. А. Прекрасное и героическое в поэзии. – Уфа: Башкнигоиздат, 1982. – 304 с. (на башк. яз.)

Ахмедьянов К. А. Теория литературы. – Уфа: Башкнигоиздат, 1971. – 388 с. (на башк. яз.)

Ахметова Ф. С. Творчество Рафаэля Сафина. – Уфа: Гилем, 1999. – 86 с. (на башк. яз.)

Бабич Ш. Стихи, поэмы, эпиграммы. – Уфа: Башкнигоиздат, 1985. – 400 с. (на башк. яз.)

Багуманов А. На пороге вечности: Стихи, поэмы, либретто. – Уфа: Китап, 1994. – 144 с. (на башк. яз.)

Бадруш М. Джигит с Урала. – Уфа: Башиздат, 1943. – 40 с. (на башк. яз.)

Баимов Р. Н. Поискам нет конца. – М.: Современник, 1980. – 205 с.

Барлас В. Я. Глазами поэзии: Об открытиях искусства и современных поэтах. – М.: Сов. писатель, 1986. – 286 с.

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Худлит, 1975. – 502 с.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Худлит, 1979. – 318 с.

Башкорт энциклопедияһы • Башкирская энциклопедия

Башкирская литература: Начало XX века. Кн. 1: Поэзия / Под ред. Г. Б. Хусаинова. – Уфа: Башкнигоиздат, 1983. – 400 с. (на башк. яз.)

Башкирская литература: Учебник для 10-х классов средней школы / Отв. ред. Г. Б. Хусаинов. – Уфа: Башкнигоиздат, 1996. – 256 с. (на башк. яз.)

Башкирское народное творчество: Эпос. Кн. 1. – Уфа: Башкнигоиздат, 1972. – 341 с. (на башк. яз.)

Белинский В. Г. Избранные сочинения / Вступит. статья и примеч. Ф. М. Головенченко. – М.: Гослитиздат, 1947. – 671 с.

Биишева З. Монолог: Стихи. Поэмы. – Уфа: Башкнигоиздат, 1986. – 112 с. (на башк. яз.)

Бикбаев Р. Т. Время. Поэт. Народ. – М.: Современник, 1986. – 240 с.

Бикбаев Р. Избранные произведения. Т. 2: Стихи, хадисы и переводы. – Уфа: Китап, 2008. – 560 с. (на башк. яз.)

Бикбаев Р. Край цветущий: Стихи. – Уфа: Башкнигоиздат, 1982. – 320 с. (на башк. яз.)

Бикбаев Р. Т. Слово поэта – совесть поэта. – Уфа: Китап, 1997. – 512 с. (на башк. яз.)

Бикбаев Р. Судьба моя. – Уфа: Башкнигоиздат, 1988. – 240 с. (на башк. яз.)

Бикбаев Р. Т. Эволюция современной башкирской поэзии. – М.: Наука, 1991. – 140 с.

Большая советская энциклопедия / Ред. А. М. Прохоров. – Т. 15. – М.: Сов. энциклопедия, 1974. – 631 с.

Бондарев Ю. О нравственности в литературе // Лит. Россия. – 1977. – 20 мая.

Бочаров А. Г. Бесконечность поиска: Художественные поиски современной советской прозы. – М.: Сов. писатель, 1982. – 423 с.

Буало Н. Поэтическое искусство. – М., 1957. – 232 с.

Валеев Д. Ж. Введение в этику. О нравственном потенциале культуры. – Уфа: БГУ, 1998. – 148 с.

Валеев Д. Ж. Луч, озаряющий душу человека // Дочь Башкирии. – 1989. – №2. – С. 18. (на башк. яз.)

Валеев Д. Ж. Нравственная культура башкирского народа: Прошлое и настоящее. – Уфа: Башкнигоиздат, 1989. – 256 с.

ИНСТИТУТ БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – М.: Высш. шк., 1989. – 404 с.

Викулов С. Всходы: Стихи. – М.: Сов. писатель, 1982. – 271 с.

Вильданов А. Х. Акмулла – певец света и разума // Акмулла. Стихотворения. – Уфа, 1981. (на башк. яз.)

Вильданов А. Х., Кунафин Г. С. Башкирские просветители-демократы XIX века. – М.: Наука, 1981. – 255 с.

Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. – М.: Наука, 1976. – 511 с.

Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М: Изд-во АН СССР, 1963. – 253 с.

Виц Б. Б. Демокрит. – М.: Мысль, 1979. – 212 с.

Гайнуллин М. Ф. Время. Конфликт. Характер. – Уфа: Башкнигоиздат, 1974. – 435 с. (на башк. яз.)

Гайнуллин М. Ф. Пути развития башкирской драматургии. – Уфа: Башкнигоиздат, 1985. – 328 с. (на башк. яз.)

Гали М. Багряные травы: Стихи и поэма. – Уфа: Башкнигоиздат, 1983. – 111 с.

Гали М. Далекие молнии: Стихи, поэмы. – Уфа: Башкнигоиздат, 1983. – 496 с. (на башк. яз.)

Гали М. Звезда надежды: Стихи и поэма. – Уфа: Башкнигоиздат, 1977. – 128 с.

Гали М. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1: Стихи. – Уфа: Башкнигоиздат, 1973. – 272 с. (на башк. яз.)

Галеева Г. Золотой корень Иремеля: Стихи, переводы, песни, поэма. – Уфа: Китап, 2004. – 200 с. (на башк. яз.)

Ганиева Т. Кипчаки: Поэма, стихи. – Уфа: Китап, 1994. – 176 с. (на башк. яз.)

Гаранин Л. Я. Поиск духовного единства: Характер ценностных ориентаций в современной советской литературе. – Минск: Наука и техника, 1990. – 223 с.

Гареева Г. Н. Вопросы мастерства в башкирской прозе: Учебное пособие для студентов. – Уфа: БашГУ, 1996. – 128 с. (на башк. яз.)

Гареева Г. Н. Зеркало времени: Духовный мир героя. – Уфа: БашГУ, 2003. – 123 с. (на башк. яз.)

Гарипов Р. Возвращение: Стихотворения и поэма. – М.: Современник, 1981. – 174 с.

Гарипов Р. Избранные произведения. – Уфа: Башкнигоиздат, 1992. – 368 с. (на башк. яз.)

Гарипов Р. Песня подснежника: Стихи. – Уфа: Башкнигоиздат, 1981. – 336 с. (на башк. яз.)

Гафури М. Избранное: Повести, рассказы, стихи / Сост. Л. М. Камаева. – Уфа: Китап, 2008. – 320 с.

Гафури М. Избранное: Стихи. – М., 1980. – 270 с.

Гафури М. Сочинения. В 6 т. Т. 1. – Уфа: Башкнигоиздат, 1954. – 270 с. (на башк. яз.)

Гафури М. Сочинения. В 6 т. Т. 3. – Уфа: Башкнигоиздат, 1955. – 323 с. (на башк. яз.)

Гегель В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 3 / Послесл. и примеч. А. П. Огурцова. – М.: Мысль, 1975. – 695 с.

Гейне Г. Твои глаза – сапфира два... // 30 000 слов о любви: Лучшие стихи великих поэтов мира. – М.: Астрель, 2012. – 320 с.

Герцен А. И. Об искусстве. Художественные произведения и отрывки из статей, писем и дневников / Подготовка текста и примеч. В. А. Путинцева. Вступит. статья Я. Е. Эльсберг. – М.: Искусство, 1954. – 447 с.

Гиляжев Х. Блуждающие звезды: Стихи. – Уфа: Китап, 1996. – 192 с. (на башк. яз.)

Гиляжев Х. Избранные произведения. Т. I: Стихи и поэмы. – Уфа: Башкнигоиздат, 1972. – 288 с. (на башк. яз.)

Гиляжев Х. Наедине с собой и веком: Стихи, поэмы. – Уфа: Башкнигоиздат, 1981. – 208 с.

Гиляжев Х. Род мой: Стихи. – Уфа: Башкнигоиздат, 1979. – 96 с. (на башк. яз.)

Гиляжев Х. Совесть // Агидель. – 1993. – № 2. (на башк. яз.)

Гранин Д. А. В конце семидесятых: Литература наших дней. – Л.: Лениздат, 1980. – 326 с.

Гусев В. И. Высокая любовь. – М.: Сов. Россия, 1980. – 79 с.

Гусев В. И. Художественное и нравственное. Письма о литературе. – М.: Худлит, 1988. – 367 с.

Гусейнов А. А. Великие моралисты. – М.: Республика, 1995. – 351 с. (на башк. яз.)

Давлетов Г. Воды Нугуша: Стихи. – М.: Современник, 1979. – 80 с.

Давлетов Г. Светлые минуты встречи: Стихи, поэма. – Уфа: Башкнигоиздат, 1986. – 144 с. (на башк. яз.)

Давлетов Г. Я – сын земли. – Уфа: Башкнигоиздат, 1972. – 95 с.

Даль В. И. Толковый словарь. Т. 2. – М.-СПб., 1881. – 810 с.

Джамбул. Избранное. – М.: Худлит, 1986. – 239 с.

Дугаржапова Т. М. Бурятская поэзия: Проблемы поэтики и стиля: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2004. – 73 с.

Евтушенко Е. Собр. соч. В 3 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы (1952–1964). – М.: Худлит, 1983. – 559 с.

Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: Наука, 1977. – 407 с.

Зарипов Г. Ревность // Водопад. – Уфа: Китап, 1993. – 320 с. (на башк. яз.)

Игебаев А. Горсть земли родной: Стихи и поэмы. – Уфа: Башкнигоиздат, 1987. – 112 с.

Игебаев А. Даже камни тоскуют. – Уфа: Башкнигоиздат, 1972. – 160 с. (на башк. яз.)

Игебаев А. Избранные произведения. – Уфа: Китап, 1994. – 304 с. (на башк. яз.)

Игебаев А. Невысказанные слова: Стихи. Поэмы. – Уфа: Башкнигоиздат, 1990. – 304 с. (на башк. яз.)

Игебаев А. Цветами осыплю твой путь: Стихи. – Уфа: Башкнигоиздат, 1984. – 128 с. (на башк. яз.)

Идельбаев М. Х. Национальный герой, поэт, публицист / Юлаев Салават: Стихи, песни и рапорты батыра. – Уфа: Башкнигоиздат, 1994. – 152 с. (на башк. яз.)

Изард К. Эмоции человека. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 440 с.

Из века в век. Башкирская поэзия. – М.: Пранат, 2008. – 703 с.

История башкирской советской литературы. – М.: Наука, 1977. – 527 с.

История башкирской литературы. В 6 т. Т. 1: Средневековый период. – Уфа: Башкнигоиздат, 1990. – 608 с. (на башк. яз.)

История башкирской литературы. В 6 т. Т. 2: Литература XIX – начала XX вв. – Уфа: Башкнигоиздат, 1990. – 582 с. (на башк. яз.)

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УФИМСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

История башкирской литературы. В 6 т. Т. 6: Современная литература (1966–1994 гг.). – Уфа: Китап, 1996. – 710 с. (на башк. яз.)

Исянбаева Ф. Что такое любовь? Есть ли она? // Дочь Башкирии. – 2000. – № 6. (на башк. яз.)

Каноат М. Голоса Сталинграда // Юность. – 1973. – №5.

Кант И. Собр. соч. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – 544 с.

Карамышева Т. Молитвы моей души: Поэмы, стихи. –Уфа: Китап, 1998. – 272 с. (на башк. яз.)

Карим М. Глобальная тревога // Изв. Башкортостана. – 1997. – 22 марта.

Карим М. Избранное. – Уфа: Башкнигоиздат, 1955. – 144 с.

Карим М. Покатилось сердце мое: Стихотворения. – Уфа, 2011. – 136 с.

Карим М. Сочинения. Т.1: Стихотворения, поэмы / Сост. И. Каримов, Ф. Юнусова. – Уфа: Китап, 2009. – 512 с. (на башк. яз.)

Карим М. Сочинения. Т. 2: Стихотворения, поэтические переводы / Сост. И. Каримов, Ф. Фазылова. – Уфа: Китап, 2011. – 416 с. (на башк. яз.)

Карим М. Четыре времени любви: Стихи. – Уфа: Башкнигоиздат, 1978. – 192 с. (на башк. яз.)

Карим Х. Бессмертная любовь: Рассказы, очерки, стихи. – Уфа: Башиздат, 1943. – 64 с. (на башк. яз.)

Карим Х. Песни радости. – Уфа: Башиздат, 1949. – 100 с.

Кеминэ (Маммедвели). Стихотворения. – М.: Худлит, 1968. – 86 с.

Кильмухаметов Т. А. Вопросы поэтики башкирской трагедии. – Уфа: БашГУ, 1983. – 80 с. (на башк. яз.)

Кильмухаметов Т. А. Драматургия и драматурги: Исследования, статьи. – Уфа: Башкнигоиздат, 1986. – 294 с. (на башк. яз.)

Киньябулатова К. Дыхание матери: Стихи, поэмы, баллады. – Уфа: Башкнигоиздат, 1980. – 240 с. (на башк. яз.)

Киньябулатова К. Дыхание матери: Стихи, поэма. – Уфа: Башкнигоиздат, 1985. – 128 с.

Книга любви / Сост. Г. Байбурин. – Уфа: Башкнигоиздат, 1982. – 192 с. (на башк. яз.)

Кудаш С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. – Уфа: Башкнигоиздат, 1989. – 400 с. (на башк. яз.)

Кузнецов Ф. Ф. За все в ответе. Нравственные искания в современной прозе и методология критики. – М.: Сов. Россия, 1984. – 588 с.

Кул Давлет. Рисунок твой // Семь родников: Стихи. Колл. авторов.– Уфа: Башкнигоиздат, 1988. – 176 с. (на башк. яз.)

Кулмый Я. Я слышу сердцем. – Уфа: Башкнигоиздат, 1966. – 160 с.

Кунафин Г. С. Духовное сияние времен. – Уфа: Китап, 2006. – 492 с. (на башк. яз.)

Кутлугильдина З. Зарево: Стихи. – Уфа: Башкнигоиздат, 1989. – 72 с. (на башк. яз.)

Лапченко А. Ф. Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х годов. – Л., 1985. – 137 с.

Ларошфуко Франсуа де. Максимы и моральные размышления / Пер. с фр. Э. Линецкой. – М.–Л.: Гослитиздат, 1959. – 96 с.

Липин С. А. Человек глазами природы. – М.: Сов. писатель, 1985. – 232 с.

Ломидзе Г. И. Нравственные истоки подвига. – М.: Сов. писатель, 1977. – 246 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. – М.: Политиздат, 1974. – 535 с.

Махинина Н. Г. Проблема нравственных ценностей в творчестве Юрия Казакова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1997. – 33 с.

Маяковский В. В. Как делать стихи? – М.: Сов. писатель, 1952. – 40 с.

Медынский Г. Г. Разговор всерьез. – М.: Сов. Россия, 1977. – 236 с.

Миннуллин Р. Произведения. В 7 т. Т. 2: Стихи, песни, эпиграммы. – Казань: Таткнигоиздат, 2007. – 591 с. (на тат. яз.)

Мифтахов Р. Добрый молодец: Стихи, поэма. – Уфа: Башкнигоиздат, 1986. – 112 с. (на башк. яз.)

Мифтахов Р. Простое чудо: Стихи, песни. – Уфа: Башкнигоиздат, 1982. – 112 с. (на башк. яз.)

Мифтахов Р. Простое чудо: Стихотворения. – М.: Современник, 1983. – 63 с.

БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Мифтахов Р. Чудное мгновенье. – Уфа: Китап, 1995. – 240 с. (на башк. яз.)

Михайлов А. М. Лирика сердца и разума. – М.: Сов. писатель, 1965. – 396 с.

Наджми Н. Сочинения. Т. 1: Стихи. – Уфа, 1977. – 240 с. (на башк. яз.)

Наджми Н. Стороны: Стихи и поэмы. – Уфа: Башкнигоиздат, 1980. – 160 с. (на башк. яз.)

Наджми Н. Стороны: Стихи, поэма. – М.: Сов. писатель, 1982. – 120 с.

Надршина Ф. А. Узак и Тузак – потомки балабашняков // Ватандаш. – 1999. – №1. – С. 82; 86. (на рус. и башк. яз.)

Назаров Х. Вознесение на небеса: Стихи и поэмы. – Уфа: Китап, 2000. – 272 с. (на башк. яз.)

Назаров Р. Несу вам сердце свое: Стихи. – Уфа: Башкнигоиздат, 1991. – 176 с. (на башк. яз.)

Назаров Х. Раздумья о поэзии // Агидель. – 1996. – №4. (на башк. яз.)

Некрасов А. Н. Стихотворения. Поэмы. – М.: Худлит, 1971. – 702 с.

Нигмати Р. Сочинения. В 2 т. Т. 1: Стихи, поэмы / Сост., автор предисл. Г. Хусаинов. – Уфа: Башкнигоиздат, 1982. – 448 с. (на башк. яз.)

Нойберт Р. Новая книга о супружестве: Проблемы брака в настоящем и будущем. – М.: Прогресс, 1967. – 320 с.

Нургалин З. А. Герой и современность. – Уфа: Башкнигоиздат, 1975. – 144 с. (на башк. яз.)

Общественные науки за рубежом. – 1976. – Серия 7. № 2. – М., 1976. – 314 с.

Одум Ю. Экология. В 2 т. Т. 1. – М.: Мир, 1986. – 328 с.

Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.

Поэзия народов мира: От древнейших времен до рубежа XIX–XX вв. / Сост. В. В. Левика и др.; вступит. ст. Г. Кружкова. – М.: Дет. лит-ра, 1986. – 719 с.

Поэты Башкирии: Антология. В 2 т. Т. 1. – Уфа: Башкнигоиздат, 1979. – 336 с.

Поэты Башкирии: Антология. В 2 т. Т. 2. – Уфа: Башкнигоиздат, 1980. – 416 с.

Рамазанов Г. Шестьдесят шагов: Стихи и поэмы. – Уфа: Башкнигоиздат, 1983. – 544 с. (на башк. яз.)

Рахматуллина З. Я. Этикет как ценность культуры. – Уфа: Гилем, 2004. – 240 с.

Романенко В. П. Человек и природа гор в художественной литературе Северного Кавказа, эволюция взглядов и нравственный аспект проблемы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2008. – 22 с.

Сафин Р. Белая музыка: Стихи. – М.: Современник, 1977. – 93 с.

Сафин Р. Ни стыда, ни совести... // Ахметова Ф. Творчество Рафаэля Сафина. Уфа: Гилем, 1999. – С. 28. (на башк. яз.)

Сафин Р. Светлая мелодия: Стихотворения. – Уфа: Башкнигоиздат, 1977. – 160 с. (на башк. яз.)

Сафин Р. Танец в огне: Стихи, поэмы, пьесы. – Уфа: Китап, 1998. – 432 с. (на башк. яз.)

Сипко Л. М. Человек и природа в русской поэзии 60–70-х гг. – Киев, 1987. – 216 с.

Сиражи М. Настоящие друзья // Агидель. – 1980. – № 10. (на башк. яз.)

Смола О. П. Лирика Асеева. – М.: Худлит, 1980. – 158 с.

Сокорой Г. Свет лампы. – Уфа, 1995. – 96 с. (на башк. яз.)

Стеблева И. В. Поэзия тюрков VI–VIII веков. – М.: Наука, 1965. – 148 с.

Сулейманов А. М. Салават Юлаев – сэсен-импровизатор // Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева. – Уфа: Гилем, 2004. – 464 с.

Тагирова А. Обычай моего рода: Стихи, поэмы, сонеты. – Уфа: Башкнигоиздат, 1991. – 192 с. (на башк. яз.)

Тагирова А. Перекаты Сиказе: Стихи. – М.: Сов. писатель, 1990. – 112 с.

Тагирова А. Тропинка матери: Сонеты, поэмы. – Уфа: Башкнигоиздат, 1988. – 111 с. (на башк. яз.)

Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. – М.: Прогресс, 1981. – 367 с.

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. 6-е изд. – М.–Л.: Худлит, 1931. – 244 с.

30 000 слов о любви: Лучшие стихи великих поэтов мира. – М.: Астрель, 2012. – 320 с.

Тугузбаева Ф. Даю тебе свое благословение: Стихи, поэмы. – Уфа: Китап, 1994. – 240 с. (на башк. яз.)

Тугузбаева Ф. Зеница ока: Стихи, поэма. – Уфа: Башкнигоиздат, 1984. – 88 с.

Тугузбаева Ф. Хлеб да соль!: Стихи. – Уфа: Башкнигоиздат, 1989. – 56 с.

Туйгунов Р. Любовь не знает опозданий: Стихи, поэмы, пьеса. – Уфа: Китап, 1994. – 144 с.

Тургенев И. С. Собр. соч. В 10 т. Т. 6. – М.: Наука, 1981. – 465 с.

Туфан Х. Избранное: Стихи и поэмы. – М.: Сов. Россия, 1987. – 192 с.

Туфан Х. Лирика. – Казань: Таткнигоиздат, 1980. – 319 с. (на тат. яз.)

Уметбаев М. Стихи и посвящения. – Уфа: Китап, 2001. – 64 с. (на башк. яз.)

Урал-батыр: Башкирский народный эпос / Подготовка текста, редакция, предисл., коммент. М. Сагитова. – Уфа: Башкнигоиздат, 1986. – 160 с.

Утябаев А. Родник // Агидель. – 1999. – №1. (на башк. яз.)

Федоров В. Д. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. Стихотворения. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 496 с.

Фирсов В. И. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. – М.: Худлит, 1983. – 479 с.

Хабиров А. Х. В стране поэзии. – Уфа: Китап, 2006. – 216 с. (на башк. яз.)

Харисов М. Влюбилась в молодость душа: Стихи, воспоминания. – Уфа: Башкнигоиздат, 1981. – 112 с. (на башк. яз.)

Хисаметдинова Р. Моя лира: Стихотворения. – Уфа: Китап, 2009. – 248 с. (на башк. яз.)

Храпченко М. Б. Познание литературы и искусства: Теория. Пути современного развития. – М.: Наука, 1987. – 575 с.

Хуако С. А. Нравственно-этическая проблематика и художественные искания адыгейской прозы 60–70-х гг. XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 1996. – 19 с.

Хусаинов Г. Б. Некоторые вопросы башкирской советской поэзии. – Уфа, 1957. – 180 с. (на башк. яз.)

Хусаинов Г. Б. НТР. Литература и искусство // Агидель. – 1980. – № 6. (на башк. яз.)

Хусаинов Г. Б. Поэтика башкирской литературы. Ч. 1: Теоретическая поэтика. – Уфа: Гилем, 2006. – 403 с. (на башк. яз.)

Хусаинов Г. Б. Поэты: Творческие портреты. – Уфа: Башкнигоиздат, 1981. – 240 с. (на башк. яз.)

Хусаинов Г. Б. Секреты творчества. – Уфа: Китап, 1995. – 112 с. (на башк. яз.)

Хусаинов Г. Б. Сочинения. В 3 т. Т. 2: Весь мир. Миниатюры. – Уфа: Китап, 2000. – 576 с. (на башк. яз.)

Хусаинов Г. Б. Теория литературы. – Уфа: Китап, 2010. – 384 с. (на башк. яз.)

Хусаинова Г. Р. Поэтика башкирских народных волшебных сказок. – М.: Наука, 2000. – 247 с.

Чихинбаева Г. Бездуховность // Башкортостан. – 2007. – 25 окт. (на башк. яз.)

Шагалиев Р. Черемуха, посаженная тобой: Стихи. – Уфа: Башкнигоиздат, 1985. – 64 с. (на башк. яз.)

Шаммас Р. Поющие капельки: Стихи и поэмы. – Уфа: Башкнигоиздат, 1984. – 96 с.

Шарипова З. Я. Литературоведение и современность. – Уфа: Китап, 2001. – 320 с. (на башк. яз.)

Шарипова А. С. Морально-этическая концепция в драматургии Юнуса Аминова. – Автореф. дис. ... канд филол. наук. – Казань, 2007. – 29 с.

Шелеби Н. Чувашская песня. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1955. – 100 с.

Юзеев Н. Г. Современная татарская поэтика. Введение в теорию поэзии. – Казань: Таткнигоиздат, 1973. – 345 с. (на тат. яз.)

Юлаев Салават: Стихи, песни и рапорты батыра. – Уфа: Китап, 1994. – 152 с. (на башк. яз.)

Юлаев Салават. Стихотворения / Сост. Г. Галимова. – Уфа: Китап, 2000. – 128 с. (на башк. и рус. яз.)

Юнусова Г. Избранные произведения: Стихотворения, песни. В 2 т. Т. 1. – Уфа: Китап, 2011. – 472 с. (на башк. яз.)

Юнусова Г. Избранные произведения: Стихотворения. – Уфа: Китап, 2017. – 416 с. (на башк. яз.)

Юнусова Г. Праздник памяти: Стихотворения. – Уфа: Башкнигоиздат, 1986. – 88 с.

Юсупов И. Глаза ящерицы: Стихи и поэма («Томирис»). – М.: Сов. писатель, 1983. – 102 с.

Юсупов Т. Избранные произведения: Стихотворения, поэмы. Т. 1. – Уфа: Китап, 2006. – 408 с. (на башк. яз.)

Язык народа – язык истины / Сост. М. В. Зайнуллин. – Уфа: Китап, 2005. – 224 с. (на башк. яз.)

Ямалетдин М. Тропинка: Стихи, монологи, поэма. – Уфа, 2007. – 102 с. (на башк. яз.)

Янбеков Р. Тоска: Стихи. – Уфа: Китап, 1992. – 80 с. (на башк. яз.)

Янбеков Р. Цветы во сне: Стихи. – Уфа: Китап, 1996. – 120 с.

Янбулатова Р. Когда цветет калина: Стихи и песни. – Уфа: Башкнигоиздат, 1976. – 80 с. (на башк. яз.)

БАШКОРТОСТАН ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ · БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....3

ГЛАВА I. Отражение духовных ценностей в башкирской поэзии.....8

ГЛАВА II. Нравственно-этические проблемы в башкирской поэзии 70–90-х гг. XX – начала XXI в. 32

2.1. Высшие нравственные ценности в творчестве поэтов...32

2.2. Нравственные основы понятия «любовь» 56

2.3. Человек и природа: нравственность и экология.....80

ГЛАВА III. Поэтика нравственно-этического содержания башкирской поэзии 70–90-х гг. XX – начала XXI в. 98

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....121

ЛИТЕРАТУРА.....128

Научное издание

Фазылова Флорида Салимовна

НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ (II ПОЛОВИНА XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Редактор *И. С. Сырлыбаева*
Технический редактор *Д. Н. Махмутова*
Компьютерная верстка *Е. Т. Хомяковой*

Подписано в печать 25.12.2017. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офисная «Снегурочка».
Гарнитура «BTTimesNR». Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 6,69.
Тираж 100 экз. Заказ № 7.

ГАУН РБ «Башкирская энциклопедия».
450006, г. Уфа, ул. Революционная, 55. Тел.: (347) 250-06-72.
http://www.bashenc.ru
E-mail: gilem@bashenc.ru

Отпечатано в ООО «Информационно-просветительский центр
“Башакадемкнига”».
450006, г. Уфа, ул. Революционная, 55

БАШҠОРТ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ
БАШКИРСКАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ